

МЕЧ И ЯТАГАН

РОМАН

ДЭВИД БОЛЛ

Это историческая художественная литература
в своем лучшем проявлении: масштабная,
драматичная и детализированная.

Publishers Weekly

The Big Book

Дэвид Болл

Меч и ятаган

«Азбука-Аттикус»

2004

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Болл Д. У.

Меч и ятаган / Д. У. Болл — «Азбука-Аттикус», 2004 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-24853-3

Мальта, XVI век. Мальчика Нико похищают работорговцы и увозят в Северную Африку. У его сестры Марии две мечты. Во-первых, сбежать с острова, где никто и пальцем не шевельнул, чтобы спасти ее брата. Однако вторую ее мечту, кажется, осуществить еще сложнее: в обществе, где в школы допускаются только дворянские сыновья, девочка из простой семьи хочет научиться читать. А в Париже растет граф Кристиан де Врис. С рождения он принят в орден госпитальеров, но сердце мальчика отдано медицине... Через несколько лет всем троим предстоит сыграть свою роль в Великой осаде Мальты, когда на крошечном острове столкнутся цивилизации и решится судьба Европы. От невольничьих рынков Алжира и султанского сераля в Стамбуле до шумных набережных Парижа и рыцарского форта на Мальте: «Меч и ятаган» – одна из лучших авантюрно-приключенческих саг, роман о вечной борьбе религий и культур Востока и Запада. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-24853-3

© Болл Д. У., 2004

© Азбука-Аттикус, 2004

Содержание

Основные действующие лица	6
От автора	8
Книга первая. Нико	9
Глава 1	11
Глава 2	21
Глава 3	29
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	62
Глава 7	70
Глава 8	89
Глава 9	98
Глава 10	111
Глава 11	123
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Дэвид Болл Меч и ятаган

David Ball

IRONFIRE

(The Sword and the Scimitar)

Copyright © 2004 by David W. Ball All rights reserved

© 2004 by David W. Ball All rights reserved

© Н. А. Пресс, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

*Посвящается Джин Наггар и Беверли Льюис, которые открыли
дверь, и Грегу Пирсоцу, который включил свет*

Основные действующие лица

Париж

Кристиан де Врис, рыцарь-хирург ордена Святого Иоанна Иерусалимского
Арно, граф де Врис
Симона, жена Арно
Бертран Кювье, рыцарь ордена Святого Иоанна
Филипп Гиньяр, врач
Марсель Фуко, хирург-цирюльник

Мальта

Мария Борг, мальтийская крестьянка
Нико Борг, младший брат Марии
Лука Борг, их отец
Изольда Борг, жена Луки
Елена, куртизанка
Фенсу, глава общины Мекор-Хаким
Элли, жена Фенсу
Отец Джулио Сальваго, капеллан церкви Святой Агаты
Якобус Павино, ловец птиц с острова Гоцо
Анжела Бука, баронесса
Антонио Бука, ее муж, барон

Стамбул

Аша, паж на службе у султана в серале Топкапы
Алиса, рабыня
Искандер, наставник в школе пажей
Шабух, паж
Насрид, паж

Алжир

Эль-Хаджи Фарук, зажиточный торговец и кораблестроитель
Юсуф, его сын
Амира, жена Фарука
Мехмед, слуга в доме Фарука
Леонардус, корабельных дел мастер
Иби, садовник

Исторические персонажи

Тургут-реис, корсар

Сулейман, султан османов

Жан Паризо де ла Валетт, великий магистр ордена Святого Иоанна

Ромегас, командующий галерами, рыцарь ордена Святого Иоанна

Сэр Оливер Старки, англичанин, секретарь великого магистра

Джихангир, принц, младший сын Сулеймана

Жозеф Каллус, врач из Мдины

Доменико Кубельес, епископ и инквизитор Мальты

Дон Гарсия, вице-король Сицилии

Амбруз Паре, хирург

Мустафа-паша, османский генерал

Пияле-паша, османский адмирал

Отец Иезуальд, священник-еретик

От автора

Большинство дат в приведенных отрывках из «Историй Средиземноморья», написанных османским историком Дарием, были даны по мусульманскому календарю. Для простоты восприятия в романе даты приводятся по европейскому, григорианскому календарю.

Книга первая. Нико

ИЗ «ИСТОРИЙ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ»

Начаты в Стамбуле в 1011 году от хиджры пророка (1604 год) Дарием по прозвищу Хранитель, историком Льва Востока и Запада, султана Ахмеда

Мальта!

Никогда еще за всю историю человечества судьба целых империй не зависела от столь неожиданного места. Мальтийский архипелаг составляют всего пять маленьких островов, из которых внимания достойны только два: Мальта и Гоцо. Оба острова довольно каменисты, источников пресной воды там немного, а слой плодородной земли так тонок, что могут выжить лишь самые неприхотливые фиговые деревья и дыни, а также самые стойкие люди.

В доисторические времена, задолго до бронзового века, на островах жили древние люди, оставившие после себя развалины храмов и глубоко ушедшие в землю каменные дороги. Этими путями прошли финикийцы, за ними – карфагеняне, а вслед за теми – римляне. В бухте на северной стороне острова после кораблекрушения был выброшен на берег христианский апостол Павел, позднее принявший мученическую смерть. Во время пребывания на острове он посеял семена своей веры, которые на Мальте прижились куда лучше, чем фиговые деревья и дыни.

Набеги вандалов стали настоящей напастью для острова в те времена, когда Римскую империю разрывало на восточную и западную части. Мальта отошла к восточному царству – к Византии, правившей островом до 870 года, когда его захватили арабы, кочевые мусульманские племена, успевшие завоевать большую часть мира и выйти к его западным границам у самого Иберийского полуострова.

В жизни Мальты был краткий и яркий момент, когда мусульмане мирно жили рядом с христианами и иудеями, но продлился он недолго.

В 1090 году острова были завоеваны графом Роже Норманнским. После споров о линии престолонаследия Мальта перешла во владение Фридриха I, императора Священной Римской империи, который использовал ее как колонию-поселение и навсегда изгнал мусульман из этих земель. Германцев, в свою очередь, изгнали французы под предводительством Карла Анжуйского, а французов – арагонцы. После заключения брачного союза между Фердинандом Арагонским и Изабеллой Кастильской испанцы запретили в королевстве все религии, кроме римского католицизма, что привело к появлению инквизиции. В это время мавры, населявшие Иберийский полуостров почти семь столетий, были вынуждены отступить под натиском христианских королевств. Последний форпост мусульман – Гранада – пал в 1492 году, когда и произошел великий исход мавров и иудеев из всех испанских земель, включая Мальту, где наконец принесли плоды посеянные апостолом Павлом семена христианской веры.

Кто же из жителей Мальты смог выжить в столь смутные времена? Представители лишь одной религии, но разных кровей и разного происхождения. Язык этого народа являл собой гремящую смесь арабского, семитского и итальянского, манера одеваться и культура – смешение восточных и западных традиций, а правила ими поставленные у власти арагонцами представители знатных семей, на чьих полях неустанно трудились крестьяне, единственное постоянное население Мальты.

Мальта страдала от мора и чумы, от грабежей череды монархов, засух, набегов корсаров и от адской жары летом. Мальту высмеивали за бедность культуры, за скудость земли и нищету населения, что не мешало ей оставаться лакомым куском из-за идеальных гаваней и стратегически выгодного местоположения, позволявшего контролировать морские пути из Африки на Сицилию. Именно уникальное расположение в сочетании с владычеством Османской империи в восточных морях гарантировали острову значимость, совершенно непропорциональную его размерам.

Несомненно, Мальта сыграла важнейшую роль в судьбах мира в начале XVI века, послужив интересам еще одного императора Священной Римской империи, Карла V Испанского. Он отдал остров рыцарям ордена Святого Иоанна Иерусалимского, которые правили там несколько веков.

Мальта.

Крошечный непритязательный остров менее шести лиг¹ длиной и три шириной – песчинка на просторах огромных океанов, но зато какая!

Какие удивительные повороты судьбы ожидают его!

Из тома VII. Великие кампании. Мальта

¹ Лига равна примерно 4,8 км. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Глава 1

Мальта. 1552 год

В то утро, когда на остров прибыли работорговцы, дети искали клад.

С головой уйдя в это занятие, они не заметили мачт корсарской галеры, скрытой от них высокими скалами, окружавшими бухту, где ночью судно встало на якорь.

Они не заметили убитого дозорного, подвешенного за ноги с внешней стороны сторожевой башни. Его звали Бартоломео, он был чуть постарше их и жил на той же улице. Корсары перерезали ему горло от уха до уха, пока тот мирно спал. Его кровь уже запеклась на площадке сторожевой башни, с которой он должен был забить тревогу и с которой его убийцы забрали несколько досок. Дети не заметили Бартоломео, потому что прятались от него в глубоких оврагах или за низкими каменными стенами, разделявшими поля, такие сухие и выжженные, что ими перестали интересоваться даже вороны. Дети знали, что, пока они остаются под прикрытием этих стен, Бартоломео не сможет их увидеть и разрушить их планы. А он бы обязательно сделал это, причем просто из вредности. Бартоломео вообще был гадкий парень.

Они не увидели и не услышали вереницу галерных рабов, змеившуюся по расселине шагах в ста к востоку от них. Мужчины молча трудились, передавая друг другу ведра с водой под бдительным надзором надсмотрщиков.

Запах галеры они тоже не почувствовали, потому что ветер – северо-западный мистраль – дул им в спину. Если бы ветер был верный, то они бы сначала учуяли галеру, а только потом увидели ее. Этот запах опасности не спутать ни с чем. Если бы учуяли, то ощутили бы запах приговора и успели бы испугаться, успели бы обратиться в бегство.

Как на грех, сегодня единственным запахом для них остался аромат мечтаний Марии.

– Мы же должны чистить выгребную яму! Отец нас выпорет, – мрачно заявил Нико.

Он уже запыхался, пытаясь не отставать от сестры, которая вела его к южному побережью Мальты. Ноги обжигал известняк, успевший изрядно нагреться под палящими, несмотря на ранний час, лучами солнца.

– Да он даже не узнает! – успокоила его сестра.

Она прыгала по камням быстро, словно капелька ртути, босые ноги ловко находили, куда встать, чтобы не напороться на опунцию. Марии было тринадцать, невысокая для своего возраста, ладно сложенная и худенькая, по фигуре пока не было заметно, что она девочка. Поношенная, запачканная одежда, подпоясанная ремнем, на котором висел нож. Короткие взъерошенные волосы, как у мальчишки. В лицо въелась грязь, кожа дочерна загорела, в зеленых глазах сверкала решительность и жажда приключений.

– Он сегодня занят, встречается с *капумастру*, старшим мастером. Может, его возьмут строить новый форт для рыцарей. А я не сдамся, пока мы не найдем то, что ищем! Если тебе охота разгрести навоз вместо того, чтобы искать клад, – вперед! Мне-то какое дело!

Уже два бесконечно длинных дня они трудились в выгребной яме за домом, ведрами таская оттуда экскременты людей и животных, которые потом надо было раскидывать на каменистом поле за городом, где их семья пыталась развести огород. Они опустошали яму дважды в год, когда мухи на кухне уж совсем жирнели. Если бы не мухи, Мария бы вообще не понимала, зачем этим заниматься. На том поле ничего не выросло уже два года кряду, как, впрочем, и на всей Мальте. дождей не было, не было и зерна с Сицилии. В тот год ее сестра и брат, близнецы, умерли от голода в младенчестве, как и половина новорожденных в Биргу. «На Мальте не растет ничего, кроме камней и несчастий, – частенько повторяла их мать. – Ничего, кроме навоза. Вот если бы его можно было продать на рынке, ох как бы мы разбога-

тели!» Наверное, это было единственное, в чем Мария соглашалась с матерью: разбрасывать по полю навоз бесполезно, просто очередная гадкая прихоть отца. Гораздо лучше заняться чем-нибудь, от чего будет хоть какой-нибудь толк.

– Да мы уже ищем-ищем этот клад, а все без толку! – не унимался Нико.

– Сегодня обязательно найдем! Но если хочешь домой – иди!

Нико, конечно, никуда не пойдет. Он боготворил свою сестру, которая была солнцем в его жизни. Она защищала его от гнева отца и отчаяния матери и от всех бед враждебного мира. Она совсем не похожа на других девочек ее возраста. Большинство из них закрыли лица *барнузой* и остались дома. «Женщина должна появляться на публике лишь дважды, – сказала мать Марии. – В день, когда она выйдет замуж, и в день, когда ее похоронят». Мария никогда не слушала. Она была сорванцом со вспыльчивым характером и поклялась никогда не прятаться за *барнузой*. Другие девушки сторонились ее, но и она избегала их.

Нико это вполне устраивало, потому что сестра проводила с ним все время, знала все на свете, рассказывала сказки, лазила по скалам и искала клады. Если бы Мария решила прыгнуть с обрыва, то брат без раздумий последовал бы за ней, даже если бы потом им обоим влетело от отца.

– Я просто не хочу, чтобы он меня выпорол...

– Бывают вещи и похуже.

– Какие такие вещи? – спросил Нико, ощущая отцовский кожаный ремень на своей спине и размышляя, что вряд ли бывает что-то хуже.

– А такие! Например, всю жизнь разгребать дерьмо. Или позволить кому-нибудь другому найти клад! О, мы уже добрались! – воскликнула сестра.

Они пришли в свое тайное место – руины, расположенные на плато, откуда было видно море. Сколько раз они туда приходили, но ни разу никого не встретили. Большую часть руин за многие века занесло песком, но все же на месте храма, построенного в незапамятные времена древней и давно забытой расой, осталось несколько огромных каменных мегалитов. Паратройка каменных колонн еще стремилась в небо, остальные давно упали и валялись как попало. Еще тут сохранились подземные катакомбы, где было очень здорово играть в прятки. Дети уже давно обследовали тут все закоулки, пролезали в отверстия и забирались под каменные плиты, иногда находя новые проходы и помещения, роаясь среди обломков и ведя свои раскопки.

Мария была уверена, что где-то в недрах этого лабиринта, тщательно спрятанные в сундуке, горшке или под каменной плитой, их ждут сокровища. Полвека назад евреев изгнали из Испании и подвластных ей земель, в том числе и с Мальты. Спасаясь бегством от преследователей, многие из них, как считалось, закопали здесь свои несметные богатства в расчете когда-нибудь вернуться за ними. Пока Марии не удалось найти ничего, кроме ракушек и костей, но она бы все равно пришла сюда, даже если бы и не надеялась отыскать сокровища.

Девочка обожала руины. В них была какая-то чистота – во всем, от запаха до величественного вида на море и угадывавшихся намеков на славное прошлое. Она чувствовала присутствие и дух людей, построивших этот храм, – людей, у которых были деньги и еда, которые одевались еще роскошнее, чем рыцари ордена Святого Иоанна, словно павлины с важным видом разгуливавшие по улицам Биргу. Эти люди жили хорошо, танцевали, смеялись и устраивали пиршества. Она рассказывала Нико все эти истории, пока они копались в обломках у оснований колонн и переворачивали камни.

– Если эти люди были такие великие, – засомневался Нико, ворочая обломки, – почему же от них больше ничего не осталось?

– Уехали во Францию. Там много зелени. И живут одни богачи.

– А кто сказал, что они оставили тут сокровища?

– Я сказала! А мне рассказал доктор Каллус. Он тоже все время ищет эти сокровища. Какие-то евреи оставили их здесь тысячу лет назад, когда король прогнал их отсюда.

– Евреи никогда бы не оставили деньги. Мама говорит, что евреи скорее родных детей бросят, чем деньги.

– Ну а вот эти бросили! – фыркнула Мария. – Золото и серебро! Им все было не увезти! И я найду! Найду и спрячу, пока не вырасту, а потом куплю замок во Франции, а мои рабы будут выращивать на полях люпины, – добавила она, слышавшая в порту разговоры о Франции, о горах и полях люпинов.

– А что такое люпины? – спросил Нико.

– Точно не знаю, но у меня их будет много! А еще у меня будут слуги, вся одежда будет из шелка, а ложки – из серебра! Если хочешь, можешь жить со мной!

– У девочек не бывает замков.

– Ха! – воскликнула Мария. – У королев еще как бывает! У меня будет, вот увидишь!

Еще какое-то время они копались в песке и камнях, но безуспешно. Мария уже собралась предложить Нико пойти поискать в пещеры, которыми были изрезаны скалы со стороны моря. Некоторые из них были заняты, а другие – заброшены. Мария знала, что у евреев было множество тайников, и пещеры для них – самое подходящее место. Она в задумчивости ковыряла камешки острием ножа, и вдруг послышался звон. Расчистив землю пальцами, она нашла что-то крошечное, овальной формы, потрескавшееся от времени.

– Смотри! – закричала она. – Что это?! Монета!

– Да это ж просто камешек!

– Это голова у тебя как камешек! Старая дурацкая монета, но это все равно сокровище! – заявила Мария и поскребла находку ножом; изъеденный ржавчиной металл блеснул на солнце. – Вот, смотри, ты что, не видишь? Голова! А на голове – шлем!

Нико ничего не разглядел, но все равно пораженно таращился на монету.

– Можешь оставить себе, – великодушно предложила сестра, отдавая ему сокровище. – Найдем еще. Ну, что я тебе говорила? Клади скорее в карман! И ни за что не показывай взрослым, а то отберут!

– Спасибо, – затаив дыхание, прошептал Нико, не веря в собственную удачу.

Спрятав монетку в карман, он с новым рвением принялся за дело. Так они вели раскопки примерно час. Пот, смешанный с пылью, тек по их лбам, они ахали и охали, продолжая копать навстречу своей мечте. Мария откопала чашу, хорошо сохранившуюся, но расколовшуюся пополам. Под ней обнаружилась идеально белая берцовая кость.

– Вот видишь? Кости евреев, – уверенно заявила Мария. – Знак! Они всегда оставляли такие знаки рядом со сокровищами! Мы уже близко!

Нико присвистнул. Они бросились копать еще усерднее, но Мария вдруг замерла и дернула Нико за рукав, сделав ему знак не издавать ни звука.

– Это еще что? – прошептала она. – Что это такое?

Склонив голову набок, она внимательно прислушалась. По камням в поисках жучков прыгал голубой дрозд. Постоянно дул сухой и горячий ветер.

– Мне показалось, что я слышу чьи-то голоса... Хотя ладно, – покачала она головой, – просто показалось.

Палуба алжирского галиота негромко поскрипывала, корабль покачивался, стоя на якоре. Волны тихо плескались о борта. Солдаты стояли в карауле с аркебузами наготове и нервно ожидали возвращения рабов, которых отправили на сушу за пресной водой. Корабль вошел в бухту кормой, а носом был развернут в открытое море, чтобы сразу же отплыть.

Настоящий морской охотник, быстроходный и изящный. Такие галиоты перевозили римские легионы и торговцев Карфагена. Длинное и стройное судно, предназначенное для ясной погоды, с небольшой осадкой, чтобы быстро маневрировать по рекам и лагунам, где можно рассчитывать на богатую добычу. И хотя на мачте красовался латинский парус «гусиное крыло»,

шло оно в основном не по ветру, а за счет труда рабов, сидевших на веслах. К каждой из двадцати четырех скамей было приковано по трое обнаженных мужчин, налегавших на весла. За долгие месяцы судоходного сезона они ни разу не вставали с места – ели, спали и испражнялись прямо там и в хорошую погоду, и в шторм.

Реис Али-ага, капитан алжирского галиота, не прибыл бы на Мальту в одиночку, если бы не возникло чрезвычайной ситуации. На этом острове жили рыцари ордена Святого Иоанна, неверные, база которых находилась всего в двух лигах отсюда, в Биргу.

Он завел судно в бухту, чтобы быстро его отремонтировать и пополнить запасы пресной воды. Реис чуть не пал жертвой собственного успеха. Дерзкий набег на Сицилию принес ему сто тридцать рабов. По пути в Алжир он встретил французское торговое судно без эскорта и захватил его без единого выстрела, связал матросов, бросил их в трюм и перегрузил на свой корабль тюки шелка и сундуки с пряностями, которых оказалось столько, что осадка галиота опасно увеличилась. Поняв, что больше груза на борт принять не сможет, Али-ага бросил торговое судно на произвол судьбы и поспешил домой.

Домой он добрался бы довольно быстро, если бы не внезапно налетевший весенний шторм. Высокая осадка кия предназначалась для быстроходных путешествий, а не для сражений с разгневанным морем. Волны швыряли галиот туда-сюда, словно пробку. Маленькая пушка португальской работы, снятая с французского судна, сорвалась с тяжелых балок, к которым была привязана. Орудие бросало по палубе, заливало водой, оно раздробило доски палубы и ноги кормчего, а затем пробило деревянный настил и провалилось в трюм.

Лишь добрая воля Аллаха направила пушку в сбившихся в кучу рабов, а не прямо в борт. Несчастные жались друг к другу и дрожали от страха перед бурей. Их тела смягчили удар пушки, заслонив собой борт, но жерло все-таки пробило доски на уровне ватерлинии, которая в силу загруженности судна оказалась даже выше обычного. Морская вода хлестала повсюду. Над судном нависла смертельная опасность.

Только молниеносная реакция Али-аги не дала им всем пойти на дно. Семьдесят пленников тут же выбросили за борт, чтобы облегчить судно, ведь люди весили больше, чем шелк, а стоили меньше, чем пряности. В основном выбросили детей, которых держали на корме за шпангоутом, отделявшим их от родителей. Али-ага всегда разделял пленных таким образом, считая, что это делает их более послушными. Он предпочел бы избавиться от взрослых, потому что дети стоили дороже, но нужно было срочно облегчить именно кормовую часть корабля, а перемещать пленных или балласт туда-сюда времени не было. Завывания ветра быстро поглотили крики детей. Боцман свистел, надсмотрщик щелкал хлыстом, вся команда боролась, чтобы судно не потонуло. Солдаты плечом к плечу с рабами иступленно вычерпывали воду из трюма, половину мужчин мучила морская болезнь, рвотные массы смешивались с морской водой, доходившей им до колен.

Шквал прекратился практически так же внезапно, как и начался, и море успокоилось.

Али-ага оценил повреждения: мачта выстояла, а вот плохо закрытая крышка шлюзового отверстия оторвалась. Он потерял почти все запасы провианта и большую часть пресной воды. Триста душ, оставшихся на борту, смогут продержаться несколько дней без еды, *иншалла*, но не без воды, к тому же корпус корабля нуждался в срочном ремонте. Ближайшей сушей оказалась Мальта. Нехотя Али-ага взял курс на остров. Несмотря на близость к форпостам рыцарей, он решил, что они будут слишком заняты погоней за его двоюродным дедом, легендарным корсаром Тургут-реисом. Несколькими днями раньше Тургут захватил галеру ордена «Катринетту», шедшую из Марселя с целым состоянием скудо, предназначавшихся для строительства новых фортификационных сооружений в Биргу. Какой бы шторм ни преградил им путь, униженные рыцари будут гнаться за корсаром, как стая злых ос.

И все же Али-ага не собирался рисковать. Плотники быстро сделали свою работу, взяв доски с дозорной башни, возвышавшейся над южным побережьем. Они положили доски

в несколько слоев, чтобы закрыть течь, а затем просмолили корпус, чтобы восстановить боевую осадку. Оставалось только дожидаться запасов пресной воды. Галерные рабы отдыхали, лежа на веслах под палящими лучами белого солнца, высоко стоявшего над закрывавшими бухту скалами.

Надсмотрщики стояли в проходах между скамьями, чтобы рабы соблюдали тишину. Отсюда не должно было донестись ни звука, пока судно спокойно не покинет логово рыцарей. На рассвете двое пленных сицилийцев устроили драку из-за объедков. Им быстро перерезали горло, а тела выбросили за борт. Жена одного из мужчин закричала, и ее безжизненное тело тут же последовало за мужем. После этого остальные пленники не издали ни звука, как будто им самим перерезали глотки. Реис Али-ага любил послушание как среди команды, так и вообще в своем окружении.

Капитан нетерпеливо взглянул в открытое море, а потом на ущелье. Отправившиеся за водой рабы что-то задерживались. Если кто-то заметил галиот, пока они вставали на якорь в бухте, то ловушка захлопнется быстро и сбежать будет невозможно. Риск возрастал с каждой секундой. Высокие скалы, обрамлявшие бухту, защищали корабль от вражеских взглядов, но не давали нужного обзора и капитану. Али-ага хорошо знал про эту Богом забытую Мальту, не только пустынную, но и опасную. Он совершал рейды в этом архипелаге дюжину раз. Обычно он высаживался на северном острове Гоцо, всегда плохо защищенном, но хорошо знал и южное побережье и сейчас выбрал его по причине изолированности, а также из-за того, что там находился малоизвестный источник пресной воды, труднодоступный, но зато расположенный в малонаселенном районе. Дозорный на башне погиб первым, еще до рассвета, остальных отправили убить всех жителей пещер, кого смогут найти. Двое дозорных стояли на возвышении и смотрели на море, но Али-ага решил отправить еще людей на скалы. Там были руины, с которых можно заметить приближение наземных патрулей или вражеских галер.

По его приказу двое мужчин взобрались на скалу, вооружившись пистолями и кинжалами. Восхождение было опасным, продвигались они медленно. Добравшись до вершины, они обернулись и осмотрели море. Один подал сигнал на корабль, что все чисто, отвернулся и вместе с товарищем пошел вглубь острова по направлению к руинам.

Первым их заметил Нико.

Он уже перестал искать сокровища, сидел и пытался обтесать один камешек другим, чтобы сделать из него пушечное ядро. Вытирая глаза от песка, он взглянул на скалы и тут же смертельно побледнел. Живот скрутило от ужаса и страха. Мария все еще копала, а потому он потянул сестру за рубашку, та сразу заметила панику в его взгляде и обернулась.

На скалы карабкался мужчина. Коренастый и бородастый, в штанах с низкой мошной и без рубашки. Он поднялся на ноги и помог забраться своему спутнику, сухопарому, темнокожему мавру в кожаном колете, который был ему великоват. Оба были в сандалиях. По тюрбанам сразу стало понятно, что это корсары из Северной Африки – работорговцы, являвшиеся в ночных кошмарах всем жителям Мальты и собиравшие больше жертв, чем болезни и голод вместе. Со времен карфагенян набеги работорговцев разоряли эти острова, но никто из них не мог сравниться с уроном, который наносили населению корсары с Варварийского берега Африки. В прошлом году гроза морей Тургут-реис налетел на Гоцо и увел с собой почти все население городка. Его люди пронесли по островам, словно тень смерти. Они срубили деревья, отравили колодцы, сожгли дома, разрушили церкви, забили скот. Когда дым рассеялся, оказалось, что корабли Тургута увезли с собой пять тысяч душ.

Даже детей. Об этом Мария и Нико слышали тысячи раз.

Особенно детей.

Но Мария ни разу не слышала, чтобы они появлялись в этой части острова, где живет так мало людей, а скалы так высоки.

Но какая теперь разница – вот они, корсары, прямо здесь и прямо сейчас.

Один из них помахал рукой людям на корабле. Двое мужчин двинулись в сторону руин.

– Все хорошо, – тихо сказала она младшему брату с напускным спокойствием, чтобы не напугать его, ведь Нико был не таким крепким орешком, как она, а даже у нее внутри все свело от ужаса.

Она понимала, что в любой момент братишка может расплакаться. Ей надо быть сильной ради них обоих.

Они находились в большом внутреннем дворе, заросшем сорняками и окруженном каменной стеной. Со стороны моря в стене было три проема: два оконных и один дверной. Если они успеют пересечь открытое место и добраться до противоположной стороны стены, то смогут спрятаться за обломками колонн, а потом тихо ускользнуть через внутреннюю стену в руины, где полно мест, чтобы спрятаться. Может, им даже удастся вырваться и добежать до дозорной башни, где им поможет Бартоломео. Марии показалось странным, что он до сих пор не забил тревогу, ведь он тоже наверняка видел захватчиков. «Дурак, наверное, спит», – со злостью подумала она.

– Беги обратно к той стене! – скомандовала она брату. – Поторопись, но не шуми! Если будем вести себя тихо, они даже не узнают, что мы тут.

Они поползли задом, до крови обдирая ладони и колени об острые камешки. Нико влез прямо в чертополох, но от страха даже не заметил боли. Он полз, что-то бормоча себе под нос, молясь и ругая себя, что не остался дома заниматься выгребной ямой, как распорядился отец.

– Прости меня, Господи! – захныкал он.

– Бог не хочет, чтобы ты просил у Него прощения! – прошипела Мария. – Он хочет, чтобы ты поторопился!

Они уже почти добрались до той части руин, где был бы шанс спрятаться, но тут в проеме со стороны моря появилась голова в тюрбане. Мария схватила Нико за рубашку и прижала к земле. Они замерли, неподвижные, как сама смерть, пытаясь слиться с землей. Снизу Мария, к своему ужасу, увидела, что они подняли облако пыли, которое клубилось в косо падавших солнечных лучах. Теперь их точно выследят!

Корсар осмотрел двор, чувствуя, что тут кто-то есть, и жестом приказал спутнику вести себя тихо. Стены отбрасывали темные тени на траву и камни, поэтому детей ему было не видно. Тюрбан двигался медленно, взгляд у корсара был мрачный и подозрительный. Склонив голову набок, он внимательно прислушался: ничего, кроме отдаленного плеска волн о скалы далеко внизу. Беззвучно вынув кинжал из ножен, он задумчиво перекладывал его из одной руки в другую и ждал. Лезвие сверкало на солнце, корсар сжимал рукоятку, потом перебрасывал кинжал в другую руку, снова сжимал, никуда не спеша и терпеливо ожидая. Охотники и их будущие жертвы надолго замерли без движения на противоположных концах двора, прислушиваясь к шепоту волн.

Марии казалось, что их может выдать даже слишком громкий стук сердца. Одной рукой она держала за локоть Нико, который дрожал, как испуганный кролик. Она боялась посмотреть на него, даже чтобы успокоить. Боялась повернуть голову. Боялась дышать.

Движение тюрбана остановилось. Взгляд темных глаз устремился прямо на их укрытие. Корсар прищурился, как будто сомневаясь в том, что видит. Марии показалось, что его глаза обжигали ее, будто раскаленные угли. Ей пришлось собрать всю свою храбрость, чтобы не дернуться.

– Смотри, вон она! – проревел корсар, предупреждая своего спутника, что они тут не одни, и ринулся в проем.

– Бежим! – заорала Мария.

Дети вскочили на ноги и пулей вылетели в проем, из которого шел узкий коридор между древними известняковыми стенами. Мария крепко держала Нико за руку, тащила за собой и помогала подниматься на ноги, когда тот спотыкался.

Они свернули налево, потом направо, снова налево, уходя все глубже и глубже в лабиринт.

За спиной раздавался громкий топот корсаров. Мария добежала до узкого проема в каменной стене, грубо протолкнула туда Нико и последовала за ним. Упав, они сильно ударились и на четвереньках поползли к следующему проему. За много веков коридоры настолько заросли и покрылись грязью, что если раньше тут можно было ходить в полный рост, то сейчас приходилось практически ползти. Мария ударилась головой о дверной косяк, вскрикнула от боли и упала на колени. Нико остановился, чтобы помочь ей встать. Он оглянулся и увидел тюрбан – первый корсар смог пролезть следом за ними. Из глаз мальчика хлынули слезы. Опустившись на пол, он горько зарыдал, не в силах сдвинуться с места. Корсар протиснулся в коридор по пояс, а теперь, громко пыхтя, пытался пролезть и дальше.

Первой пришла в себя Мария.

– Вставай! – крикнула она, и они с Нико снова бросились бежать.

Она знала, что их единственная надежда – добраться до одного из подземных помещений, где можно спрятаться и на какое-то время затаиться. Они ползли на животе, пролезая через разломы, полуразрушенные стены и проемы, затянутые пыльной паутиной. Иногда где-то над ними виднелось небо, иногда они оставались в кромешной темноте под каменными глыбами. В одном из таких мест, почувствовав себя в относительной безопасности, они остановились. Какое-то время не было слышно ни звука, кроме их собственного сбивчивого дыхания, и Марии показалось, что спасение близко, но тут из темноты послышалось приглушенное сопение и тяжелое дыхание. Темнота не означала безопасность. Их преследователи не собирались сдаваться.

Спотыкаясь, брат с сестрой бежали и ползли все дальше и дальше вглубь лабиринта коридоров, до крови обдирая ладони и колени, и уже даже не пытались оставаться незамеченными и вести себя тихо. Найдя ущелье, они устремились вдоль него, залезли под каменную плиту, под которой когда-то был лестничный пролет, скатились по разрушенным ступеням и оказались еще в одном коридоре. Казалось, эти руины бесконечны.

Наконец они попали в место, где раньше никогда не бывали, нащупали в стене проем и вышли в другой зал. Высоко над ними виднелся наполовину обвалившийся потолок. Узкий солнечный луч тускло освещал пространство огромной крипты. В многочисленных нишах можно было разглядеть останки скелетов. Черепа зловеще таращились на детей пустыми темными глазницами, а рты будто бы издевательски посмеивались над их бедственным положением.

Пытаясь понять, можно ли как-то выбраться отсюда, Мария посмотрела на источник света. Она попробовала найти выступы, чтобы залезть наверх, но стена под отверстием в потолке оказалась совершенно гладкой, зацепиться было решительно не за что.

Выхода не было. Они попали в ловушку.

Мария опустилась на пол и быстро заползла в одну из ниш, отталкивая кости предыдущего жильца, чтобы освободить место для себя и брата. Она вжалась в стену, а Нико затолкала в самый дальний угол и закрыла своим телом. Нико все еще сотрясали рыдания, хотя он отчаянно пытался взять себя в руки и, чтобы успокоиться, уткнулся носом в плечо сестры.

Они услышали шаги – к залу приближались корсары, которые о чем-то негромко совещались между собой, видимо не понимая, куда исчезла их добыча. На какое-то время стало тихо, а потом в проломе, откуда только что пришли Мария с Нико, появилась голова. Мужчина тяжело дышал. Нико осторожно приоткрыл один глаз, но, увидев пирата, тут же выпучил глаза

и тяжело задышал. Как Мария ни старалась его успокоить, вскоре по крипте разнеслись звуки сдавленных рыданий. Мария крепко прижала его к себе, и тут мужчина прошипел:

– Она тут!

Мария сильнее вжалась в стену, но Нико зарыдал еще громче.

– Она тут! – повторил мавр, который был поменьше ростом, и протиснулся в нишу.

Дети в ужасе задрожали, глядя, как ужасный человек приближается к ним. Они видели белки его глаз под складками тюрбана – блестящие, зловещие, неизбежные. Мавр потянулся к ним, Мария попыталась лягнуть его ногой, но он резко оттолкнул ее и схватил Нико за лодыжку. Тот завопил, но мавр вырвал его из рук сестры, а потом с силой схватил за ногу и ее. «Он может переломать мне кости», – подумала Мария.

Пыхтя от усилий, корсар с трудом потащил своих пленников по пыльному полу в сторону входа. Там, с другой стороны, его ожидал спутник, готовый помочь. Нико обмяк от страха, а вот Мария пиналась и вырывалась изо всех сил. Она схватила подвернувшуюся под руку кость и начала колотить ею мавра, но места, чтобы хорошо размахнуться, не было, поэтому у нее ничего не вышло. Мавр прижал Нико к полу и попытался ударить Марию. Первый раз он промахнулся, а вот второй удар попал прямо в цель и выбил девочке зуб. Оправившись от шока, она пришла в бешенство и яростно накинулась на обидчика. Отбросив кость, она расцарапала ему щеку и попыталась выцарапать глаза. Когда мавр снова набросился на нее, она впиалась в его руку зубами и тут же ощутила во рту вкус крови. Враг зарычал от ярости и схватил ее за шею. Пальцы быстро нашли нужную точку, и Мария чуть не потеряла сознание от боли. Застонав, она перестала сопротивляться, и дальше он тащил ее за собой, держа за шею. Уже совсем скоро они оказались в залитой солнцем нише. Все трое тяжело дышали и были покрыты грязью, потом и кровью. Мавр осмотрел руку в том месте, где его укусила Мария: рваный полумесяц от зубов и ошметки кожи. Марии удалось прокусить ему руку до мышцы. В ярости он схватил ее сильнее, и в этот момент Нико вырвался и попытался убежать, но другой корсар, выше ростом и шире в плечах, поймал Нико за воротник. Мужчины потащили юных пленников на край развалин, довольные уловом, хотя добыча и оказала достойное сопротивление. За таких резвых детишек на рынке рабов можно было выручить неплохие деньгата.

На подходе к скалам Нико начал кричать и вырываться, но корсар крепко держал его. Он с легкостью поднял мальчика, закинул его на плечо, словно мешок, и стал осторожно спускаться к берегу. Увидев, что они идут к морю, Мария поняла, что ее шансы выбраться или помочь Нико тают с каждой секундой. Забившись в руках мавра, она попыталась дотянуться до висевшего у нее на поясе ножа, но корсар ухватил ее покрепче и закинул на плечи – голова болталась слева, ноги – справа. Он расхохотался оттого, что такой маленький ребенок сопротивляется, словно дикая кошка. Он принял ее за мальчика и полез рукой между ног, чтобы схватить сорванца за яйца и утихомирить, но тут же понял, что это девчонка, и от изумления на секунду ослабил хватку. Мария не упустила момент и выхватила нож. Сверкнуло лезвие, когда она изо всех сил ткнула им в обидчика, пытаясь вспороть ему живот – она видела, что рыбаки так разделявают тунца, – но ей не хватило сил, и она лишь сильно оцарапала ему грудь. Рубаха мавра тут же пропиталась кровью, он завопил от боли и бешенства, инстинктивно схватился за рану левой рукой и на секунду отпустил Марию. Сжав зубы, она нанесла еще один удар, на этот раз целясь в горло, но корсар успел закрыться рукой, и острие ножа ударилось о кость. Мария от неожиданности выронила нож, но удар оказался достаточно сильным, чтобы пират снова закричал и выпустил ее из рук. Она скатилась по его спине, приземлилась на четвереньки, быстро вскочила на ноги и бросилась бежать.

Корсар вытащил нож из руки, отбросил его в сторону, рванул было за ней, но она оказалась быстрее. К тому моменту, когда он залез за ней на вершину скалы, Мария уже была в чистом поле, на полпути к руинам. Он знал, что может поймать ее. Большими, уверенными

шагами он быстро сокращал разделявшее их расстояние; казалось, еще немного – и он схватит ее, но тут Мария кинулась к дверному проему и исчезла в руинах.

В этот момент раздался свисток боцмана – сигнал, что воду доставили на борт и галиот готов к отплытию. Мавр выругался. Он знал, что Али-ага не станет его ждать, и если он немедленно не вернется на корабль, то его просто бросят в этой навозной яме. Мальчишка – то есть девчонка! – того не стоил. Потирая раны от ножа и куда более болезненный укус, мавр развернулся и поспешил обратно. В том месте, где скалы разрезало ущелье, он увидел вереницу рабов, несущих воду. «Еще немного – и корабль отплывет», – подумал он и начал спускаться к берегу.

Как только корсар скрылся за скалами, Мария выскочила из своего убежища и подбежала к краю. Мавр был прямо под ней, осторожно спускался по крутому склону. Еще ниже по склону, на полпути к берегу она увидела Нико, все еще висевшего на плече у второго пирата. В отчаяния она закричала:

– Нико!

– Мария-я-я-я-я! – заревел в ответ брат; корсары обернулись, взглянули на нее, но продолжили спускаться. – Мария, помоги мне! – рыдал Нико.

Она в отчаянии огляделась по сторонам, схватила камень побольше, дотащила его до края и сбросила вниз. Мария понимала, что может попасть в Нико, но нерешительностью она никогда не страдала; к тому же лучше убить Нико, пытаясь его спасти, чем убить его собственным бездействием. Камень не долетел до корсаров и ударился о скалу рядом с головой того мавра, от которого ей удалось улизнуть. Тот огрызнулся, но не остановился. Мария бросилась от края, нашла еще один камень, потяжелее. Поднять она его не смогла, но кое-как докатила до края скалы, а потом, застонав от напряжения, все-таки подняла его. Мавр обернулся на ее крик, и камень ударил его прямо в лицо. Он беззвучно упал спиной вперед, перевернулся в воздухе и разбился о скалы у самой кромки воды. Мария заорала от ярости. Она вовсе не собиралась попусту тратить камень на этого пирата, ей же надо было помочь Нико!

Нико снова заплакал в отчаянии, и звук его рыданий эхом разносился по всему ущелью. Он колотил ручонками по спине корсара, тщетно пытаясь вырваться и слезть с его плеча, а тот изо всех сил старался удержать равновесие и не упасть. Мария подкатила к краю еще один камень, поменьше, и швырнула в корсара, но попала в скалу рядом с его головой, и камень разлетелся на кусочки. Мужчина поскользнулся, чуть не упал и выпустил из рук Нико, который едва не сорвался, но успел схватить пирата за пояс. Медленными, осторожными движениями корсар закинул его обратно на плечо и продолжил спуск. Мария увидела, что промахнулась, и тут же послала вдогонку еще один камень, а потом еще. Один из солдат на корме галиота посмотрел на скалы и, догадавшись, что происходит, вскинул аркебузу и выстрелил в крошечную фигурку наверху. Пуля попала в скалу совсем рядом с ногами Марии. Несмотря на опасность, она не остановилась. Она была бесстрашной и слепо шла к своей цели.

Наконец-то один из камней попал похитителю Нико прямо в голову. Он снова ослабил хватку, Нико соскользнул с плеча, цепляясь за мужчину одной рукой, а другой отчаянно шаря в поисках опоры. Мальчик сполз по ноге корсара, упал на землю, вскрикнул, но тут же встал на ноги и завертел головой, глядя по сторонам. Быстро выбрав тропинку, он начал карабкаться подальше от корсара, который позабыл о пленнике, пытаясь не свалиться сам. Мария смотрела на Нико, как будто ее взгляд мог придать ему ускорение. Он хорошо умел лазить по скалам, к тому же был куда легче алжирца.

– Вот, Нико! – крикнула она, торопя его. – Спокойно, спокойно, – повторила она, набрала еще камней и продолжила бросать.

Освободившись от ноши, корсар наконец преодолел последние пятнадцать футов до низа ущелья. Взглянув сначала наверх, на Нико, а потом на корабль, он прикинул, сколько у него есть времени, затем залез чуть повыше, встал прямо под Нико, вытащил пистоль и наставил

его на мальчика, который прилип к скале, словно муха. Корсар что-то крикнул Нико, и Марии стало ясно, что с такого расстояния тот не промахнется.

Нико, плача, цеплялся за скалу, не в силах сдвинуться с места. Пальцы свело судорогой, и он понимал, что долго ему не удержаться.

– Мария! – закричал он. – Мария, что мне делать?

Мария упала на колени. Она смертельно устала и уже больше не могла поднять камни потяжелее. Лицо было залито кровью, одна рука занемела, но она упорно продолжала бросать один камень за другим, однако они не долетали вниз, и корсар не обращал внимания на ее тщетные попытки.

– Мария! – снова крикнул Нико, давясь рыданиями. – Мария! Помоги!

– Беги, Нико!

– Куда??? Куда мне бежать?

Она поднялась на ноги и бросилась к восточной части скалы, надеясь найти более удачное место и продолжить обстрел камнями. Больше Мария ничего сделать не могла. Внезапно раздался выстрел. Она закричала, бросилась на землю и заглянула за край. Нико был жив. Дуло пистолета в руках корсара дымилось. Он специально выстрелил рядом, чтобы напугать мальчишку, и его расчет сработал. Нико начал спускаться.

– Нико, не сдавайся! – заорала Мария, но если брат и услышал ее, то виду не подал и уже скоро оказался внизу.

Корсар взял его под мышку, и Нико даже не сопротивлялся, перестал рыдать и как будто отключился. Корсар двинулся в сторону галиота. Проходя мимо неподвижного тела своего спутника, он остановился и, не выпуская Нико, обчистил карманы мертвеца, а потом продолжил свой путь. Через несколько мгновений он уже был на борту со своей добычей.

Мария зарыдала от бессильной ярости. Она презирала себя за эти слезы и еще долго продолжала бросать вниз камни, хотя и понимала, что все без толку. Камни со стуком прыгали по скалам и падали в море.

Раздался пронзительный свист. Сорок восемь весел взмыли вверх, блеснули на солнце, словно у корабля выросли крылья.

Бум. Звучно загудел барабан боцмана. Весла одновременно ушли под воду. Мария увидела, как Нико бросили в трюм, словно тук ткани, и потеряла его из виду.

Бум. Галера пришла в движение, сначала медленно и неспешно. Матросы взобрались на мачту и развернули парус, безжизненно свисавший до самой палубы, но как только корабль покинул бухту, парус сначала неуверенно дернулся, потом ветер всколыхнул его, и парус повлек корабль вперед, словно накинув на него петлю.

Бум. Боцман наращивал темп, деревянные колотушки стучали в кожаный барабан все быстрее, заставляя корабль набирать скорость. Весла уходили под воду и взмывали вверх в унисон с боем барабана, затем летели вперед, снова вниз, снова вверх.

Бум. Над водой разносился голос капитана, отдававшего приказы. Кормчий налег на руль, и изящное судно взяло курс и повернуло на запад.

Бум. Звук постепенно затихал, а корабль набрал предельную скорость и шел ровно. Со скал галиот казался водомеркой, скользкой по поверхности моря на длинных паучьих лапках из белого дуба. Мария заморгала, на глаза навернулись жгучие слезы. Она смотрела вслед ненавистному насекомому до тех пор, пока оно не превратилось в крошечную точку на линии горизонта, которая навсегда уносила ее брата неведомо куда.

– Николо, – прошептала она, – мой Нико, Нико...

Бум. Пропал навсегда.

Глава 2

– Бартоломео! Бартоломео! – кричала Мария на бегу.

Добежав до башни и поднявшись по лестнице до половины, она увидела его лицо. Лоб и щеки налились фиолетовым и распухли от прилива крови, поскольку убийцы подвесили его вниз головой. Остальная кровь стекла на нижнюю платформу.

Крик застрял у нее в горле. Мария не издала ни звука и просто перестала дышать. Попятившись, она спустилась с лестницы, оступилась на последней ступеньке, упала, встала и снова побежала. Пронеслась по полям, лихорадочно петляя между камнями, перепрыгивая через канавы и низкие каменные межи, разделявшие наделы крестьян. Она было подумала бежать сразу в Мдину, к властям в Университá², но они точно не послушают какую-то девчонку. От матери помощи ждать тоже не приходится. Она зальется слезами, станет заламывать руки, а потом скажет, что ей надо пойти в церковь.

Церковь. Вдруг ей поможет дон Сальваго, священник? Нет, на него тоже нет надежды. Церковь Нико не поможет. Надо найти отца. Он сейчас должен работать на строительстве нового форта, а значит, поблизости будут рыцари, сильные и храбрые мужчины, которые наверняка смогут спасти ее брата. Мысль о гневе отца приводила ее в ужас, но выбора не было.

Мальта – небольшой остров, двадцать на двенадцать миль, почти плоский, с легким уклоном от морских скал на юге и западе в сторону заливов и бухт на севере и востоке. В центре острова возвышалась Мдина – город-крепость с высокими стенами, средневековая столица, где вдали от прочих обитателей острова жила знать Мальты.

Мария бежала быстро, но местность была такой каменистой и изрытой глубокими оврагами, что на дорогу ушел почти час. Устав, она начала чаще спотыкаться и падать, но тут же поднималась, движимая ужасом, адреналином и упрямой решимостью. Она добежала до скалистого полуострова, где возвышалась гора Шибerras, больше напоминавшая холм. На ее склонах паслись козы, пощипывая опунцию. Мария побежала на восток вдоль мыса, разделявшего залив на две бухты. На самом окончании мыса, где еще со времен финикийцев стоял маяк, рыцари строили новый форт под названием Сант-Эльмо.

Она посмотрела на противоположный берег бухты – там находилась старая норманнская крепость Сант-Анджело, служившая штаб-квартирой ордена Святого Иоанна. За фортом спрятались рыбацкий город Биргу, где жила Мария, а рядом с ним в глубокой бухте разместились склады, арсеналы и причалы, обслуживающие галерный флот рыцарей. Мария воспрянула духом, увидев там галеру, на которую поднимались рабы. *Вот они-то и помогут вернуть Нико!*

И на суше, и на земле рядом с новым фортом бурлила жизнь. Лодки всех размеров подвозили сюда из Биргу людей и провиант. Ослы топали по каменистым дорожкам вокруг бухты и послушно тянули груженные повозки. Рабы и заключенные трудились плечом к плечу с ремесленниками и рабочими с Сицилии. Они копали огромные траншеи, разбивали и расчищали скалы, резали камень, возводили стены, добывали песок и гравий, чтобы заваливать пустоты между внутренними и внешними стенами. Скрипели лебедки, молотки стучали по долотам. Мужчины выкрикивали приказания на дюжине разных языков.

– Я ищу отца! – бросилась Мария в гущу толпы. – Его зовут Лука Борг! Вы не знаете, где он? – кричала она то по-мальтийски, то по-итальянски.

На Мальте можно было услышать не менее дюжины языков.

Рабочие удивленно смотрели на нее и пожимали плечами. Она металась от одной рабочей площадки к другой и нашла отца только через полчаса.

– Отец! Отец!

² *Университá* – орган городского самоуправления; основан в 1397 году королем Арагона Мартином.

Лука Борг был обладателем бычьей шеи и красного лица, побитого ветрами и тяготами нелегкой жизни. Всю свою жизнь он был здоровяком и отличался крутым нравом. Голод лишил его сил и норова, превратил в обтянутый кожей скелет с загнанным, испуганным взглядом. Во время голода ему пришлось обменять весь свой инструмент на еду. Но и этого оказалось мало. Пока он сидел дома без работы, на его глазах умерли двое младших детей. С тех пор он время от времени устраивался разнорабочим, пока рыцари не начали строить форт Сант-Эльмо. Лука одолжил денег на новые инструменты и наконец снова устроился работать каменщиком.

Он обтесывал широким топором блок известняка и явно не обрадовался, увидев дочь.

– Мария? Что ты здесь делаешь? Ты почему не дома?

– Отец, они забрали его! – не успев отдышаться и вытереть грязь с окровавленного лица, прокричала она. – Они забрали Нико!

– Забрали?! Кто? Куда?

– Корсары, отец! Африканцы, торговцы рабами!

– Сейчас? Из нашего дома? – выпрямился он и уже двинулся в сторону города.

– Нет, отец! На руинах! Мы искали сокровища!

– На руинах?! Каких еще руинах?!

– На южном побережье, – набрав в легкие воздуха, затараторила Мария, – рядом с башней! Они и меня поймали! Я пыталась помочь Нико, но не смогла! Они забрали его на корабль и уплыли! Отец, я пыталась, правда пыталась, но не смогла помочь ему! Я видела Бартоломео. Они убили его, там повсюду кровь!

– Мать Божья! – повысил голос Лука, и его глаза затуманились. – Но что вы делали на южном побережье? Вы же должны были чис... – Осекшись на полуслове, он бросил камень, над которым работал, и ударил дочь наотмашь по лицу.

Пощечина сбила ее с ног, на глаза навернулись слезы, но Мария взяла себя в руки и встала, потирая щеку и твердо решив не плакать от боли.

– Прости меня, отец! Я знаю, что была не права, но мы должны помочь ему! Мы должны остановить их!

Лука собрал инструмент и поспешил на вершину холма. *Капумастру*, мастер с Родоса, склонился над столом из тонких каменных плит и рассматривал чертежи, аккуратно делая пометки в книге и давая указания подручным. Сосредоточившись на работе, он не заметил появления Луки. Каменщик неуверенно остановился, крутя молоток в больших руках, откашлялся. Мастер взглянул на него, недовольный тем, что его отвлекают от важного дела, и спросил:

– Что случилось? Что надо?

Лука сдернул шапку и второпях объяснил, что случилось. И хотя Лука был намного выше мастера, он явно боялся его и говорил извиняющимся тоном.

– Значит, забрали его? – перебил мастер, даже не дослушав. – Увезли?

– Да, мастер, – кивнул Лука.

– Значит, все кончено. Теперь его уже не спасти. Тут ничего не поделаешь. Ты понапрасну тратишь свое и мое время. Первый день вышел на работу, и уже от тебя одни неприятности! Мне надо строить форт! Живо за работу!

– Мастер, прошу вас, я должен сообщить, – неуверенно сказал он.

– Прекрасно, сообщи. Вон там, на пристани, ходит брат из ордена. И пошевеливайся, иначе можешь не возвращаться! Пока просто лишаю тебя платы за этот день. А теперь оставь меня в покое. Я занят важными делами.

На пристани разгружали корабль под надзором брата из ордена Святого Иоанна. Он еще не был рыцарем, а только солдатом. Однако его, словно плащом, окутывало высокомерие, свойственное членам ордена, как будто он был самым великим магистром. Когда Лука и Мария

подошли к нему, он о чем-то совещался с капитаном корабля и не обратил на крестьян внимания.

– Прошу прощения, глубокоуважаемый... – робко окликнул его Лука, но рыцарь величественным взмахом руки приказал ему убраться.

Мария беспокойно переминалась с ноги на ногу. Она не понимала, что за удивительные метаморфозы происходят с ее отцом, когда он говорит с властями предержажшими. Дома он вел себя как настоящий лев, а тут сразу превращался в ягненка. Мария сама была настоящей львицей и не собиралась дожидаться конца разговоров о грузе.

– Синьор, выслушайте нас! – резко сказала она по-итальянски. – Вы тратите время впустую! Вы должны кое-что сделать!

– Тише! – попытался утихомирить ее Лука.

Кроме отца, Мария не боялась никого, да и то она боялась порки, а не слов и понимала, что отец не станет бить ее на глазах у рыцаря, поэтому как ни в чем не бывало продолжила:

– Вы должны немедленно выслушать нас!

К удивлению Луки Борга и капитана корабля, рыцарь с веселым видом повернулся, чтобы узнать, чего хочет этот властный ребенок.

– Должен выслушать вас, молодой хозяин? – с усмешкой спросил он.

– Да, – кивнула Мария.

Разговаривать придется ей. Рыцарь, как и большинство его собратьев, по-мальтийски не говорил, а Мария, в отличие от отца, знала итальянский, потому что на нем дома говорила мать. Рыцарь выслушал ее историю с большим интересом, чем *капумастру*, и обрушил на нее целый шквал вопросов. На что был похож флаг на галере? Сколько весел? Одна мачта или две? Какой формы паруса? Потом рыцарь послал пажа в замок, чтобы предупредить остальных, и приказал Марии и Луке следовать за ним.

– Вас расспросят поподробнее.

Мария побежала за пажом, но, заметив, что отец колеблется, обернулась:

– Отец? Ты идешь?

Лука Борг понимал, что сына спасти уже поздно, а вот работу еще пока спасти можно, а значит, обеспечить пропитанием оставшихся членов семьи.

– Зачем? Николо не вернуть. Я не смогу поплыть за ним. Я даже не смогу говорить с этими людьми. Ты все видела, вот и расскажи им. Потом придешь и расскажешь, что они решили. – С этими словами Лука взвалил на плечи свой инструмент и побрел обратно на холм.

Паж отвел Марию в форт Сант-Анджело. У ворот он передал ее другому пажу, который провел Марию во двор и приказал ждать, а сам поспешил в замок. Вскоре она повторила всю историю другому рыцарю, энергичному испанцу в полудоспехе. Через пять минут из Биргу выдвинулся патрульный отряд. Марии они казались сияющими грозными ангелами, которые обязательно найдут способ спасти ее брата. Она ждала, сидя на скамейке и болтая ногами, еще не достававшими до земли. Прошел час, другой. Рыцари приходили и уходили, не обращая на нее внимания. Они никогда не замечали мальтийцев, это Мария знала, потому что рыцари в открытую презирали местных жителей. Она ждала, смотрела, кусала губу. Через два часа патруль вернулся. Застывшее в трупном оцепенении тело корсара было перекинуто через крупную лошадь, тело Бартоломео болталось на другой.

Мужчины ушли внутрь, и все затихло. Она подумала, что они собираются идти на галеру, но никому до нее не было дела. Наконец снова появился испанский рыцарь:

– Иди домой, дитя. Теперь уже ничего не поделаешь.

– Вы что, не пошлете в погоню корабль? – пораженно прошептала Мария.

– Догнать их можно разве что на галере с крыльями. И даже если бы она была у меня, куда бы я ее отправил? Где их искать? Может, они тебе сказали?

– Но вы должны хотя бы попытаться!

– У великого магистра есть дела поважнее, дитя, он не будет посылать галеру из-за такой ерунды.

– Ерунды?! Это мой брат! – Мария едва сдерживала слезы.

Все, абсолютно все, от *капумастру* и рыцаря на пристани до этого человека, приводили ее в ярость. Высокомерные господа не понимали, как это важно, им было все равно!

– Я должна поговорить с великим магистром! – не сдавалась она.

– Иди домой! – повторил рыцарь, теряя терпение. – Жискар, убери отсюда этого мальчишку!

Паж грубо схватил ее за плечо и потащил к воротам. Ворота с грохотом захлопнулись, и Мария оказалась на улице.

– Вы должны послать корабль! – кричала она, колотя кулаками в ворота. – Слышите меня?

– Уходи! – раздался из-за ворот сердитый голос Жискара. – А то я тебе нос отрежу!

– Черта с два! – вопила Мария. – Я не уйду, пока не встречу с великим магистром!

Схватив с земли камень, она начала стучать им по воротам. Паж распахнул ворота и толкнул ее. Мария попыталась удержаться на ногах, но снова упала в грязь, уже который раз за этот день.

– Я не хочу делать тебе больно, – прошипел Жискар, – но следующий раз придется!

Ворота снова захлопнулись. Мария тщетно пыталась найти какой-нибудь другой вход, но крепость была неприступной.

Еле живая от усталости, она снова побрела на пристань. Подошла к рыбаку и пообещала, что будет работать на него бесплатно до конца жизни, если он хотя бы попытается найти Нико. Тот рассмеялся ей в лицо и сплюнул себе под ноги. Мария была поражена тем, насколько все были равнодушны. Никто не собирался ничего делать. Всем было наплевать. Сплошные трусы!

Отца она видеть не хотела, да и что проку от ее новостей. Она бесцельно бродила по улочкам Биргу, лабиринт которых почти не изменился со Средневековья. Узкие улочки пересекались под странными углами, за каждым поворотом оказывался еще один поворот. Такой принцип градостроительства защищал города от нападений. Большинство главных улиц выходило на городскую площадь, куда можно было загнать неприятеля и окружить его. Со всех сторон возвышались стены, словно Мария шла по каньону, только с узкими высокими окнами и балконами. В некоторых местах солнце появлялось всего на несколько минут в день, а в некоторые вообще не заходило. Мария даже не заметила, как оказалась на площади, посреди которой возвышалась одинокая башня с часами. Вечерело, тени становились все длиннее. Этот ужасный, долгий день подходил к концу. Она зашла в церковь и постояла посреди нефа, потом зажгла свечку, встала на колени перед алтарем и начала молиться. *Заставь их выслушать меня, Господи! Заставь их помочь Нико! Скажи мне, что делать!*

Через десять минут, выходя из церкви, Мария увидела процессию. Двое рыцарей шли в центре, их окружали пажи, оруженосцы, братья ордена и тяжеловооруженные всадники – всего, наверное, человек двадцать. Процессия ордена следовала в церковь Святого Лаврентия при монастыре на вечернюю молитву. Мария узнала обоих рыцарей. Первый – испанец де Омедес, одноглазый великий магистр суверенного ордена Святого Иоанна. В этом мире выше его был только папа римский. Обычно Мария видела великого магистра только по праздникам, когда он проезжал через город на своем великолепном коне. В такие дни на нем были шлем с пером и серебряные доспехи, покрытые алой мантией с крестом ордена спереди. Сейчас великий магистр был в строгом черном одеянии, а о его высоком положении говорил только восьмиконечный золотой крест на цепочке.

Во втором рыцаре Мария узнала француза по фамилии де ла Валетт. Величественный и красивый, гордый и холодный, суровый мужчина, державшийся с достоинством, которое приобретает лишь теми, кто всю жизнь провел на поле брани.

Именно он приказал снести дом, в котором родилась Мария. Ей тогда было всего девять, но она хорошо помнила, как он вошел в дом, передававшийся в семье Борг из поколения в поколение, зашел как король. Тогда он занимался строительством фортификационных сооружений. Рыцарь сказал отцу, что их дом нужно снести, чтобы вырыть ров для усиления защиты форта Сант-Анджело. Рыцари выплатили Луке Боргу компенсацию за его собственность, но денег оказалось куда меньше, чем стоили дома, и отцу пришлось купить жилище намного меньше, причем в одном из самых бедных районов. Там они жили и по сей день. Дом строили в несколько этапов: первую комнату в буквальном смысле этого слова вырубали в скале. Это была своего рода рукотворная пещера, к которой позднее пристроили остальные комнаты. Наклонные стены крошились, а крыша напоминала решето. Мать Марии сокрушалась, что Лука не пожаловался на несправедливое обращение, но Лука не хотел неприятностей.

Процессия двигалась в сторону Марии, впереди шел мальчик со штандартом в руках. Она тут же поняла, что это Жискар, тот самый паж, который толкнул ее в грязь. Заметив Марию, паж помрачнел:

– Снова ты!

– Мне нужно поговорить с великим магистром, – с достоинством сказала она, вытянувшись во весь рост, но даже так она была на две головы ниже пажа.

– Прочь с дороги!

Он снова оттолкнул ее, и процессия проследовала мимо, сапоги равнодушно стучали по мостовой.

– Великий магистр! – завопила Мария. – Великий магистр!

Она сбежала по склону холма к церкви. Набрал пригоршню камешков, она забралась на спинку скамьи. На площади было много народу, шумно и пыльно. Собаки гоняли кур, подпрыгивая на ухабах, громыхали тележки с овощами. Несколько крестьян, собравшихся посплетничать, неохотно уступили дорогу процессии. Когда рыцари проходили мимо Марии, она бросила в них камень, потом еще один и еще, прежде чем паж заметил ее. Первые два камня пролетели мимо, но третий попал в цель – не в великого магистра, как она намеревалась, а во второго рыцаря, де ла Валетта. Камень ударил его в щеку и оцарапал до крови.

– Труссы! – визжала она. – Рыцари ордена Святого Иоанна – труссы! – крикнула она сначала по-итальянски, потом по-мальтийски, чтобы уж наверняка поняли все.

Сплетничающие тут же затихли, крестьяне обомлели от ее поведения. Паж бросился к ней, стащил со скамейки и приставил кинжал к горлу, но Мария отчаянно вырывалась.

– Жискар! – строго окликнул его великий магистр де Омедес. – Оставь паренька в покое! Приведи его ко мне.

– Я знаю его, ваше высочество! – отозвался Жискар. – Он приходил сегодня в Сант-Анджело. Его брата забрали на алжирскую галеру этим утром. Он совсем ума лишился, его следует выпороть!

– Никакой я не «он»! – крикнула Мария, вырываясь из хватки Жискара.

Паж отпустил ее, она выпрямилась и бесстрашно посмотрела на рыцарей – грязная девчонка, сорняк среди могучих дубов.

– Меня зовут Мария Борг, – произнесла она с большим достоинством. – И вовсе я не лишилась ума. – Она сердито посмотрела на Жискара.

– Очевидно, что ты не в себе, дитя, – строго, но добродушно сказал ей де Омедес. – Ты пролила кровь моего спутника. Из тех, кто мог этим похвастаться, мало кто остался в живых.

– Легко пролить кровь мужчин, которые не хотят сражаться! Что толку от этого вашего ордена!

В толпе зевак заахали, крестьяне придвинулись поближе, чтобы рассмотреть этого дерзкого ребенка. Никто, даже высочайшие государственные чиновники не смели так разговаривать с рыцарями. Ненависть к ордену разделяли все, но держали себя в руках. Острова Мальта

и Гоцо достались рыцарям ордена Святого Иоанна двадцать лет назад, в 1530 году, от Карла V, императора Священной Римской империи и короля Испании. В благодарность за дар орден выплачивал императору ежегодную ренту – одного сокола. У мальтийцев уже давно было свое правительство, Университá, но теперь истинными правителями островов стали рыцари, цвет европейской аристократии. Они имели право сажать граждан в тюрьму за мелкие преступления, вешать за святотатство или подвергать публичной порке за проявление крутого нрава, которым Мария, бесспорно, обладала.

– Я знаю, что твой брат попал в руки неверных, – с печалью в голосе произнес великий магистр. – Я хотел бы помочь ему.

– Так помогите! У вас же есть корабли, есть люди! Он христианин! Разве вы не воины Христа, разве вы не поклялись защищать Его? Там были и другие пленники, я видела! Ваш долг освободить их!

– Не тебе учить меня исполнению долга! – холодно отрезал магистр. – Возблагодари Господа, что ты в безопасности. Твой брат теперь в руках Господа. А твое возмутительное поведение мне уже изрядно надоело, – закончил он свою речь и пошел дальше; свита последовала за ним.

Задержался только де ла Валетт. Он был человеком практичного склада. Потеря мальчика, конечно, достойна сожаления, но не более того. А вот рабы были местной валютой. Один ребенок особой ценности не представлял, хотя, если бы де ла Валетту представился шанс, он бы сто крат отомстил за него. Но не в этот раз. Сегодня были дела поважнее, к тому же мальчика все равно было уже не спасти. Однако ему стало жаль Марию, да и храбрость девочки внушала восхищение. Он бы не стал наказывать ее за то, что она сказала.

– Тебе нужно научиться держать язык за зубами, – посоветовал ей де ла Валетт. – Кто-нибудь из наших менее сдержанных юношей может попробовать вырвать его у тебя.

– А я ваших людей не боюсь! – фыркнула Мария. – Чего их бояться, если они бегут от драки! И вас я помню! Вы разрушили наш дом! Сказали, что это все для защиты, но ничего вы не защищаете! Теперь мне кажется, что вы укрепляете Сант-Анджело и строите Сант-Эльмо, просто чтобы вам было где сидеть и трястись от страха!

Слова Марии ранили де ла Валетта куда больше, чем она догадывалась. Он был живым символом ордена и посвятил всю жизнь служению. Хладнокровный человек с горячим сердцем, сын благородной семьи из Прованса, чьи предки сражались с Людовиком Святым в Крестовых походах. Не только воин, но и интеллектуал, он говорил на семи языках, любил поэзию и убивал неверных.

Вся жизнь де ла Валетта была посвящена исключительно борьбе с исламом. Он командовал галерой, сражался с вражескими османскими судами и их союзниками из Северной Африки, корсарам. Ходил в дерзкие рейды, его смелость не подвергалась сомнению. Однажды сам попал в плен и провел целый год прикованным к веслу на турецком судне, пока орден не заплатил за него выкуп. Какое-то время был наместником ордена в Триполи, христианском форпосте на мусульманских берегах, которые Карл V приказал рыцарям защищать, когда подарил им дом на Мальте.

На счету де ла Валетта было множество славных побед, но в последние годы удача отвернулась от ордена. Унизительная потеря населения острова Гоцо после набега Тургут-реиса в прошлом году, потом – падение Триполи. Затем войска ордена попали в засаду в Зуваре, где рыцари безуспешно пытались захватить этот прибрежный форпост, надеясь оттуда затем собрать силы для возврата Триполи, но им это не удалось. Султан Османской империи Сулейман казался непобедимым и быстро завоевывал все больше и больше земель на берегах Средиземного моря. Европейские королевские семьи, занятые междоусобными войнами и религиозными дразгами, были не способны противостоять султану, как, впрочем, и орден. Боевой дух упал, и даже сейчас рыцари, готовые ринуться в бой, вместо этого строили фортификаци-

онные сооружения на собственном острове, чтобы защитить его от турецкого вторжения. Уход в оборону доказал, что это враг идет на них войной, а не наоборот. И теперь эта простушка называет его трусом, обвиняя в том, что он прячется под надежной защитой крепостных стен. Поразительно, но ей удалось заставить его почувствовать себя неловко.

– Я не ожидаю, что ты поймешь, – коротко ответил де ла Валетт.

– А чего тут понимать? Если вы не попытаетесь найти моего брата, он пропадет навсегда! Если вам духа не хватает, дайте мне галеру! Я все сама сделаю!

– Не сомневаюсь, – произнес де ла Валетт, – но сейчас тебе нужно найти утешение в вере. Господь защитит его.

– То есть вы этого делать не собираетесь! – сверкая глазами, крикнула Мария.

– То есть я этого сделать не могу. А теперь мне пора. Да хранит тебя Бог, дитя! – произнес рыцарь и ушел.

Мария наконец смирилась с тем, что все бесполезно, и опустила на скамью. Домой в ту ночь она не пошла – не знала, как посмотреть в глаза матери, да и взбучку от отца получить не хотелось. Мария вернулась на южное побережье.

Ночь она провела на скалах, вглядываясь в море и шепча, что обязательно спасет Нико.

ИЗ «ИСТОРИЙ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ»,

записанных Дарием по прозвищу Хранитель, придворным историком Тени Всевышнего, султана Ахмеда

Барварийское побережье Северной Африки населяла гремучая смесь мавров и иудеев, берберов и арабов, а также изгоев из всех христианских земель. И по сей день среди них есть корсары, чьи галеры делают вылазки в порты, заливы и бухты по всему побережью в поисках добычи. Их набеги оплачивают либо местные правители, либо частные лица, которые требуют справедливого вознаграждения за взятый на себя риск. Вполне естественно, что основными жертвами корсаров-мусульман становятся корабли и люди христианского мира, а на них, в свою очередь, нападают корсары-христиане. Это вечный ритуал, в котором удача сопутствует то одним, то другим: сегодня ты – господин, а завтра – раб. Они бороздят суровое море – море, где ни одна из сторон не имеет монополии на жестокость, не просит пощады и не дарует ее.

Барварийские корсары всегда были союзниками султана Османской империи и его морскими союзниками, почти что подданными. Какой бы властью ни обладал султан, даже ему было сложно контролировать таких людей, как Хайреддин, известный в Европе как Барбаросса, и Тургут, который пришел на смену Барбароссе и которому посвящено много страниц этого труда. Однако полный контроль и не требовался, ведь мечи корсаров добровольно служили целям султана. Их цели совпадали и в том, что касалось католической Испании.

С помощью предоставленных султаном и укомплектованных изгнанными из Испании маврами судов Барбаросса захватил Алжир и весь Тунис. Он стал адмиралом османского флота и счел Тунис идеальной базой для набегов на Италию и Сицилию. Императору Священной Римской империи и королю Испании Карлу V удалось вернуть Тунис, но очень скоро его флот, а также венецианский флот, представлявший собой самую влиятельную морскую силу в этом регионе, потерпели поражение в сражении у Превезы в 1538 году, и восточные воды моря перешли под контроль османов.

В те годы Алжиром правил бей, наместник султана. Султан доверял бею, однако в городе был расквартирован элитный полк янычар на тот случай, если бей начнет забываться. Богатство бея и султана росло благодаря усилиям корсаров, плативших им дань. Большую часть

богатств составляли шелка и специи, но самым ценным грузом, самым крепким платежным средством всегда являлись рабы. В зависимости от их веры, а вовсе не расы или национальности их захватывали тысячами с других кораблей или в ходе набегов на прибрежные города, которые иногда разом лишались всего своего населения. Мужчин, женщин и детей пожинали, словно урожай: собирали, продавали, убивали, если на то было желание. Такая судьба не миновала ни один народ из всех, кто населял побережье Средиземного моря. Сейчас, как и тогда, для защиты христианских и мусульманских гаваней строят волнорезы, занимаются земледелием, чтобы прокормить голодающие города и почаще стирать красивые одежды господ. Галеры Средиземного моря ненасытны, они жаждут все новых и новых тел, которые будут двигать их вперед, люди на галерах быстро сгорают, как хворост в костре. Самые красивые рабыни становятся украшением гаремов Топкапы – сераля султана в Стамбуле, но и гаремы Алжира заполнены плененными дочерьми европейской знати. Мальтийские тюрьмы кишат мусульманами, которые строят защитные сооружения рыцарей, а на кораблях Ватикана полно последователей пророка, которые не признают власть папы на земле.

Десятки тысяч безымянных рабов на всех берегах и кораблях молятся о спасении.

Спасение – единственное, чего им не стоит ждать, если им не улыбнется удача и они не умрут или их не выкупят из рабства.

Из тома III. Корсары и беи Берберии

Глава 3

Его разбудил запах.

Запах накатывал волнами. С закрытыми глазами он наблюдал за волнами разложения и смерти, экскрементов и пота, мочи, крови и соли, а потом снова экскрементов. Воздух был напитан этой вонью, от которой не спасал даже морской бриз.

Поначалу он не понял, где находится. Просто слушал скрип весел и звон цепей, хлопанье паруса, медленный ровный ритм барабанного боя, под который галера поднималась и опускалась, покачиваясь на волнах. И тут он все вспомнил.

Он понял, что лежит в воде. Лежит на спине на слегка наклонной поверхности. Вода плескалась у его живота в такт ритмичным покачиваниям корабля. Открыв глаза, он увидел лоскуток синего неба. Над кормой парила одинокая чайка, играя с ветром в безоблачном лазурном небе. Отсюда ему были видны ноги, руки и плечи галерных рабов, которые трудились на веслах на верхней палубе. Он сел, осмотрелся и понял, что находится в трюме, в самом низу кормовой части галеры. Рядом, среди тюков с грузом, теснились другие пленники. Они перешептывались на разных языках: кажется, на арабском и испанском. Эти языки он слышал в гавани Биргу и поэтому узнал, но не понял ни слова из того, о чем переговаривались пленники.

Вытерев рот, Нико посмотрел на свою ладонь – вся в крови. Значит, запах исходил от него самого. Губа распухла. Он опустил руку в воду и вытер ею рот, но тут же сплюнул от отвращения – это оказалась не вода, а смесь сточных вод и мочи, которая стекала с верхней палубы, где к веслам были прикованы обнаженные рабы; сюда же справляли нужду и его товарищи по несчастью, жавшиеся друг к другу в трюме. Он перевернулся на четвереньки, сработал рвотный рефлекс, но желудок был пуст, поэтому Нико не вырвало. Он кашлял, давился и тяжело дышал. Пополз вперед, чтобы выбраться отсюда, но идти было некуда – он наткнулся на толщу из человеческих тел и ног.

Остановившись, Нико попытался вдохнуть поглубже, чтобы поймать глоток свежего воздуха, но тщетно. Здесь пахло куда хуже, чем в выгребной яме за его домом. Там источник жуткой вони хотя бы иногда засыпали известью. Впервые в жизни он мечтал очутиться в этой яме и выгребать оттуда дерьмо, как приказал отец. Он бы мог извалиться в нем или даже съесть, только бы снова оказаться там. Нико попытался сглотнуть, но во рту пересохло, а язык распух, приклеившись к гортани. Он снова закашлялся.

Рядом с ним сидела женщина. Платка она не носила, возраста примерно такого же, как его мать. Он поймал ее взгляд, но она отвернулась, и тогда он потянул ее за рукав.

– Пожалуйста, – прошептал он, – у вас есть вода?

Она дернулась от его прикосновения и молча отвернулась.

– Пожалуйста! – повторил он громче, не обращаясь ни к кому конкретно. – Кто-нибудь может дать мне воды? – Никто не ответил, и Нико решил, что его не понимают. – Пожалуйста, – повторил он по-итальянски, как дома разговаривала с ними мать, – кто-нибудь может дать мне воды?

– Подожди, вот пописаю, и тебе достанется, как и всем нам, – отозвался кто-то.

Раздались горькие, безрадостные смешки.

У Нико была тысяча вопросов. Он переводил взгляд с одного лица на другое, пытаясь найти кого-нибудь подобнее. Темные глаза глядели на него из полумрака: одни с безразличием, другие враждебно.

Подтянув колени к подбородку, Нико обхватил их руками. Подумал, что мог бы обойтись и без воды, только бы пропал этот запах, но чем выше солнце поднималось над горизонтом, тем сильнее нагревался трюм, и вонь усиливалась с каждой минутой, словно неумолимый прилив. Запах был осязаемым, он окутывал собой все, его присутствие ощущалось так же явственно,

как будто в трюме сидел еще один, особый пленник. Запах проникал в поры кожи, щипал глаза и обжигал легкие. Нико ощущал его вкус во рту. К любым запахам, даже самым отвратительным, со временем привыкаешь, но этот был исключением. Им пропах весь корабль, каждая доска с годами пропиталась грязью, горем и отчаянием. Уткнувшись носом в колени, Нико слушал плеск весел о воду при погружении, стук капель о воду, когда весла взмывали вверх, слушал успокаивающее шуршание моря о борта корабля. С каждым взмахом весел корабль уносил его все дальше от Марии, все дальше от дома. Несмотря на удушающую жару, он задрожал, а потом заплакал – беззвучно, чтобы никто не услышал.

Вечером Али-ага приказал надсмотрщику раздать воду и пищу команде корабля. Несмотря на заход на Мальту, на корабле не оказалось достаточно ящиков для хранения всего необходимого. Рацион было необходимо распределять крайне тщательно. Первым дали воды галерным рабам, потому что именно от их силы зависела жизнь всех находившихся на корабле, будь то при нападении или бегстве.

В воду добавляли уксус, затем смачивали получившимся раствором губки и подносили к губам рабов, пока те гребли. Затем раздавали черствые галеты, уже начавшие плесневеть после шторма. Следующими получали свой паек солдаты и матросы. Их паек был в два раза меньше, чем у галерных рабов. Под конец доходила очередь и до пленных в трюме. Из люка опустили небольшую деревянную лестницу, и в трюм спустился надсмотрщик. Он наступил Нико на ногу и пинком отбросил его в сторону. Нико отполз подальше, не сводя глаз с сокровища, которое спустили в ведре на веревке через люк.

Вода!

Воды на всех, разумеется, не хватало. Нико попытался пробиться поближе к ведру, вокруг которого столпились жаждущие. Дюжина рук грубо отталкивала его в дальний угол трюма. Люди в отчаянии пытались пить прямо из ведра, но их тут же отпихивали другие и занимали их место. Мужчины покрепче смогли подойти к ведру даже два раза, но и им не удалось полностью утолить жажду. Как только кто-то начинал напирать слишком сильно, надсмотрщик щелкал кожаным кнутом, и все тут же притихали. Стоя по щиколотку в грязи, рабы напоминали животных в борьбе за выживание в хаотических водоворотках локтей и ярости.

– Пожалуйста! Пустите меня! – яростно пробивался вперед Нико. – Прошу вас!

Но все его усилия были тщетны. За исключением двух младенцев, он был самым младшим из пленников, и шансов у него не было. В отчаянии он стал пихаться сильнее. Кто-то ударил его локтем в переносицу с такой силой, что из глаз искры полетели. Он упал на колени, и его едва не затоптали в давке. Кто-то встал ему на руку, потом на колено. Нико упал ничком. Страх вдруг пересилил жажду. Нико попытался встать, снова упал и на четвереньках отполз к стене. Он качал покалеченную руку, пальцы гудели, из носа шла кровь.

После того как пленники опустошили четыре ведра, надсмотрщик что-то крикнул матросам, и те подняли ведро наверх. Надсмотрщик ушел, а вслед ему неслись крики и мольбы дать еще воды. Затем наверх подняли и лестницу.

По трюму вновь разлились уныние и обреченность, пленники боролись за лучшие места, где можно было сесть или лечь. Нико сидел у левого борта. Встать из-за низкого потолка было невозможно, потянуться тоже не хватало места. Он сидел на корточках между рослым мужчиной и деревянной балкой. Так было лучше, чем лежать в луже испражнений, но теперь ему вряд ли удастся добыть воды.

Он посмотрел на своего соседа, одного из тех, кому удалось сделать из ведра целых два глотка. Бычья шея, мускулистые руки, огромные мозолистые ладони, покрытые шрамами от ожогов. Нико сразу понял, что это кузнец. Мужчина склонился над лежавшими рядом с ним женой и младенцем. Теперь Нико увидел, что вторую порцию воды кузнец не проглотил. Он прижался губами ко рту малыша, пытаясь напоить его, но большая часть драгоценной

влаги стекла по щеке ребенка. Малыш был болен, не двигался и не открывал глаз. Мужчина повернулся к жене, которая, видимо, было ранена. Малейшее движение заставляло ее стонать от боли. С огромной нежностью кузнец положил ее голову себе на колени и как будто поцеловал. Она застонала, закашлялась, и скудные капли воды тоже пропали даром.

Близился закат, барабан боцмана замедлял темп, а вместе с ним замедлялись и взмахи весел. В какой-то момент наступила тишина, весла были подняты на борт. Ночью галера встала на якорь посреди полного штиля. Галерные рабы устраивались на отдых, гремя цепями. С палубы доносились молитвы на арабском, а потом негромкие разговоры и смех.

В трюме тихие перешептывания сменились другими молитвами – христианскими. Затем наступила тишина. Время тянулось бесконечно долго. Кто-то кашлял, кто-то плакал. Из темноты до Нико донеслось странное мычание. Он уже слышал такой звук раньше, но его производил скот. То, что эти звуки издает человек, Нико понял лишь потому, что знал: на борту коров нет. Наконец смолкло и мычание. Никогда за всю свою жизнь Нико не чувствовал себя таким одиноким. Сумерки превратились в ночь, в трюме наступила крошечная тьма, и его единственными спутниками остались жуткий запах и тихое отчаяние. Нико очень хотелось облегчиться. Он терпел уже два мучительно долгих часа, и внизу у него все болело. Наконец он смирился с тем, что эти попытки тщетны. Отойти тут некуда и ждать нечего. Здесь не было даже отхожего ведра. Не в силах больше терпеть, Нико поступил так же, как и все, – сходил под себя.

А потом попытался уснуть.

За полчаса до рассвета галера снова отправилась в путь, весла мерно ударялись о поверхность воды. Если наверху и дул бриз, наполнявший паруса, то до нижних палуб он все равно не долетал, и пленные мучились от гнетущей жары, словно горшки в печи.

Когда утром принесли воду, Нико снова попытался добраться до ведра, но заработал лишь очередные синяки и ушибы. Он видел, как кузнец вернулся с полным ртом воды для своей семьи, но на этот раз не склонился над ребенком, а сразу прикоснулся губами ко рту жены, пытаясь заставить ее проглотить воду. Она застонала и замотала головой, а потом, собрав остатки сил, пихнула мужу ребенка. Кузнец откинул тряпку, прикрывавшую лицо ребенка, – малыш умер. Отец долго смотрел на свое дитя, а потом вернул тряпку на место и снова склонился над женой, капая водой на ее рот, но она не разжала губ. Наконец кузнец сдался и отодвинулся от нее. Поймав на себе жадный взгляд Нико, великан тут же отвел глаза и проглотил остаток воды.

Еды не было, и у Нико привычно сводило желудок. Однажды, когда в деревне был голод, он ничего не ел пять дней подряд, поэтому знал, что без еды какое-то время продержится, а вот без воды он не оказывался никогда. С каждым часом во рту становилось все суше, язык прилипал к нёбу, распухал и отказывался шевелиться. Нико знал, что ему придется драться, чтобы добраться до ведра. В тот вечер он сражался за свою жизнь, яростно брыкаясь, толкаясь и кусаясь. Протискиваясь между грязными телами, ползком пробираясь по скользкому от нечистот настилу, он врезался в женщину, та поскользнулась и упала, а Нико случайно заехал ей коленом в лицо. От удара женщина выронила из рук корку хлеба, Нико увидел это, тут же схватил ее и засунул в рот. Хлеб оказался еще суше, чем язык. Нико разжевал корку, но не смог проглотить, выплюнул в руку и убрал кашицу в карман. Он уже собирался двинуться дальше, но остановился. Никогда в жизни он ничего не крал. Ощувив укол вины, он повернулся, чтобы помочь женщине подняться, но она остановила его злобным, ледяным взглядом голубых глаз. Мать Нико вечно предостерегала его от сглаза, и мальчик испугался, что взгляд этой женщины навлечет на него болезнь или вообще свалит замертво.

Через лес больших ног Нико увидел лестницу, но дальше ему добраться не удалось. Попытавшись подняться, он тут же упал – кто-то свалил его сильным ударом. Нико завыл

от боли, но его никто не слышал. В страхе, потеряв всякую надежду, он пополз обратно в свой угол и снова увидел ту женщину. На этот раз он смог лучше ее рассмотреть: она была больна, лицо покрыто мертвенной бледностью. Женщина открыла глаза, увидела его и улыбнулась, но улыбнулась с такой издевкой, что у Нико по спине побежали мурашки и он быстро отвернулся.

В ту ночь ему никак не удавалось заснуть. Ужасно болела голова, сплунуть не получалось, язык прилип к зубам. Несмотря на жару, его трясло. Он приподнял голову посмотреть, что делает женщина. Она сидела с опущенной головой. Нико не видел ее лица, но чувствовал, что слез проникает во все поры его души.

Вытащив из кармана пожеванную корочку, украденную у женщины, он стал отламывать крошечные кусочки, размягчать их во рту и пытаться проглотить, но тщетно. Крошки только царапали горло, и ему мало что удавалось проглотить.

Он нащупал в кармане что-то еще и вытащил ту самую монетку, которую Мария подарила ему перед тем, как его взяли в плен. На ощупь она была больше похожа на камешек, но Нико начал ее тереть, продолжая жевать крошки и не сводя глаз с женщины. Он знал, что его мать бросила бы в огонь лавровый лист, или сварила бы кошачий хвост, или повесила бы ему на шею ракушку каури, чтобы защитить его от сглаза этой ведьмы. Монетка все еще была покрыта плотным слоем налета, но он продолжал тереть ее в надежде, что такой талисман станет надежной защитой. Царапая ногтями ржавчину, он шептал себе под нос: «Боже, защити меня от дьявольского сглаза! Боже, храни меня от дьявола и его происков!» Он повторял и повторял эти слова, но при этом не мог решить, кого же он боится больше: Бога или сглаза, поэтому еще несколько раз помолился, прося у Бога прощения за то, что украл хлеб. Потом он услышал голос матери, которая сказала ему, что Бог может читать его мысли, особенно плохие. Бог всегда знает истинные причины его молитвы и сейчас тоже поймет, что он просто боится наказания. Нико не знал, как все исправить, но знал, что хлеб он не отдаст. В конце концов он решил, что слишком много думает об этом, и заснул, презирая себя, в полной уверенности, что если и проснется, то, скорее всего, в языках адского пламени.

Однако на следующее утро он проснулся оттого, что в трюм снова спустили веревку, но на этот раз не для того, чтобы дать им воды, а для того, чтобы забрать безжизненные тела умерших. Всего он насчитал семь трупов. Когда вытаскивали первое тело, он с неприятным облегчением понял, что это та самая ведьма. Нико нащупал в кармане монетку, уверенный, что именно он стал причиной ее смерти. Пока тело женщины поднимали на палубу, Нико тер монетку и изо всех сил молился, чтобы вместе с ее телом ушло и зло из его души.

Следующей поднимали жену кузнеца. Ночью он завернул ее тело в тряпки и сидел рядом с ней до утра. Когда ее хрупкая фигура исчезла, кузнец привязал к веревке ребенка, и сверток взмыл в воздух легко, словно перышко. Потом послышался плеск воды.

Кто-то начал молиться. Другие пленники присоединились, шепча слова поминовения.

Кузнец вернулся на свое место. Нико увидел ужас в его глазах и прошептал: «Мне жаль». Прошептал чуть слышно, потому что голосовые связки едва работали. Кузнец посмотрел на него невидящим взглядом, но почти незаметно кивнул, лег на бок, подложив под голову свои огромные ручищи вместо подушки. Глаз он не сомкнул, продолжая смотреть на Нико или, точнее, сквозь него.

Вечер принес небольшое волнение на море и робкую надежду. С палубы доносились встревоженные крики. Боцман пронзительно свистел, барабан бил все быстрее и быстрее, весла сохраняли темп двадцать шесть ударов в минуту, рабы встали на свои скамьи и изо всех сил налегали на весла, увеличивая скорость корабля. Звенели цепи, галера практически летела над водой. Люди в трюме слышали громкий всплеск, потом раздался отдаленный звук выстрела. Пленники как будто вышли из ступора, приподнялись, завертели головой, пытаясь понять, что происходит.

– Хвала Господу, это флот императора! – закричал кто-то.

– Это орден! – добавил кто-то еще.

Нико воспрянул духом. Ну конечно! Так и должно было быть! Галера ордена Святого Иоанна пустилась в погоню, вот ответ на его молитвы! Он сотни раз видел, как их огромные галеры выходят из гавани у подножия крепости. Видел капитанов в яркой рыцарской форме. Они сидели на палубе, словно боги, мужчины из стали и чести, и отдавали тысячам мечей приказ изрубить неверных. С самого раннего детства он слышал об их легендарных подвигах на море, рассказы о великих битвах, выигранных великолепными крестоносцами у этих жалких крыс, о том, как они вырезали безбожные сердца из тел корсаров, не знавших ничего, кроме грабежей и убийств. Да, даже сейчас стоило Нико прикрыть глаза, и он сквозь борта корабля мог видеть, как их корабль приближается, как спешит на выручку, как развеваются на ветру белые стяги с алыми крестами.

Послышалась короткая перестрелка, выстрелы аркебуз заглушали шум в трюме. Все почувствовали, как корабль резко сменил курс, и на секунду показалось, что они столкнутся с невидимым преследователем. Радость Нико тут же сменилась ужасом, когда он представил себе, как нос другого корабля пронзит борт галеры и тогда на дно морское пойдут все: и хозяйева, и их пленники. Сотня пар глаз уставилась в отверстие в потолке, как будто так можно было что-то разглядеть или что-то сделать силой надежды и молитвы.

Раздался еще один пушечный выстрел, но Нико показалось, что расстояние увеличилось, к тому же всплеска не последовало. Аркебузы замолчали.

Минут через двадцать боцман перестал бить в барабан с такой убийственной скоростью, но сохранял быстрый ритм еще около часа, заставляя галерных рабов выкладываться по полной. Тщетно Нико пытался снова расслышать звуки выстрелов, но сюда доносились лишь щелканье кнута надсмотрщика, раздиравшего плоть галерных рабов, и редкие приказы реиса. Вскоре корабль снова сбавил ход до обычного, а потом прозвучал свисток, и тогда половина рабов упала без сил, а вторая половина продолжила грести в более спокойном ритме.

С палубы донесся смех. Ни один корабль на свете не был настолько быстрым, чтобы догнать алжирскую галеру на полном ходу. Она была орлом, а остальные – ястребами. Пленникам в трюме оставалось лишь гадать, кого обошла галера, какой шанс на спасение они потеряли навсегда. Вспыхнувшая было в трюме надежда вновь померкла, и пленники погрузились в привычный мрак отчаяния.

Когда вечером принесли воду, кузнец даже не пошевелился и не попытался подойти к ведру. Он продолжал лежать на боку в той же позе, в которой провел весь день. Как обычно, вокруг ведер с водой началась привычная суета, но кузнец лишь приоткрыл глаза и тут же закрыл. Нико был слишком слаб, чтобы даже попытаться подобраться к ведрам. Он лежал рядом с кузнецом, и борьба за воду разворачивалась без их участия.

На четвертый день плена Нико проснулся, заморгал и поморщился от боли. В глаза словно песка насыпали, моргать было больно, будто на нежную поверхность глаза натягивали грубую рогожу. Он понимал, что если в ближайшее время не попьет, то скоро умрет. С трудом он перекатился на другой бок и оказался лицом к лицу с кузнецом. Они долго смотрели друг на друга.

Вскоре началась ставшая уже привычной суета, предшествовавшая появлению в трюме воды: зазвенели ведра, измученные жаждой пленники старались пробраться поближе к люку. Умоляюще посмотрев на кузнеца, Нико прошептал охрипшим голосом:

– Пожалуйста... помогите мне попить...

Ведро с водой спустили в трюм, и оно оказалось за спиной у надсмотрщика, стоявшего на второй ступеньке лестницы, чтобы не вставать в лужи на дне трюма. Ведро стремительно опустело и так же стремительно исчезло. Кузнец не пошевелился.

Спустили второе ведро, вскоре забрали и его. Сосед Нико так и не пошевелился. Мальчик угрюмо подумал, что, может быть, тот вообще не собирается вставать даже для того, чтобы напиться самому, но все-таки попробовал еще раз:

– Пожалуйста!

Он вообще его слышит? Кузнец лежал с открытыми глазами, но взгляд был затуманенный и пустой. Ни один мускул на лице не дернулся.

В жадно тянущиеся руки спустили третье ведро. Часть воды пролилась под разъяренные крики пленников. Потом и это ведро подняли наверх. Собрав остатки сил, Нико перевернулся и встал на четвереньки. Значит, придется попытаться самому.

Кузнец пошевелился. Приподнялся на локте, потом встал на колени. Нико было собрался снова молить о помощи, но мужчина уже сделал свой выбор. Он достал из кармана штанов маленький сверток и, не говоря ни слова, пихнул его в руки Нико. Мальчик развернул тряпицу: там оказалось шесть золотых венецианских дукатов. Нико ахнул от изумления. Никогда в жизни он не держал в руках такого богатства. Он озадаченно посмотрел на соседа, но тот быстро забрал у него монеты, завернул их в тряпицу и засунул Нико в карман. Потом схватил Нико за плечо стальной хваткой и быстро двинулся к лестнице, таща мальчика за собой. Кузнец был самым рослым и сильным из всех пленных; сгрудившиеся вокруг ведра люди расступились перед ним, словно волны перед носом корабля.

Нико и глазом не успел моргнуть, как они оказались впереди, у самой лестницы, и прямо перед ним возникло ведро. Он быстро глотал воду, сначала давился и кашлял, но потом ему удалось сделать несколько нормальных глотков. Вода на вкус была солоноватой, но просто великолепной. Казалось, она так быстро впитывается в его пересохшие губы, что он даже не успевает проглотить. Надсмотрщик стал отталкивать его, но кузнец заслонил собой дорогу и надсмотрщику, и пленникам, боровшимся за свою порцию. Нико продолжал жадно пить. И тут ведро забрали.

Нико с благодарностью посмотрел на своего заступника. «Спасибо», – произнес он, ожидая, что теперь кузнец подойдет к ведру сам, но тот ничего не ответил, пристально глядя на надсмотрщика. С поразительной скоростью кузнец бросился вперед и схватил надсмотрщика за горло, оттолкнув Нико в сторону с такой силой, что тот упал в лужу. Глаза надсмотрщика вспыхнули удивлением и яростью. Он попытался вырваться, но у кузнеца была стальная хватка, выработанная за долгие годы труда в кузнице. Он сохранял ледяное спокойствие и шел к своей цели: пальцы с огромной силой сдавливали гортань надсмотрщика все сильнее и сильнее. Кузнец поднял его в воздух, продолжая держать за горло. Глаза жертвы выкатились, задыхаясь, он судорожно замахал руками, выпустив кнут. В трюме раздался хор непокорных голосов.

В следующую секунду по лестнице спустились стражники с алебардами наперевес; их похожие на топоры лезвия вонзались прямо в обращенные наверх лица, а зубчатые стальные острия вспарывали мягкую плоть. Расчистив себе дорогу, шестеро охранников спрыгнули в образовавшийся хаос. Двое из них набросились на кузнеца, а остальные рубили обезумевших пленников без разбора.

Нико отполз подальше, не сводя глаз с битвы не на жизнь, а на смерть, которая развернулась у подножия лестницы. Лицо надсмотрщика сначала пошло багровыми пятнами, потом посинело, но даже когда он обмяк и перестал сопротивляться, кузнец не ослабил хватку. В тесном трюме охранники не могли пользоваться алебардами. Нико увидел, как блеснуло лезвие ножа, вонзаясь в бок кузнеца, но тот даже не поморщился, скорее наоборот – ранение придало ему сил. Он использовал безжизненное тело надсмотрщика как таран, бросился на нападавшего и сшиб того с ног. На упавшего надсмотрщика тут же накиннулись двое рабов, прижали его к днищу и держали там, пока он тонул в луже нечистот. Падая, он выпустил из рук нож, и тот упал прямо под ноги Нико. Мальчик завороченно смотрел на нож, боясь пошевелиться.

Кузнец все еще сражался с алжирцами, используя тело надсмотрщика в качестве щита. Стражники кидались на него с ножами, но попадали в мертвое тело. Какое-то время казалось, что кузнец невероятным образом может одержать над ними верх. Казалось, он не чувствует боли, что этим мелким людишкам его не остановить. Стражники падали один за другим, когда кузнец сбивал их с ног, орудуя телом надсмотрщика. Он действительно был очень силен, однако проигрывал в скорости. Сначала его достал один нож, потом другой, и Нико окатил фонтан крови. В трюм спустились еще стражники. Умело и безжалостно работая ножами, они быстро подавили оставшееся сопротивление. Минуту спустя недолго продолжавшийся мятеж закончился.

На этот раз Нико насчитал двенадцать тел, поднятых наверх на веревке: четверо стражников и восемь рабов, двое из которых были еще живы. Последним подняли тело кузнеца, обвязав щиколотки веревкой. Притихнув, Нико смотрел, как в воздух поднялись ноги мужчины, потом тело, а затем голова. Как и в последний день жизни, открытые глаза смотрели в никуда. Тело исчезло, и вскоре Нико снова услышал уже знакомые всплески.

Он неподвижно замер в оцепенении и не сразу понял, что его трясет. Он хорошо знал, как выглядит смерть, но смерть от болезни или голода. Никогда раньше он не видел, как люди убивают друг друга.

Однако вскоре он не мог думать ни о чем, кроме того, как добраться до воды в следующий раз.

Кое-кто из пленников перешептывался о том, что на их головы обязательно падет возмездие. Однако капитана на мостике утреннее происшествие не особенно встревожило. Он, как всегда, сохранял спокойствие, вверяя себя в руки Аллаха. Его судьба, как и судьба корабля и всех находившихся на борту, была написана задолго до того, как началось это путешествие. Воля Аллаха навлекла на них шторм, по воле Его многие выжили. А теперь, в момент нужды, если Аллах захочет, чтобы они напились, то пошлет им воду. Если же нет – *малем, мактуб*. Не важно; так предначертано Аллахом.

Действительно, к вечеру галера вошла в небольшой залив на острове Лампедуза, расположенном в проливе между Сицилией и Северной Африкой. С корабля спустили шлюпку, и вскоре она вернулась с бочками пресной воды, едой и провиантом взамен утраченного во время шторма. Капитан проследил за тем, чтобы всем на борту выдали порцию воды. Затем всем раздали заплесневелые корабельные галеты, черствые, но сытные. Нико жадно съел и выпил все, что ему дали, но, к своему удивлению, обнаружил, что не наелся.

Палубы помыли морской водой, сточные воды из трюма вычерпали ведрами, передавая их одно за другим по цепочке. Запах никуда не делся, но находиться в трюме стало уже не так невыносимо.

На следующий день на рассвете раздался барабанный бой. Новый надсмотрщик шел по проходу между скамьями галерных рабов, усердно трудившихся на длинных деревянных веслах. Галера отправлялась в следующий этап путешествия. Восточный ветер еще не окреп и не наполнял паруса, поэтому продвижение вперед зависело исключительно от человеческой силы, которая вырабатывалась ударами кнута надсмотрщика. Оставалось еще двенадцать дней. Обогнув мыс Кап-Бон, они взяли курс на запад, не теряя из виду побережье Африки. Еще шесть раз за долгий путь галера останавливалась пополнить запасы пресной воды и провианта.

Нико давали воду дважды в день, и драться за нее уже не приходилось, а с наступлением сумерек приносили еду, хотя он все равно оставался голодным. Он до сих пор плохо спал по ночам, грезил о доме и о любимой сестре. Дни превратились в кошмар из вины, гнева и самобичевания. Раз за разом он повторял себе, как ему влетит, когда отец догонит их и спасет его. Ни на секунду Нико не сомневался, что вернется домой. Если за ним никто не придет, он сбежит сам. Нико пощупал лежавший в кармане сверток. Кузнец подарил ему целое состояние. Этого точно хватит, убеждал себя Нико, чтобы купить свободу.

Не понимая, куда его везут и какая судьба ему уготована, Нико жевал черствые галеты и потирал монетку Марии. Внезапно он замер. Посчитав про себя дни, он поразился результату и пересчитал еще раз. Точно дату определить не удавалось, ведь дни сливались воедино. Но то ли сегодня, то ли вчера, то ли позавчера было двадцать четвертое мая.

Ему исполнилось десять лет.

ИЗ «ИСТОРИЙ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ»,

записанных Дарием по прозвищу Хранитель, придворным историком Императора Двух Морей, султана Ахмеда

То было время великих религиозных катаклизмов не только на Мальте, но и по всему миру вокруг Средиземного моря. Мартин Лютер не просто приколотил тезисы к дверям замковой часовни, но вбил гвоздь прямо в сердце самой Церкви, чьи нечистые на руку служители наблюдали за тем, как его ересь распространилась из Германии дальше и угрожала захватить весь мир. Возможно, только разразившийся в Персии конфликт между еретиками-шиитами и ортодоксами-суннитами мог соперничать с войной католиков и протестантов по широте, страсти и огню. Однако между ними было и одно крайне важное различие. В исламе насильственная смена веры была запрещена, а вот в ортодоксальном католическом мире принуждение и страх считались такими же привычными средствами, как и сила убеждения, и они пользовались уникальным инструментом, порожденным христианством, – инквизицией, которой не было равных во всем мире.

Инквизицию создали в XIII веке для борьбы с колдовством и ересью. Отсюда и выросли зверства испанской инквизиции, рассчитанной на то, чтобы помочь монархии истребить иудеев и мусульман, которые притворялись обращенными в христианство и занимали высокое положение в гражданских властях. Под руководством великого инквизитора, монаха-доминиканца Торквемады, чья ненависть к иудеям не знала границ, она стала не только религиозным, но и политическим рычагом, но очень быстро вышла из-под контроля. Даже сам папа, создатель инквизиции, уже не мог держать ее в узде.

Полвека спустя, в 1542 году, отчаянно стремясь обезвредить новую угрозу вере в лице протестантизма, папа Павел III одел волка в овечью шкуру и окрестил свое детище Святая конгрегация римской инквизиции, отдав власть над ее отделениями в руки конгрегации кардиналов. В основе организации оставалось подавление лжеучений, однако крайности, которые позволяла себе испанская инквизиция, не допускались. Обвинительные приговоры нужно было готовить тщательно и внимательно, потому что Церковь уже узнала на своем опыте, что множество людей не способны устоять перед искушением предать ближнего своего по причинам, не имеющим к вере ровным счетом никакого отношения. Предпочтение отныне отдавалось менее радикальным наказаниям, чем раньше, – актам покаяния, штрафам и даже изгнанию.

Однако при необходимости инквизитор мог прибегнуть и к старым инструментам: время от времени в мире все еще пылали костры.

Из тома I. Религиозные конфликты. Инквизиция

Глава 4

Отец Джулио Сальваго прибыл на Мальту в 1546 году в тот самый день, когда его предшественника сожгли на костре.

Сойдя с корабля, Сальваго пошел от пристани вверх по лестнице, которая вела в Биргу, старинный рыбацкий городок, приютившийся на небольшом полуострове за фортом Сант-Анджело, гнездом рыцарей ордена Святого Иоанна. Никто не вышел его встречать, но он понимал, что прибыл в момент эпохального события. На верху лестницы он тут же попал в пеструю толпу, которая понесла его на главную площадь. Лаяли собаки, дети залезали на плечи к отцам, чтобы разглядеть, что происходит. Мужчины плакали и били себя в грудь, женщины рвали на себе волосы и впадали в религиозный экстаз. Монахи шествовали через толпу, громко вознося молитвы Господу. Стоячие места продавались направо и налево теми, кто занял их еще до рассвета, тем, кто хотел ощутить жар святого огня на своем лице. Изюм всех окон, со всех крыш на площадь смотрели зеваки. До Сальваго доносились обрывки разговоров и молитв: «Ересь... Лютер... Иезуальд...» Сердце монаха застучало громче.

Он знал, что его предшественника звали Иезуальд.

В центре площади уже сложили костер. У основания лежали вязанки дров и терновника. Под медленный бой барабанов на площадь вывезли человека. Он ехал в повозке, запряженной ослом, который тащил ее по главной улице от тюрьмы под дворцом епископа. На узнике была изорванная рубаха. Сальваго замер как громом пораженный, разглядев, что это вовсе не рубаха, а вывернутая наизнанку казула, на которой красовался крест Святого Андрея – знак вынесенного приговора. Скорее всего, после долгого заключения скрытое под казулой тело было покрыто шрамами и синяками. *Так этой свинье и надо. Он не раскаялся...*

Перекрестившись, Сальваго стал пробиваться вперед вместе с теми, кто хотел посмотреть на казнь вблизи.

Иезуальд бился в цепях, пытаясь что-то кричать, но кляп надежно затыкал ему рот, не давая извергать богохульства, которые могли заразить кающихся грешников, загипнотизированно наблюдавших за ритмичной процессией смерти. Он бешено вращал глазами, но не от ужаса, а от ярости. Его вытащили из повозки, руки были связаны за спиной, и тут кляп вывалился у него изо рта.

– Только вера спасет всех вас! – закричал он. – Не церковь! Церковь – храм человеческий, а не Божий! Только вера, надежда и любовь... – Закончить он не успел, потому что стражник сбил его с ног и грубо воткнул кляп обратно.

Братья медленно шли через толпу с мерцающими свечами в руках и нараспев повторяли:

– Молитесь за заблудшую душу Иезуальда, ибо сегодня он встретится с Творцом...

Иезуальд попытался встать, но споткнулся и упал. Стражники поймали его под руки и поставили на ноги. В этой части процедуры никто из членов Церкви участия не принимал. Дело Иезуальда слушали в церковном суде, но выносили и приводили приговор в исполнение миряне. Церковь не намеревалась пятнать руки кровью.

– Молитесь за заблудшую душу Иезуальда...

Узника подвели к костру, привязали к столбу толстыми веревками, вымоченными в воде, чтобы замедлить горение. Железного ошейника – гарроты – на столбе не было. Поскольку Иезуальд отказался покаяться и отречься от ереси, ему не была дарована милосердная смерть от удушения перед восхождением на костер, как это бывало чаще всего.

Его должны были сжечь заживо.

Пока затягивали узлы на веревках, Иезуальд снова умудрился выплюнуть кляп.

– Священники должны получить право жениться! – закричал он. – Целибат – завет не идеального Господа, а неидеальных людей! Церковь преследует свои цели...

– Богохульство! – взревел один из монахов и швырнул в Иезуальда камнем, попав ему в висок; его голова дернулась, он заморгал, пытаясь прийти в себя.

Облаченный в фиолетовую рясу епископ Мальты сидел на помосте, залитом полуденным солнцем. Вокруг столпились священники, приоры, архидьякон Мдины и местная аристократия. Епископ пытался не обращать внимания на то, что происходит у костра, и жестом призвал толпу к тишине. Все зашикали друг на друга, капитан делла верга развернул пергаментный свиток и быстро зачитал приговор.

Закончив, капитан сделал шаг назад, поклонился епископу, перекрестился и кивнул палачу. К хворосту у ног Иезуальда поднесли соломенный факел. Завороженно следившая за происходящим толпа затаила дыхание. Огонь вспыхнул, но тут же погас. Раздались крики разочарования. Палач подошел к костру, факел в его руках снова вспыхнул. И снова пламя быстро лизнуло дрова у самых ног осужденного и так же быстро погасло, оставив после себя лишь струйки дыма, поднимавшиеся в небо. По толпе прошел шепоток: неужели это предзнаменование? Люди отчаянно крестились, задние ряды напирала на передние, чтобы разглядеть, что происходит. Палач сделал новый факел, зажег его от старого, опустился на колени и опять принялся за дело. Огонь у ног Иезуальда все никак не разгорался. Дыма было куда больше, чем жара, и прорвавшиеся в первые ряды зеваки начали кашлять.

– Обратите взоры свои на Писание, – глядя в небо, хрипло заговорил Иезуальд, – а не на человеков. Не на епископа или папу, а на Слово Божие!

В него полетел камень, потом еще один, но тут кто-то из крестьян прокричал:

– Я пришел посмотреть, как его сожгут, а не забьют камнями! Пусть говорит!

Толпа его поддержала, и больше ни одного камня в Иезуальда не полетело. Иезуальд охотно подчинился: он продолжил богохульствовать, хотя его голос с каждой минутой слабел и мало кто мог расслышать, что он говорит. Епископ сверлил взглядом палача с таким жаром, будто пытался помочь тому разжечь наконец костер.

Когда стало ясно, что огонь погаснет и на этот раз, поднялся ветер. Он дул с бухты, где находилась пристань Сан-Лоренцо, по воде пошла крупная рябь. Ветер пронесся по улице, круто поднимавшейся вверх и выходившей на площадь, превратился в смерч, разметавший пыль в глаза всем собравшимся, миновал толпу и поцеловал языки пламени, которые только только начинали разгораться.

Почувствовав порывы ветра, епископ оценил ситуацию, поднялся со своего места и провозгласил:

– Дыхание Господа!

По толпе прокатилась волна благоговейного шепота. Епископ принялся читать Писание, и его звучный голос быстро заглушил слова измученного Иезуальда. Хворост наконец занялся, языки пламени жадно лизали дрова, которые потрескивали и шипели, костер разгорался. Первые ряды ощутили жар и отшатнулись, прикрывая лица руками, но не могли отвести глаз от творившегося в центре площади.

– Господь милостив! Господь справедлив! Помолимся за заблудшую душу Иезуальда, раба Твоего...

К этому времени Сальваго наконец удалось пробраться в середину толпы. Глядя на его одеяние, люди расступались перед ним и пропускали вперед. Через марево костра он видел искаженное агонией лицо Иезуальда. Потрескавшиеся губы шептали последние богохульства, пламя уже добралось до него, одежда загорелась. Он испустил последний гортанный вопль. Толпа умолкла, на площади повисло молчание, нарушавшееся только треском пламени. Сальваго отвернулся от стены огня, его ноздри наполнила вонь горящего жира и плоти, он закрыл глаза, погрузившись в молитву за душу духовного собрата.

На следующее утро, когда одежда еще не успела выветриться от запаха смерти, епископ Кубельес вызвал Сальваго на аудиенцию в свой дворец. У Кубельеса были острые черты лица, аккуратная черная бородка, изогнутые брови и выдающихся размеров нос. Прежде чем перейти к обсуждению церковных дел, он пожелал убедиться в том, что новый священник, в отличие от своего предшественника, не заражен скверной.

– Так, значит, вы служили у епископа Палермо, – завел разговор Кубельес. – Он очень лестно отзывался о вас в письме.

– Его преосвященство преувеличивает, ваше преосвященство, – скромно ответил Сальваго, опускаясь на колени и целуя перстень.

– Мы полагаем, что вы понимаете, что здесь, на Мальте, у нас не в большом почете модные ныне на Сицилии идеи, – продолжил Кубельес. – Опасные настроения витают в воздухе.

– Ничего подобного я с собой не привез, ваше преосвященство, – непринужденно улыбнулся Сальваго.

– Насколько нам известно, у епископа есть соержанка.

– Это правда, ваше преосвященство. На Сицилии это до сих пор не редкость, – подтвердил Сальваго. – Даже в Риме...

– *Cujus regio, ejus religio*³, – ледяным тоном перебил его Кубельес. – Епископ – преданный и добрый человек и, без сомнения, любимый своим окружением, но эта епархия не в его ведении, здесь вы подчиняетесь нам. Вы должны целиком посвятить себя служению Господу, который не разрешает нам иметь других возлюбленных, кроме Христа, другой Церкви, кроме истинной Церкви, и другого епископа, кроме стоящего перед вами, – отчеканил Кубельес и пристально посмотрел на Сальваго.

– Разумеется, ваше преосвященство, – незамедлительно отозвался Сальваго. – Я предан таким учениям всей душой и с болью в сердце узнал о том, что мой предшественник отпал от милости Божьей.

– Так, значит, вы не оспариваете наше решение?

– Не оспариваю, ваше преосвященство, – не сводя глаз с епископа, ответил Сальваго. – Ни решение, ни наказание.

– Что ж, тогда мы пришли к взаимопониманию.

– Бесспорно, ваше преосвященство.

Сальваго прошел долгий и непростой путь, прежде чем оказался в новом приходе. Он был средним сыном барона Аматоре Сальваго, уважаемого патриция, владевшего обширными землями на Сицилии. Джулио учился в лучших школах, быстро овладел математикой, его ум оказался склонным к освоению латыни, греческого и наследия великих философов.

Казалось, Джулио ждет великое будущее. Бароном должен был стать его старший брат, а Сальваго ждала блестящая карьера на банковском или торговом поприще.

Однако такими мечтами тешил себя скорее барон-отец, а не Сальваго. В нем была какая-то пылкость, с которой не мог справиться ни отец, ни местные власти. Юноша был худощав, с вытянутым лицом и впалыми щеками, острым носом и горящими глазами. Несмотря на довольно жесткие черты лица, Сальваго был не лишен привлекательности. Женщины не давали ему проходу, и любая красавица была рада его компании. Он водил дружбу с бродягами и художниками, которые с радостью бражничали и кутили с ним на деньги его отца.

Барон надеялся, что с возрастом сын возьмется за ум, но Сальваго уже исполнилось восемнадцать, а буйный нрав никуда не делся. Он тратил все больше и больше денег, влезая в огромные долги из-за попок и карточных игр. Иногда он просыпался утром рядом с пустой бутылкой и незнакомой дамой, совершенно не помня, что делал накануне. Его мучил

³ Чья страна, того и вера (*лат.*).

стыд, однако муки совести проходили вместе с похмельем. На исповедях он был многословен и неискренен. *Помилуй меня, святой отец, ибо согрешил...* Потом он выходил из исповедадьни, каялся и с чувством выполненного долга снова пускался во все тяжкие.

Одна из оргий в фамильном загородном поместье, во время которой были уничтожены гобелены и мебель, положила конец терпению отца Сальваго.

– Я продолжу содержать тебя, – сообщил он сыну, – но при условии, что ты покинешь Мессину и никогда больше не вернешься сюда!

Сальваго пришел в восторг от такой договоренности. Он посетил Сиракузы, Неаполь и Рим. Следуя своей противоречивой натуре, он умудрялся подниматься до культурных вершин каждого города, а потом погружался в пучины греха. Будучи во Флоренции, он отужинал у Медичи, с которыми вел дела его отец. Они сходили на концерт в садах Боболи, где он напился и на спор обнаженным переплыл Арно от одной городской стены до другой.

Венеция совершенно пленила его. Он целыми днями просиживал в библиотеке дожа, читая труды Плутарха и Ливия. Потом в компании племянницы дожа посетил собор Святого Марка. Более великолепного здания за пределами Константинополя не существовало во всем мире. Сальваго был поражен красотой собора, потрясающими видами на пьяцца, покрывавшими стены мозаиками, изображавшими сцены из Библии; греческой квадригой бронзовых коней, которая когда-то возвышалась над ипподромом в Византии и везла за собой колесницу, изваянную Лисиппом, но в первую очередь Сальваго сразила красота его спутницы. Когда на город опустились сумерки и прихожане покинули собор, он завел ее за Пала д'Оро, золотой алтарь, сиявший бесчисленными сапфирами, рубинами, изумрудами и жемчугами. Там, в нише рядом с гробницей святого Марка, под взглядами ангелов Тинторетто, Сальваго и соблазнил юную красавицу.

Его путь к покаянию начался в Риме. Приехав в Ватикан, он со свойственным ему цинизмом намеревался купить индульгенцию и смыть с себя все грехи разом. Такие сделки раньше были общепринятой практикой в коррумпированной Церкви, но епископ ледяным тоном сообщил ему, что отныне индульгенции запрещены.

Сальваго бродил по Святому Престолу. Он слышал о Сикстинской капелле и хотел посетить ее, но ему сказали, что капелла закрыта для посетителей, чтобы художник Микеланджело успел закончить заказ для папы. Стражник благосклонно принял сребреник вкуче с обещанием хранить молчание, и двери Сикстинской капеллы распахнулись. Сальваго спустился по лестнице и застыл в благоговении, увидев великолепные фрески, не похожие ни на что виденное им раньше. Завороженный зрелищем, он лежал на спине на холодном мраморном полу. Облака расступились, и теперь он смотрел прямо в рай. Он смотрел на Творение, на то, как Бог отделил свет от тьмы, на Иону, и совершенство этих фресок выходило за пределы его понимания.

На протяжении двух дней он иногда встречал Микеланджело и наблюдал за ним. Старик закончил роспись потолка много лет назад, а сейчас работал над монументальной картиной на западной стене над алтарем, на дальнем конце алтарной преграды. Лежа на лесах, в одиночестве он работал при свечах, мазки кисти были такими смелыми и уверенными, будто его рукой водил сам Господь. Мрачная фреска вызвала сильные чувства. Это был Страшный суд – жестокое видение мучений, которые ожидают нераскаявшихся грешников. Сальваго смотрел на нее часами, и в его душе шевельнулось стремление узнать другую жизнь, отличную от той, что он вел до сих пор. В этой картине он увидел самого себя стоящим у врат ада. Опустившись на колени на холодный пол, он начал молиться.

Встал он с ощущением благодати, которое, впрочем, долго не продлилось. Выйдя из Ватикана, он вдохнул великолепный воздух Рима, заметил на улице приятеля и быстро вернулся в свое привычное состояние. В ту ночь он пустился во все тяжкие и отправился в бордель. В те затуманенные алкоголем дни он проигрывал все больше и больше денег, делая ставки на петушиных боях и скачках. Однажды он проигрался в пух и прах, но денег больше не осталось.

Он пытался выкрутиться, разразился шумный скандал, его жестоко избили и бросили умирать под мостом. Нашли его только через три дня.

Сальваго был на пороге смерти, и в горячечном бреде перед ним проносились образы, увиденные в Сикстинской капелле. Сатана танцевал с Христом под песни Сальваго. Потом Христос, увенчанный терновым венком, молил Сальваго помочь Ему поднять крест. Сальваго потянулся к кресту, но вместо этого у него в руках оказался подол пурпурного одеяния Девы Марии, он попытался поцеловать ее, залезть к ней под платье, попытался раздеть ее. Демоны бились с ангелами, адский огонь пожирал врата рая, а Сальваго застрял между ними. Он видел Бога и Адама, видел, как кончики их пальцев соприкасаются, видел Ноя и тошнотворных горгулий. Видел свое лицо и содранную кожу в руках святого Варфоломея, чей нож обагрился кровью грехов Сальваго; еще там был рогатый Харон, вестник смерти с гротескно выпученными глазами; там был Минос, судья в царстве Аида, и да, именно он, Сальваго, сидел на веслах в лодке проклятых и плыл по реке Ахерон; адское течение побеждало, затягивая его в огненный водоворот...

Он проснулся от собственного крика:

– Помилуй меня, Отец, ибо я согрешил!

Сальваго звал священника, но теперь в его словах не было корысти, это был крик человека, искренне раскаявшегося в своих грехах. Три недели он восстанавливал силы и молился. После всего, что он пережил, у него вдруг появилась цель в жизни – перед ним простиралась славная дорога к искуплению.

Джулио Сальваго, распутный сын аристократа, принял решение стать священником.

Он поступил в семинарию Святого Марка в предгорье неподалеку от Мессины. Впервые в жизни он по-настоящему посвятил себя делу. Впервые в жизни не лгал и стал так же предан вере, как раньше кутежам. Он отличался невероятным рвением, поражал своих наставников тем, насколько быстро осваивал теологию.

Простая жизнь в семинарии пришлась ему по душе, и Сальваго научился находить в ней удовольствие. В келье не было ничего, кроме кровати, умывальника и распятия на стене. Сальваго стал пасти коз, принадлежавших семинарии. Кроме него, никто на эту работу не вызвался. Он брал с собой молитвенник и флягу с водой, надевал сандалии и шерстяную рясу и целыми днями бродил со стадом по Пелоританским горам, соблюдая пост и размышляя. В пронизывающем ночном холоде и палящем дневном зное он радовался близости к Творцу. Ближе к весне он ночевал на скалах, глядя в бескрайнее ночное небо, а днем созерцал виноградники, спускавшиеся по холмам к морю. Восход сменял закат, а закат – восход. Его козы паслись, а он молился и поражался тому, что в его прошлой жизни напрочь отсутствовала истинная красота мира Божьего.

Рукоположение Сальваго состоялось, когда ему шел двадцать шестой год. Год он провел в Палермо скромным помощником епископа. Это было временное назначение в ожидании первого настоящего задания. Он усердно трудился и отличался послушанием, поэтому все считали его образцовым священником. Вкупе с нужным происхождением и нужными связями, казалось, ему предначертано судьбой добиться высокого положения в Церкви. Сочетание характера, высокой морали и родословной делало его идеальным кандидатом, не раз говорил ему епископ. Втайне Сальваго был с ним совершенно согласен, хотя и понимал, что впадает в грех гордыни. Да, он амбициозен. Да, он жаждет подняться выше в иерархии и занять достойное место. Так, по его мнению, он сможет наилучшим образом служить Господу. Он верил, что Господь неспроста сотворил чудо его обращения именно в Сикстинской капелле, что Господь хочет его возвращения в Ватикан, где Церковь сотрясали великие реформы. Сальваго сам изменился, а теперь измениться предстояло Церкви. И он хотел быть причастным к этому. Епископ обещал замолвить за него словечко во время следующего визита в Рим.

Когда наконец стало известно, куда его назначат, всем мечтам Сальваго пришел конец: назначили его совсем не в Ватикан.

Мальта!

Сам он там никогда не бывал, но об острове был наслышан. Во всех смыслах этого слова Мальта была полной противоположностью Риму. Несмотря на разочарование, он смирился с назначением, веря, что, когда придет время, Господь раскроет его истинное предназначение. Он находил утешение в том, что, по крайней мере, будет рядом с сестрой Анжелой, которая вышла замуж за мальтийского дворянина. Они жили в Мдине, совсем рядом с новым приходом Сальваго.

Готовясь сойти с корабля и ступить на землю Мальты, он узнал, что священник, помощником которого он должен был стать, лишен сана. Подробностей не раскрывалось, но это означало, что Сальваго станет капелланом, главным во всем приходе. Перед ним открывались замечательные перспективы – так быстро получить столь ответственную должность.

Остров показался Сальваго мрачным и серым местом, нищим и бесплодным. Отсюда было рукой подать до Венеции или Флоренции, но Мальта застряла в прошлом веке; по сравнению с шелком Возрождения, она все еще одевалась в мешковину готики. Процветавшие в Риме идеи здесь, в Биргу, засыхали на корню.

Однако он был намерен всецело посвятить себя служению. В его приходе числилось триста душ, и, без сомнения, они нуждались в том, чтобы прийти к Христу. Воистину он сразу понял: эти люди живут в юдоли страданий. Люди, конечно, тут отсталые и неграмотные, большие телом и бедные разумом, верившие в суеверия и магию, но все же всей душой преданные христианству.

Местная церковь обветшала. Водостоки обвалились, стены рассыпались. Алтарь разбит, без убранства. Он написал отцу и попросил у него денег, а также обратился с мольбой к своему зятю, барону Антонио Буке, чтобы тот пожертвовал церкви во спасение своей души. Бука возразил, что церковь Святой Агаты даже не находится в его приходе, да и большим собором не является, но его жена Анжела, сестра Сальваго, изводила мужа до тех пор, пока он, поворчав, не сдался. Вскоре церковь преобразилась: балки заменили, крышу покрыли черепицей, стены заново побелили. Итальянский рыцарь, с которым Сальваго когда-то кутил в Венеции, пожертвовал церкви семейный гобелен, и теперь «Тайная вечеря» закрывала стену над алтарем. Сам алтарь украсила небольшая, но изящная Дева Мария из чудесного белого каррарского мрамора. Сальваго заказал новый колокол у латунщиков в Милане. Повесить колокол было некуда, поэтому его хранили в ризнице. Сальваго не спешил, ожидая, когда накопит достаточно денег на строительство колокольни.

Шли годы. Сальваго усердно трудился, жил скромно и находил такое существование отградным. Однокомнатный домик приходского священника располагался прямо за церковью. У Сальваго было две сутаны: альба из белого хлопка с поясом и казула, богато расшитая золотыми геральдическими лилиями. Помимо этого, у него имелась одна пара сандалий, четки, бревиарий в кожаном переплете и один предмет роскоши, подаренный ему гордым отцом, когда тот узнал о рукоположении сына: серебряное распятие, украшенное безупречными рубинами. Больше Сальваго ничего и не было нужно. Если у него появлялись лишние деньги, он тут же отдавал их самым нуждающимся семьям прихода или продолжал скромный ремонт церкви.

И хотя Сальваго много времени посвящал самой церкви, он никогда не забывал о своей первостепенной задаче – заботе о нуждах прихожан. Он страдал вместе с ними во время засухи, голода и чумы. Он делил с ними радость на свадьбах и праздниках. Он крестил их младенцев, проводил обряд конфирмации подросткам и хоронил покойников.

Большую часть того дня он занимался делами одной из таких семей. Услышав новость о похищении сына Боргов, он сразу же отправился к рыцарям ордена в форт Сант-Анджело. Поскольку Сальваго был аристократического происхождения, он с легкостью вращался в этих кругах, даже став священником. Епископ часто использовал его для взаимодействия с орденом или для восстановления отношений с семьями, составлявшими цвет местного дворянства. Сальваго тут же пропустили к великому магистру, но священнику повезло не больше, чем Марии, которая говорила с одноглазым испанцем накануне. Великий магистр изменился в лице, выслушав мольбу Сальваго о помощи.

– Только не эти глупости! – отмахнулся де Омедес. – У меня нет свободных кораблей! Ни для спасения одного пленника, ни для спасения сотни!

От него Сальваго отправился в Университá. До того как император Карл V подарил Мальтийские острова рыцарям, главным органом управления здесь был Университá. С годами его авторитет оказался окончательно подорван, потому что рыцари полностью взяли на себя защиту островов и узурпировали власть. Здесь Сальваго приняли более благосклонно, однако толку он все равно не добился.

– Я бы очень хотел помочь вам, дон Сальваго, – развел руками чиновник, – но у нас нет галер, чтобы организовать погоню. Вам надо просить орден.

Сальваго пошел на пристань. Там пришвартовался на пополнение запасов греческий капер – одна из множества христианских галер, которые охотились на мусульманские корабли с разрешения Сицилии.

– Думаю, алжирцы, – вежливо, но прямо ответил капитан. – Они часто появляются в этих водах в последние недели. Мне его все равно уже не догнать, а если он направляется в Алжир, то я бы скорее пошел за львом в его берлогу!

Сальваго предложил щедрую плату, впрочем пока не представляя себе, откуда возьмет обещанную сумму, но деньги грека не заинтересовали.

– Не понимаю, почему вас беспокоит естественный ход вещей, святой отец, – сплюнув за борт, пожал капитан плечами. – Это же просто раб.

Сальваго и сам успел задуматься над этим. Конечно, они потеряют христианскую душу, но дело не только в этом, ему нужно было, чтобы его прихожане понимали, что он заботится о них, что они не обречены постоянно становиться жертвами корсаров, что есть луч надежды в этой вселенной тьмы. Бесплодные усилия лучше, чем полное отсутствие усилий, рассуждал он. Несколькими годами раньше на остров налетел несчастный в этих краях ураган. В этот момент Сальваго как раз был в гостях у одной семьи в Биргу. Когда ураган разбушевался не на шутку, он стоял рядом с ними в их хлипком домике, стараясь удержать ставни, двери и стены и не дать им рухнуть под напором стихии. Когда ветер стих, несмотря на их усилия, дом лежал в руинах. Но они все же хотя бы попытались. Почему же не поступить так и сейчас? Разве не стоит хотя бы попытаться?

Снова потерпев неудачу и оказавшись в безвыходной ситуации, Сальваго пошел к дому Боргов, чтобы предложить им утешение Божие. Сгушались сумерки, и только он собирался постучать в дверь, как та распахнулась и из дома вышла Мария Борг, причем настроена она явно была решительно. Оглянувшись, она шагнула за порог и почти наткнулась на Сальваго.

– О! – удивленно воскликнула она. – Дон Сальваго! Я вас не заметила!

– Мария! – поприветствовал девочку Сальваго.

Хотя уже смеркалось, он сразу заметил синяки на ее лице и шее. В уголке рта запеклась кровь.

– Я знаю, что вчера произошло. Тебя сильно избили?

– Это не они, дон...

– Мария! – загремел голос из дома. – Мария? Это ты? Куда это ты собралась?

– На улицу, отец! Мне надо... собрать колючек на растопку!

– И так есть! А ну, марш наверх!

Девочка медлила недолго. Сальваго видел, как она вздернула подбородок и приняла решение.

– Простите меня, святой отец! – прошептала она, беззвучно умоляя не выдавать ее, прошмыгнула мимо него и побежала прочь.

Лука Борг подошел к приоткрытой двери и распахнул ее настежь. Увидев отца Сальваго, он отшатнулся от неожиданности. Высунулся на улицу, высматривая Марию, фигурка которой как раз скрылась за поворотом.

– Я же сказал ей идти в дом! – зло прищурился он, но взял себя в руки в присутствии святого отца.

– Видимо, она не слышала тебя, Лука, – отозвался Сальваго. – Возможно, я отвлек ее.

Лука с сомнением посмотрел на священника, однако понял, что пока ничего сделать не может.

– Мне жаль, что такое случилось с Нико, – начал Сальваго, но Лука лишь молча кивнул. – Я принес хлеба, – добавил он, протягивая хозяину дома свежую буханку хлеба, которую ему дал булочник.

Хлеб был еще теплый, только что из печки. Лука не видел свежего хлеба уже месяц и жадно пожирал буханку глазами.

– Благодарствую, святой отец. Входите, – пригласил его в дом Лука. – Изольда!

– Если сейчас неподходящий момент, я могу зайти попозже.

– Вовсе нет! Изольда! Принеси теплого молока! У нас гость!

Постепенно глаза Сальваго привыкли к полумраку дома. Единственное маленькое окошко выходило на улицу, и обычно его держали закрытым. Окно было затянуто льном, вымоченным для прозрачности в масле. В комнате, служившей кухней, гостиной и столовой, стояла грубо выструганная деревянная скамья, единственный стул и стол. Под столом лежали две овцы. За ними находилась выгребная яма. У дальней стены стояла лестница, ухидившая наверх, на деревянный настил под самым потолком, где спали дети.

– Садитесь, святой отец, – показал на стул Лука, и Сальваго присел. – Изольда! – снова закричал Лука. – Сколько тебя можно ждать, женщина!

На одной из стен Лука построил для Изольды небольшой алтарь, где она поставила символы и реликвии своей веры. В центре стены висело распятие, на котором корчился в агонии истекающий кровью Христос в терновом венке. На полке под ним стояли реликвии: свеча из пчелиного воска, собранного в ульях Вифлеема, кусочек дерева от весла, найденный после кораблекрушения апостола Павла, лоскут от одеяния апостола Петра. Все они были куплены за большие деньги у продавцов, которые клялись, что реликвии подлинные. Изольда молилась им всем.

Стена напротив предназначалась для случаев, когда первая стена оставалась глуха к молитвам. Там было множество полок с амулетами, мазями и снадобьями, каждое из которых, как обещали деревенские знахари, обладало магическими или лечебными свойствами. Жестяные банки с корнем горечавки и шандры, аккуратные стопки коры тамаринда. Сенна от кишечных демонов, свиной глаз, завернутый в сухое заячье ухо, от ненавистных газов, сушеная черепаший кровь в оливковых листьях от сглаза. Никто, и в первую очередь сама Изольда, не знал, где заканчиваются молитвы и начинается колдовство. Одной рукой она держалась за Христа, а другой – за колдовские штучки, не зная, чему верить больше. Лука ворчал, но мирился с причудами жены. По его мнению, ни от того, ни от другого особой помощи ждать не приходилось, разве что в опустошении его и без того тощего кошелька. Из-за полога появилась Изольда Борг. Она мела пол, бормотала себе под нос «Отче наш» и «Аве», орудовала метлой и гоняла пыль из одного угла в другой, сбивала ее во все новые кучи, вытаскивала овечьи фекалии из куч

мусора и бросала их в выгребную яму. Хлопья пыли летали по воздуху в бледных лучах солнца, проникавших через щели в дверном проеме.

Она глубоко вздыхала, словно смертельно устала. Под глазами темнели круги. Черные волосы были убраны в строгий пучок и спрятаны под платок, она всегда ходила в одном и том же черном платье. Увидев Сальваго, она смутилась и поспешила задернуть занавеску, закрывавшую противоположную алтарю стену.

– Отец Сальваго, – засуетилась она, – вы уж простите, не ожидала, что вы зайдете!

Изольда со злостью посмотрела на Луку: как можно было взять и, не подумав, пригласить священника в дом? Но Лука, кажется, не понял, на что она злится. Сам он ходил в церковь только на отпевания.

Сальваго ужасали эти суеверия, опасно граничившие с колдовством, но сейчас он решил не заводить разговор на эту тему. Изольда Борг была не единственной прихожанкой, которая пыталась подстелить соломки с обеих сторон. К тому же сегодня неподходящий день для таких разговоров. Изольда была одной из самых преданных прихожанок церкви Святой Агаты и своими привычками не отличалась от большинства. Шесть дней в неделю она редко выходила из дому. Редко, потому что на улице сплошная чума, грех и мужчины, которые смотрят на женщин. На рынок и по всем делам она посылала Марию. Каждый вечер перед ужином она открывала окно, выходящее на улицу, и обменивалась последними сплетнями со старой каргой Агнетой, жившей по соседству. Женщины не могли видеть друг друга. Разделенные стеной, они смотрели на узкую улочку, на каменные стены домов напротив, замечая каждую тень, каждый выброшенный мусор, каждую пробегавшую мимо на четырех лапах крысу и каждого проходившего мимо на двух ногах негодяя. Завидев прохожего, женщины тут же закрывали лица платками и прятались в доме. Они обменивались пикантными слухами о скандалах, мелких грешках и неизбежной каре Божьей, которая ждала заблудшие души Биргу.

Из дому Изольда выходила только по воскресеньям на мессу в церкви Святой Агаты, которую не пропустила бы, даже если бы с небес начало извергаться пламя.

– Откушаете с нами лукового супа, дон Сальваго? – спросила она, поворачиваясь к висевшему над очагом котелку и помешивая деревянной ложкой его жидкое содержимое.

– Нет, благодарю вас, – ответил он. – Я пришел выразить соболезнования по поводу вашей утраты.

Изольда принялась мешать суп в два раза быстрее и ничего не ответила. Сальваго знал ее историю, отражавшую жестокую действительность Мальты. Женщина приехала на остров со своим первым мужем в тот же год, когда сюда прибыли рыцари ордена Святого Иоанна. Ее супруг-плотник искал здесь работу, но нашел смерть от лихорадки. На следующий год вдова вышла замуж за мальтийца Луку Борга. Родила ему шестерых детей. Четверо умерли от голода и болезней. Каждая потеря, думал Сальваго, высасывала из нее жизнь и тепло, а теперь пропал и Нико, ее младший сын. Никто бы не удивился, если бы последний удар судьбы сделал Изольду такой же суровой и жестокой, как и сам остров, если бы она окончательно пала духом от тягот жизни и обжигающего сирокко, дувшего из Африки. Сальваго знал, что женщина уже много лет умоляет мужа уехать с острова и вернуться в Италию, в ее родные края, но тщетно. Лука никогда не выезжал с Мальты и ни за что не согласился бы уехать, в каких бы тяжелых условиях ни приходилось жить.

Еще Сальваго знал, что Изольда молилась Богу и просила Его, чтобы тот избавил ее от адских мук земной жизни. Сидя в исповедальне, он узнал ее, когда женский голос вздохнул и горестно произнес: «Когда я умру, счастливее меня будут разве что черви».

Ее супруг, по мнению Сальваго, ничем особым не выделялся среди прочих прихожан: он смертельно устал от тягот жизни. Голод, нищета, потеря детей лишили его желания жить. Лука держался особняком, в церковь ходил редко, работал, когда была работа, и спал, когда работы не было. Одним словом, весь день ждал, пока наступит ночь.

– Просто хотел сказать вам, что я ходил к рыцарям ордена, – начал Сальваго, ловя на себе вопросительный взгляд Изольды, и опустил глаза. – Они... они пообещали сделать все, что смогут.

Сальваго понял, что эти слова, произнесенные вслух, кажутся еще более пустыми, чем когда он сам услышал их. Изольда молча повернулась к котелку с супом.

– Этого бы не случилось, если бы Мария... – зарычал Лука и тут же замолчал, сжимая и разжимая огромные кулаки.

– Я слышал, что вчера она говорила с великим магистром, – возразил Сальваго. – Для такого нужна смелость. Она храбрый ребенок.

– Говорила! Она спорила с ним! Вот что люди говорят! Кинула в него камнем! Нас из-за нее арестуют! Если бы не эти ее глупые мечты о сокровищах, Нико был бы здесь и ей вообще не понадобилось бы ни с кем разговаривать!

Сальваго подумал о синяках на руках и лице девочки. Лука сделал не больше, чем любой другой отец в подобных обстоятельствах. Другой мог бы избить ее до смерти, и никто бы и слова не сказал.

– Я ни в коем случае не хочу вмешиваться в ваши семейные дела, Лука, но не будьте так строги с Марией. Она просто ребенок, еще не понимающий взрослого мира. Она совершила ошибку, но в случившемся все же виноваты корсары, а не она.

– Она должна была чистить выгребную яму, как я ей и сказал! А там корсаров не водится, дон Сальваго!

– Она и так настрадалась, Лука. Стоит заглянуть ей в глаза, и все понятно.

– Страдает не она, а Нико! – неистово затряс головой Лука. – Не она, а ее мать! Мария навлекла на нас такое несчастье, и все из-за ее непослушания! Пустоголовая мечтательница! У нее сила воли как у быка! Я пытался сломить ее, но не смог. Так пусть это сделает жизнь!

– Мы должны молиться Господу за спасение души Нико, – увещевал его Сальваго. – Господь сохранит его!

– Бог покинул его, – с горечью в голосе отозвался отец.

– Лука! – ужаснулась Изольда, но Сальваго не обратил внимания на слова прихожанина, склонил голову и зашептал слова молитвы.

Глава 5

За холмами над гаванью прогремели пушки, сообщая городу, что в порт входит корабль с богатствами на борту. Хозяева таверн и проститутки готовились принять поток моряков и солдат, а торговцы спешили на пристань, надеясь заработать на трофеях и рабах.

Баркас с *лиманом-реисом*, начальником порта, на борту отчалил от берега и направился к галиоту реиса Али-аги. Мужчины пили кофе на корме, пока писцы составляли подробную опись сокровищ, чтобы подсчитать налог, причитающийся бею. Галиот причалил к пристани, рабы окунули весла в воду, где их забрала легкая лодка. Весла и паруса снимут с судна до следующего выхода в море, чтобы рабы не попытались захватить его и сбежать.

Сидя в трюме, Нико понял, что суматоха на борту означает, что это не просто очередная остановка. Вскоре к пленникам спустили лестницу и приказали подниматься. И хотя они провели все это время в ужасной обстановке, первым идти не хотел никто. Исход начался только после щелчка кнута надсмотрщика.

Нико поднимался из вонючего темного трюма, как из могилы. Ступив на верхнюю ступеньку, он с наслаждением вдохнул солоноватый аромат морского бриза – первый глоток свежего воздуха за почти три недели. Выбравшись на палубу, он встал на колени, а потом неуверенно поднялся и огляделся. На корабле и у пристани царила суэта. С галерных рабов сняли цепи, нагрузили их тюками с грузом и увели в тюрьму, где они содержались между выходами в море. Нико отчаянно заморгал от яркого света, разглядывая бухту и поражающий воображение город за ней.

В отличие от простых каменных домов Биргу, все здания были побелены, стены сияли в полуденном солнце. Над городом и гаванью, на вершине холма возвышалась огромная *касба*. Нико решил, что этой крепостью наверняка владеет какой-нибудь король или епископ. Мальчик смотрел на минареты и купола, на крепостной вал, поднимавшийся вверх по холму от самой воды, окружавший и защищавший город, с редкими бастионами и тяжелыми воротами. За городской стеной виднелись роскошные сады, зеленые парки и высокие мельницы, крылья которых неспешно вращались на легком ветру.

Массивный волнорез разделял гавань на две части и доходил до небольшого островка с развалинами старинных испанских фортификационных сооружений. На волнорезе трудились рабы, ворочая тяжелые каменные блоки, использовавшиеся для ремонта стены, которую постоянно пожирало голодное море. Заканчивался мол городскими воротами. Еще одни ворота с железным портиком вели к длинной береговой линии, где рядами лежали военные галеры, походившие на серых китов. Здесь борта галер шкурили и промасливали. Небольшая флотилия рыбацких судов огибала волнорез и выходила в открытое море, их паруса трепыхались на ветру. Нико смотрел на все это, потеряв дар речи от восхищения: по сравнению с открывшимся видом порт в родном Биргу казался крошечным и жалким. Он понял, что находится в каком-то важном месте.

– Константинополь? – спросил он у стоявшего рядом матроса.

– Эль-Джазаир, – ответил тот, смеясь над его глупостью.

Нико остолбенел.

Алжир.

На пристанях Мальты он слышал легенды, ходившие об этом городе. В портах Европы его называли сокровищницей греха, театром жестокости. Город поразил Нико, но на самом деле он был просто колонией Константинополя, пустышкой на задворках блистательной Османской империи. Город, основанный финикийцами, процветал, пережив разрушение вандалами, захват испанцами, а затем наконец османами под предводительством корсара Хайреддина,

которого весь христианский мир знал под именем Барбаросса и которому удалось изгнать отсюда испанцев.

Алжир.

Крупный город в Африке с гремучей смесью берберийской и мавританской крови был смертельно опасен для христиан, дорого обходился торговцам и постоянно раздражал королей и пап. Местные корсары практически безраздельно властвовали над этим морем и безнаказанно грабили многочисленные торговые суда. На улицах города бурлила жизнь, на рынках царило изобилие, в тюрьмах сидели бесчисленные тысячи рабов. Попавшие в плен оставались здесь навсегда, а на свободу вели только два пути: выкуп или смерть.

Теперь самые последние приобретения потекли в город, среди них был и Нико. Инстинктивно он пытался спрятаться за взрослых, выглядывая из-за их спин и рассматривая все новое и непонятное. Их вывели по сходам на причал, потом они прошли через огромные деревянные ворота и попали в город. У ворот Нико решился поднять глаза. Сверху каменные стены были утыканы железными пиками. Почти на всех красовались высохшие на солнце человеческие головы, ошпаренные кипятком, потом высушенные в мешках с солью, а затем выставленные на всеобщее обозрение, чтобы все попадающие в Алжир помнили, какое наказание ожидает проявляющих неповиновение. Нико застыл с открытым ртом, глядя на головы на пиках, и сдвинулся с места, только когда его толкнули в спину.

Они взбирались наверх по лабиринту улиц, в пыльных переулках было тяжело дышать, вокруг царил хаос незнакомых картинок, звуков и запахов. Город напоминал огромный базар. Толпы людей заполняли узкие улочки, под ноги все время попадались козы, овцы и дети. В темных проулках спали калеки, рядом с которыми стояли чашки для милостыни, в толпе орудовали карманники. Разносчики воды с огромными бурдюками из медвежьих шкур продавали прохладительные напитки, наливая их в медные стаканчики. Здесь можно было увидеть красивых коней, гордых и нервных, обезьян на поводках, огромных ящериц, выпотрошенных и вывешенных сушиться. Здесь можно было встретить кочевников из великой пустыни, солдат из Стамбула и купцов из портовых городов Франции и Венецианской республики – настоящая солянка из разных людей в разных одеяниях: фесках и тюрбанах, шелковых кафтанах и шляпах с перьями, бурнуссах и широких шароварах. В городе стоял постоянный гвалт, настоящая какофония из мычания верблюдов и блеяния овец, резких звуков рога и флейт, бесконечной болтовни торговцев. Продавцы совали покупателям в руки ткани и дешевые украшения, попивая крепкий кофе и с ленивым интересом наблюдая за вереницей новоприбывших рабов.

Восхищение Нико затмевал только голод. Корабельные галеты не дали ему умереть с голоду, но этого было мало, и желудок все время будто царапал когтями изнутри. Все, что он видел, напоминало ему о еде. Ослы тащили на спине огромные короба со свежими овощами. По улицам бегали пухлые курочки. В тени верблюды лениво жевали траву, которая выглядела такой сочной и свежей, что Нико не сводил с нее глаз. В плетеных клетках сидели фазаны. Пахло специями, жареной бараниной и свежесдобленным хлебом – все эти запахи просто сводили мальчика с ума. В лавках мясников висели туши, на открытом огне жарились шашлыки. Повсюду роились мухи, но Нико и они казались вполне съедобными.

Над рынками и улицами плыла ошеломляющая смесь ароматов. Ароматический бальзам из сторакса; дурманящая конопля и пряный чабрец; отвратительная вонь гниющих овощей и плоти. Еще один отвратительный запах, вдруг понял Нико, исходил от его тела. Он выбрался из трюма корабля и сошел на сушу, но запах трюма остался с ним. Впервые за все это время Нико заметил, что покрыт слоями грязи, и попытался стереть ее с себя на ходу, но тщетно. Как было бы здорово сейчас искупаться, смыть с себя все это, подумал он, но тут же ему стало ужасно грустно, так как до него сразу дошло, что это невозможно. Обернувшись, он посмотрел на сверкающее на солнце море в поисках галер ордена Святого Иоанна, поскольку у него не было сомнений в том, что рано или поздно они появятся. На горизонте было пусто, до моря

отсюда было уже довольно далеко. Нико отвернулся от такого близкого и одновременно недосягаемого вида, и ему стало очень жалко себя.

Процессия рабов проходила мимо уличного торговца, державшего в руках поднос с засахаренными фруктами. Не думая, Нико схватил один цукат. Торговец, сам еще мальчик, гневно завопил и стал звать на помощь стражников. Стоило Нико откусить кусочек райского лакомства, как невидимая рука мощным ударом сбила его с ног. Он упал на землю, ударился подбородком и прикусил язык. Кусочки засахаренной сливы, смешанные с кровью, вывалились у него изо рта. Ошеломленный, Нико с трудом встал на четвереньки, собрал выпавшие изо рта кусочки, снова засунул их в рот, но тут его пнули сапогом в бок с такой силой, что он задохнулся, и все лакомые кусочки снова вылетели изо рта на землю. Нико упал в пыль, поморгал и снова потянулся за остатками цуката, потому что не мог думать ни о чем, кроме еды. В следующую секунду он оказался на спине, глядя в бесцветное небо. Он услышал щелчок кнута, живот обожгло страшным огнем. Нико закричал и попытался закрыться руками. Еще дважды его ударили кнутом, потом рывком подняли на ноги и грубо толкнули в вереницу рабов. Спотыкаясь, Нико побрел вперед. Один из пленников схватил его за локоть и прошептал:

– Дурень! Готов рискнуть жизнью за сладкое?

Нико не очень умел постоять за себя, в отличие от своей сестры Марии. Его до сих пор трясло от ужасной катастрофы, которая случилась просто потому, что ему захотелось хотя бы на секундочку ощутить вкус сахара. Ребра нещадно болели, живот жгло, саднило язык. Тем не менее он подумал, что раз его не убили сейчас, то, значит, и не собираются. Обычно у надсмотрщиков разговор был короткий. Во рту все еще оставался вкус засахаренной сливы, смешанный с пылью и кровью. Сладость Нико ощущал еще долго.

А еще он знал, что Мария гордилась бы им.

Пленники провели ночь в просторном дворе дома Али-аги. Те, кому не хватило места в тюрьме для рабов, располагавшейся в сводчатом здании купальни, спали под открытым небом. Одежд у них не было, поэтому они жались друг к другу, чтобы защититься от холода. Провести так ночь после заключения в трюме казалось райским подарком.

Вскоре после рассвета двор наполнился посетителями. Пришли торговцы и менялы, а также много рабов – одни в лохмотьях и кандалах, другие хорошо одетые и без цепей. Рабы искали среди новоприбывших друзей или родственников. Несмотря на мешанину из разных языков, Нико понимал многое из того, о чем они говорили. У него был острый слух, и ему показалось, что они говорят на смеси испанского, итальянского и мавританского, а все эти языки он часто слышал на Мальте. Нико пытался задавать вопросы, но в силу его юного возраста никто не относился к нему серьезно и не давал себе труда ответить. Он бродил среди взрослых, которые не обращали на него внимания, и слушал, о чем они говорят.

Тебя ждут жуткие страдания, если они узнают, что ты из богатой семьи. Тебя будут пытаться, чтобы ты сильнее молил родственников выкупить тебя.

Отсюда можно выйти, только если за тебя заплатят выкуп. Другого выхода нет.

Если тебя заберут рабом в бейлик, помолись за спасение своей души и за быструю смерть. Если есть деньги, купи яда.

Если есть деньги, проглоти их, а то отберут.

Если они узнают, что ты проглотил деньги, то вырежут их из твоего живота заживо.

– Меня зовут Баба́, – по-итальянски произнес мальчик, внезапно вынырнувший из толпы.

Его живые карие глаза светились дружелюбием. Парнишка был на несколько лет старше Нико. Выглядел он как беспризорник, бедно одетый и босоногий, но перемещался по территории свободно, с достоинством и даже здоровался со стражниками.

– Ты с Сицилии?

– С Мальты! – с готовностью ответил Нико, обрадовавшись, что ему есть с кем поговорить. – Что теперь со мной будет? Как мне попасть домой?

– Всеми свое время, – ответил ему Баба. – Я могу тебе рассказать все, что хочешь. Я раньше тоже был рабом, как и ты.

– Я не раб! – с жаром перебил его Нико.

– Ха! – Баба махнул рукой в сторону остальных. – Неподходящая у тебя компания для вольного человека.

– Я не раб! – повторил Нико.

– Ты меня-то не убеждай, – пожал плечами Баба. – Я просто хочу с тобой дружить. Я и правда когда-то был рабом. Из Бриндизи, из Неаполитанского королевства. Но я свое отработал. Как видишь, я теперь сам по себе.

– Такое возможно? – Лицо Нико озарилось надеждой.

– В Алжире все возможно с помощью Всемилоостивого.

– А кто такой Всемилоостивый? Он сейчас здесь?

– Аллах, конечно. Он всегда здесь, – осторожно остановил его Баба. – Ты из благородной семьи?

– Нет.

– Мне кажется, ты очень хитрый. И слишком красивый для простолюдина. Ты сын графа? Императора?

– Мой отец – строитель, – важно сообщил Нико. – В Биргу. Сейчас он строит крепости для рыцарей ордена Святого Иоанна.

– Вот об этом я бы на твоём месте говорить не стал. – Баба с подозрением посмотрел на Нико. – Похоже, ты водишь меня за нос. Значит, у тебя есть ремесло? Ты умеешь строить? Каменщик? Плотник?

– Пока нет. Папа говорит, я еще маленький. Начнет учить меня в следующем году, и тогда...

– В следующем не начнет, – перебил его Баба, – разве что...

– Разве что – что?

– Ты ничего не умеешь, значит надо притвориться, что умеешь, – Баба заговорщически понизил голос, – или подкупить нужного человека, чтобы оказаться там, где хочешь. У тебя есть какой-нибудь бакшиш?

– Какой-нибудь – что?

– Деньги, чтобы дела делать, – потер пальцы Баба.

– У меня ничего нет, – соврал Нико.

– А вот это жаль. Раз нет, тебя просто продадут на торгах в Бедестене. Там продают весь скот и всех рабов, кроме тех, кому повезло найти подходящего господина заранее. Если тебе никто не поможет, то станешь рабом в *бейлике* и умрешь в карьерах. Или тебя отправят на галеры, прикуют к скамье, и ты будешь молить о смерти. Если у тебя есть бакшиш, я могу устроить тебя на работу во фруктовые сады или даже в пальмовые. Вот там хорошо живется! Тебя будут кормить, и работа не тяжелая. Финики везут в Венецию в ящиках. Я помогу тебе спрятаться в ящике, а там ты запросто сбежишь.

Венеция! Дукаты жгли карманы Нико. Деньги как будто кричали слово «свобода», но его голова отвечала: «Осторожно!» Нико охватила нерешительность.

– А я-то думал, что ты из благородных, – с жалостью в голосе произнес Баба и безразлично пожал плечами. – Может, ты и не родился рабом, но тебе явно предначертано судьбой умереть рабом, – бросил он, отвернулся и пошел прочь.

Нико показалось, что вместе с Баба от него уходит последняя надежда. От его настороженности не осталось и следа. Ведь другого шанса может и не представиться!

– Пстой! – крикнул он, пошарил в кармане, вытащил драгоценную монету и осторожно протянул ее новому знакомому так, чтобы никто не заметил. – Этого хватит?

– Вряд ли, – равнодушно хмыкнул Баба́, поглядев на монету. – Другие дадут больше. В пальмовые сады попасть нелегко. Там есть тень и прохладная вода. Фрукты сами падают в руки прямо с деревьев, – мечтательно произнес он, протягивая Нико его монету. – Лучше оставь деньги себе. купишь себе еды в карьерах.

– Нет! – Нико снова полез в карман. – Вот еще одна! Больше у меня ничего нет, клянусь!

– Мудро с твоей стороны довериться мне. – Деньги исчезли в кармане Баба́. – А теперь мне нужно заняться твоей судьбой.

С гулко бьющимся сердцем Нико смотрел вслед исчезающему в толпе Баба́. Никогда раньше он не заключал сделок и не платил денег, но теперь удача улыбнулась ему и речь идет о его будущем.

Рабов раздели догола, а потом мужчины под предводительством Али-аги рассортировали их на группы. Как они отбирали людей, оставалось загадкой, но одних ждала бесконечная смерть заживо на галерах, а других – медленная, мучительная смерть в карьерах. Одних вводили в цепи, других – без. Кто-то из рабов гневно закричал. Нико встал на цыпочки, чтобы разглядеть, что будет дальше. С ошеломляющей скоростью надсмотрщик выхватил огромный ятаган и снес кричавшему голову с плеч. Обезглавленное тело рухнуло на песок, содрогнулось в последних конвульсиях и затихло. Надсмотрщик тщательно вытер клинок и убрал ятаган в ножны. Али-ага отмахнулся от назойливой мухи и продолжил делать свое дело, словно ничего не произошло. Рабы проходили перед ним по очереди. Нико думал, что же делать с дукатами, которые он вынул из карманов, прежде чем раздеться. Он видел, как остальные тайком глотали монеты. У одного нашли деньги и сразу отобрали, и тогда Нико принял решение. Делая вид, что просто зевает, он прикрыл рукой рот, незаметно положил монету на язык и попытался проглотить, но монета оказалась слишком большой и застряла в горле. Он закашлялся, и монета вылетела у него изо рта. Горло саднило, глаза слезились. Худощавый мужчина в следующей шеренге злобно покосился на него, алчно глядя на монеты.

Нико крепко сжал монеты, полученные от кузнеца, и подарок Марии, и попытался прикрыть наготу кулаками.

Уже почти подошла его очередь, и тут он увидел Баба́. Тот стоял с важного вида торговцем, который разглядывал проходивших мимо рабов и после каждого что-то говорил капитану. Увидев Нико, Баба́ тут же подбежал к нему и прошептал:

– Видишь того человека? Он очень могущественный! Торговец-иудей, посредник. Он решает, куда отправить раба – на галеры или в пальмовые сады. Воистину Аллах благосклонен к тебе, друг мой Нико! Иудей согласился помочь тебе, но только если ты заплатишь еще денег!

– Согласился?! Правда?!

– Да заберет меня дьявол, если я лгу! Но поспеши, а то будет слишком поздно!

Нико вложил последние дукаты в руку Баба́ и ощутил облегчение, что наконец избавился от них.

– Ты так добр ко мне, Баба́, – прошептал он, благодарно улыбаясь. – Я этого не забуду!

Наконец Нико оказался впереди. Он сгорал от стыда, поскольку впервые в жизни разделся на глазах других людей. Теперь на него смотрела тысяча глаз, и он покраснел как рак.

– Вот о нем я говорил вам, хозяин, – сказал Баба́ торговцу. – Он из бедной семьи. Выкупа не будет. Он ничего не умеет, денег у него нет. Он слишком хилый, чтобы стать воином, слишком мал для галер. А вот внешность говорит сама за себя.

– Да, парень довольно хорош собой, – кивнул торговец, схватил его за подбородок и проверил, крепкие ли у него зубы.

Нико ощутил вкус соли и лука. Потом торговец перевернул ладони мальчика, проверяя, нет ли на них мозолей, и увидел монету Марии.

– А это еще что?

– Просто камешек, – прошептал Нико.

Отшвырнув монету в сторону, торговец взял мальчика за гениталии, тот отшатнулся, но торговец сжал пальцы сильнее и остановил его. Нико ахнул и застыл как вкопанный, пока мужчина грубо оценивал его мужское достоинство.

– Мошонка не сморщена. Волос нет. Еще ребенок. – Потом он покрутил лицо Нико туда-сюда, проверил, нет ли вшей, заглянул в уши и удовлетворенно хмыкнул. – Если отмыть мальчишку, то судьба его решена. Из него выйдет отличный гарсон. Частные торги, завтра, – бросил он и пошел дальше.

Нико умоляюще посмотрел на Баба́, который говорил что-то не то, ведь торговец даже не упомянул пальмовые сады, но Баба́ не смотрел в его сторону. Понимая, что шанс ускользает, Нико закричал вслед торговцу:

– Господин! Я могу работать в садах! Я умею собирать финики!

– Старый добрый фокус, Баба́! – рассмеялся торговец; Баба́ бросил ему монету и ухмыльнулся Нико.

– Баба́! – завопил Нико, только сейчас поняв, что его обманули. – Прошу тебя! Скажи ему!

Но Баба́ лишь рассмеялся.

Нико едва успел схватить с земли монету Марии, и его тут же увели.

Утром следующего дня Нико и еще двоих мальчиков отвели в Бедестен, в отдельный угол, отгороженный от остального рынка рабов занавесями из пышных шелков. Трое покупателей возлежали на бархатных подушках под фиолетовым балдахином, вокруг них бегал торговец, подливал кофе и щелкал пальцами, подзывая рабов с серебряными блюдами, уставленными яствами. За спинами покупателей стояли их слуги и челядь, а также прислуга торговца. С одной стороны стоял обнаженный по пояс стражник в белых штанах и с красным поясом на талии, за которым красовался тяжелый ятаган.

И снова трое мальчишкам приказали раздеться догола, а потом ходить туда-сюда перед балдахином. Им велели подпрыгнуть повыше, а потом повернуться спиной, наклониться и коснуться пальцев ног. Нико повернулся, сделал, как ему сказали, слушая смех и шутки возлежавших на подушках мужчин. Ему хотелось защищаться, отказываться подчиняться приказам, но тут взгляд остановился на ятагане стражника. У Нико волосы на загривке стали дыбом, и он тут же передумал сопротивляться.

Сначала продали других двух мальчишек. Они по очереди подходили к диванам, а потом начинались оживленные торги. Наконец торговец подозвал Нико и покрутил пальцем, приказывая ему повернуться. Он подчинился, все еще пытаясь прикрыть наготу. Торговец ударил стеклом по пальцам, и Нико убрал руки.

Торги за Нико заняли больше времени, и цена взлетела выше. В конце концов работоторговцу удалось выручить за него значительную сумму в сто сорок алжирских *добла* – всего на десять меньше, чем стоил здоровый верблюд.

– Подойди к своему господину! – крикнул торговец. – Его имя – Эль-Хаджи Фарук, король купцов, судостроитель и торговец! Он дважды совершал паломничество в Мекку, а среди его друзей – сам султан, да будет благословенно его имя! Его кораблям нет равных в морях! Он торгует шелками и коврами в портах от Марселя до Стамбула. Служи ему усердно, мальчик, иначе он вернет тебя мне, и тогда я сыграю в шашки твоими яйцами!

Оробев, Нико стоял перед Фаруком, пытаясь исподтишка рассмотреть его. Фарук показался ему старым, сморщенным и немного толстым. Одет он был роскошно: феска из красного бархата, одежды из тончайшего шелка, туфли расшиты драгоценными камнями. Ногти на пальцах были покрыты лаком, от него исходил легкий аромат духов.

Посасывая финик, Фарук пристально разглядывал свое новое приобретение, а потом приказал ему встать на колени. Он взял Нико за подбородок, повертел его голову из стороны в сторону, пытаясь получше рассмотреть мальчика под слоем грязи и синяками. Нико осмелился взглянуть в глаза новому хозяину, надеясь, что в них хотя бы не будет злобы. Но в глазах Фарука Нико не разглядел ничего.

– Как твое имя, дитя? – спросил у него Фарук по-итальянски.

– Николо Борг. Все называют меня Нико.

– Если хочешь сохранить свой язык, Ни-и-ко-о-о, то будешь называть меня «хозяин», – отозвался Фарук, улыбаясь одними уголками рта.

– Да, хозяин.

– Ты образован, дитя?

– Сестра научила меня цифрам, хозяин.

– Сестра?! Девчонка знает цифры! Она здесь?

– Она... она дома, хозяин. На Мальте.

– Жаль. Писать умеешь?

– Нет, хозяин. Зачем мне писать, я и так все сразу запоминаю.

– А что ты можешь запомнить? – заинтересовался Эль-Хаджи Фарук.

– Все, что угодно, хозяин.

– Это правда? Цифры? Имена?

– Да, хозяин.

– Ленивый хвостун может быть очень опасен, – произнес Эль-Хаджи Фарук, но в его глазах мелькнул интерес.

Он повернулся к торговцу и стал оживленно о чем-то с ним шептаться, тот хихикнул, потом обернулся и стал шептать что-то на ухо писцу Фарука, сидевшему позади.

– Скажи мне, Николо Борг, – продолжил Фарук, – ты боишься своего Бога?

– Да, хозяин.

– А меня ты боишься?

Нико сделал глубокий вдох, думая, как лучше ответить, а потом медленно произнес:

– Нет, хозяин.

– Тогда ты, должно быть, не так умен, как мне показалось, – наклонился к нему Фарук. –

Что ты умеешь запоминать так хорошо, что не надо записывать? – спросил он снова.

– Все, хозяин, – повторил Нико.

– Ты говоришь на итальянском. А еще?

– Только на мальтийском, хозяин, и еще немного на испанском.

– На арабском?

– Нет, хозяин.

– Тогда тебе лучше слушать очень внимательно, – улыбнулся Фарук и стал вразнобой называть арабские числа. – *Ашара, талехта, сифр, хамса, ситтаашар, ишрин, талатин, итнаашар...*

Всего он перечислил более двадцати чисел, произнося их четко, но быстро. Писец записал их за Фаруком, и тот пристально посмотрел на Нико:

– Ты хорошо меня слышал?

– Да, хозяин.

– Сможешь повторить их?

– Да, хозяин.

– В том порядке, в каком я называл их?

– Да, хозяин.

Фарук и торговец снова начали шептаться. Послышались сдержанные смешки, и мужчины явно о чем-то договорились. Торговец щелкнул пальцами, подзывая стоявшего за дива-

нами стражника. Тот выхватил из ножен ятаган – лезвие засверкало на солнце – и встал на изготовку.

– А теперь, Нико, – снова заговорил Фарук, – я хочу, чтобы ты повторил эти числа в том же порядке, в котором я их произнес. Но прежде чем ты приступишь, позволь мне усилить твоё рвение и рассказать о небольшом пари, которое мы заключили с моим добрым другом, уважаемым вором, который является хозяином этих торгов. Если ты потерпишь неудачу, в чем лично он совершенно уверен, я заплачу за тебя двойную цену. Чтобы возместить мои расходы и вполне понятное разочарование, тебя четвертуют. Голову повесят вот здесь, чтобы вороны выклевали тебе глаза, – провозгласил Фарук и показал на каменную арку над воротами, где, отбрасывая длинную тень на стену, в кладку был вбит острый железный крюк, покрытый ржавчиной, цветом напоминавшей запекшуюся кровь.

Нико посмотрел на крюк, постепенно понимая, что ему сказали, и побледнел. Ему стало тяжело дышать, он с трудом справился с волной головокружения и тошноты. В висках застучало, сердце колотилось как бешеное. Он не мог вспомнить ни единого слова из произнесенного Эль-Хаджи Фаруком. Все слова сливались в неразборчивую мешанину, которая испарялась в обжигающе жаркой пустыне страха.

– Думаю, мы все согласны, что будет жаль, если такой милый мальчик покинет нас, – продолжил Фарук. – Но если тебе удастся сделать то, что я сказал, а мне кажется, что так оно и будет, тебя никто не тронет, а я ничего не заплачу. Хорошее развлечение, как думаешь, Нико? – сверкая глазами, спросил он.

По рынку пошли слухи о заключенном пари, торговцы и менялы оживленно перешептывались. Под ноги Нико кинули тряпку для сбора денег, и на ней быстро выросла куча монет – нашлись и другие желающие сделать ставку. На зрелище собрался поглазеть весь Бедестен. Какой-то старик громко порицал собравшихся за тягу к азартным играм, напоминая им, что Святая книга строго запрещает такие развлечения. Эль-Хаджи Фарук мрачно размышлял над его словами, а остальные ждали вердикта торговца, поскольку он единственный из них совершил паломничество в Мекку. Наконец Фарук предложил, чтобы десятую долю всех ставок отдали в мечеть в качестве *закята*, духовной десятины, которая очистит души участников пари. Гениальное решение вызвало в толпе довольный шепот, и ставки продолжили расти.

Раздетый догола предмет пари стоял на коленях, объятый ужасом и паникой от собственной хвастливости. Нико попытался успокоиться и стал глубоко дышать, чтобы взять себя в руки. Сердцебиение немного замедлилось, в голове прояснилось.

Эль-Хаджи Фарук восседал на подушках и потягивал свой напиток. Когда последняя ставка была принята, он кивком приказал Нико начинать.

Нико закрыл глаза, сосредоточился и, слегка запинаясь, начал выговаривать незнакомые слова:

– *Ашара, талехта, сифр...*

Писец быстро записывал, отмечая его ответы. Внезапно Нико замолчал, и на рынке воцарилась мертвая тишина. Торговец довольно улыбнулся, готовясь забрать свою скромную награду. Стражник схватился обеими руками за эфес ятагана в ожидании приказа.

– *Талатин, итнаашар хамсин, эль фейн...* – Последние слова Нико произнес медленно, словно боялся запнуться. Закончив, он задержал дыхание и открыл глаза.

Фарук обернулся к писцу, у которого лицо вытянулось от удивления. Торговец помрачнел. Фарук просиял. Нико чуть не упал от испытанного облегчения. Из толпы донеслись крики и смех, люди поверить не могли в увиденное чудо. Ставки перешли в руки выигравших, люди поражено качали головой.

– Скажи-ка, Нико... – насмешливо заговорил с мальчиком Фарук, и толпа тут же притихла.

– Да, хозяин? – посмотрел на него Нико, в ужасе оттого, что его ждет дальше.

– А в обратном порядке сможешь?

Кровь прилила к вискам, Нико растерялся и не знал, что сказать.

– Я жду, – спокойно добавил Фарук.

– Думаю, смогу, хозяин, – помолчав, ответил Нико. – Но я бы не хотел, чтобы вы тратили свои деньги, ставя на меня.

– Хорошо сказано! – расхохотался Фарук. – Ладно, ставок не будет. Но попробуй.

Нико прикрыл глаза, представляя себе незнакомые слова, и стал произносить их в обратном порядке. Два слова он перепутал местами. Некоторые из зрителей начали улюлюкать, когда писец объявил его ошибку, и стали выкрикивать жуткие наказания, которым надо было подвергнуть мальчишку. Но Эль-Хаджи Фарук уже отвел душу, к тому же он был очень доволен новым приобретением. Он передал торговцу кошелек, потому что вне зависимости от выигранного пари Фарук должен был уплатить дань бею, который при желании мог бы перебить любую ставку и забрать мальчишку себе. Такого Фарук допустить не мог.

Довольный сделкой, он собрался уходить. Торговец поцеловал его руку и разразился потоком благословений ему самому и его дому. Фарук снова обратился к Нико:

– Это мой сын Юсуф, – и указал на сурового мужчину с испещренным оспинами лицом.

Нико никогда не видел такого огромного и волосатого человека. На нем была безрукавка, из-под которой торчали клочки темных волос, покрывавших его мощные руки, спину и грудь.

– В мое отсутствие он распоряжается моими верфями и следит за порядком в доме. Слушайся его во всем так, как слушался бы меня. Я уезжаю в Тунис на несколько месяцев. А ты пока учись всему, чему тебя будет учить Юсуф.

– Да, хозяин, – тихо ответил Нико, не зная, надо ли ему поклониться, но Фарук уже отвернулся и тихо заговорил о чем-то с сыном.

Нико чувствовал, что они говорят о нем, и видел, как Юсуф несколько раз кивнул, выслушивая наказ отца. Фарук ушел, и Юсуф грубо приказал Нико одеваться.

Они быстро шли по улицам города. Юсуф шагал уверенно и размашисто, Нико почти бежал, чтобы поспеть за ним. Нико видел, что на других рабов надели цепи, но Эль-Хаджи Фарук явно уготовил ему другую судьбу, а потому чувствовал себя почти свободным и вприпрыжку бежал за человеком, который не обращал на него ровным счетом никакого внимания. У Нико даже мелькнула мысль сбежать, но Юсуфа такая возможность явно не беспокоила, и тут Нико заметил человека – то ли стражника, то ли солдата. Он стоял неподалеку от базара, величественный и гордый, в белом фетровом берете и с длинным мечом на поясе. Стражник взглянул на Нико с таким холодным безразличием, с каким мог бы разглядывать пыль на своих сапогах из красной кожи. Нико подумал о головах, насаженных на пики над городскими воротами, о том, каким чудом ему удалось избежать такой судьбы, и решил, что сбежит потом, когда будет лучше понимать, как здесь все устроено. Сделав выбор, Нико догнал нового хозяина.

– Что я буду делать, господин? – спросил он у Юсуфа.

– Подчиняться, – бросил через плечо Юсуф.

– Да, а что еще? Какие у меня обязанности?

– Отец пожелал, чтобы тебя обучили умению вести домашнее хозяйство и работе на верфях. Если ты окажешься достаточно хорош, то он будет брать тебя с собой в путешествия в качестве гарсона.

– А что такое гарсон?

– Будешь наливать ему кофе и заботиться о нем. Согревать ему постель и не давать остыть его крови. Делай это хорошо, и будешь служить ему много лет. Может быть, он даже освободит тебя. А если не будешь... Достаточно вопросов! Мы на месте. Те, от кого воняет, как от тебя, не смеют переступить порог дома Фарука, – презрительно сказал Юсуф, и они вошли в здание с куполом.

Юсуф отдал нужные распоряжения служителю, который повел Нико по коридору мимо помещений, из которых шел пар. Мальчик слышал плеск воды и звуки голосов. Он понятия не имел, где оказался и что тут делают, но, когда ему велели раздеться и бросили в горячий бассейн, решил, что Юсуф приказал сварить его заживо. Вода обжигала нежное детское тело, да еще и служитель принялся тереть его грубой мочалкой, словно собираясь содрать с него кожу, а потом окатил ледяной водой. Когда все эти процедуры закончились, Нико вздохнул с облегчением. Он много раз слышал, как вредно мыться, поскольку от этого можно заболеть, а уж после такого тщательного мытья и от оспы умереть недолго.

Рядом со своими лохмотьями Нико нашел стопку чистой одежды. Сначала он в панике залез в карман старых штанов и с радостью обнаружил, что монета Марии не потерялась. В следующий раз не забудет спрятать ее во рту, пообещал себе он. Нико натянул мешковатые белые штаны и голубую рубашку без ворота, которые обозначали его статус раба-христианина из хорошего дома. Такой красивой одежды у него не было никогда в жизни. Служитель, поморщившись от отвращения, забрал лохмотья Нико и бросил их в какой-то ящик.

Дом Эль-Хаджи Фарука поражал своим великолепием. Он был куда больше и роскошнее суровых каменных особняков мальтийских аристократов в Мдине, а располагался близко к гавани, на вершине холма – прямо над принадлежавшими Фаруку верфями. Юсуф с Нико прошли через кованые железные ворота, которые охранял высокий мускулистый арап; на его мощных плечах лежал огромный меч.

– Его зовут Аббас, – сообщил Юсуф. – Он немой. Осмелишься послушаться, и его меч снесет тебе голову с плеч.

Нико заискивающе улыбнулся Аббасу, но лицо арапа осталось холодным, будто высеченным из камня.

Они вошли в первый просторный зал, и Нико с трудом сдержал свое восхищение. На побеленных стенах висели разноцветные турецкие ковры, на полах из холодного мрамора раскиданы пышные подушки. Повсюду стояли небольшие жаровни с углями. В доме был большой внутренний двор, в центре которого журчал фонтан, почти скрытый от посторонних глаз буйной ароматной растительностью. Между высокими пальмами порхали птицы с ярким оперением. Все покои располагались по одну сторону от колоннады, шедшей по периметру двора. В дальней части находилась кухня, по обе стороны от двери висели латунные и медные сосуды, оттуда доносился густой аромат жареной баранины.

Нико едва сдерживал улыбку. Может, Баба и обманул его, но хорошо смеется тот, кто смеется последним. Он попал в самое роскошное место, какое себе только можно было представить.

Хозяйство было большое: дюжина слуг сновала туда-сюда, почтительно здороваясь с Юсуфом и поглядывая на Нико с дружелюбным интересом. Из кухни вышел красивый молодой человек лет шестнадцати-семнадцати, на целую голову выше Нико. Стройный, мускулистый, с темной кожей, он лицом скорее напоминал римлянина. Юсуф шепотом стал передавать ему указания хозяина, и юноша помрачнел, поглядывая на Нико с неприкрытой враждебностью.

– Это Мехмед, – обратился к Нико Юсуф. – В этом доме его слово – мое слово. Подчиняйся ему, как мне самому.

За последний час Нико уже во второй раз слышал такие слова. Учтывая, как тут много людей, скоро ему скажут подчиняться собаке повара, подумал он. Нико еще предстояло узнать, что прислуживать собаке повара было бы куда лучше, чем быть в услужении у Мехмеда.

– Пойдем со мной, – холодно произнес Мехмед. – Есть работа.

– А ты тоже раб? – спросил у него Нико.

– Для тебя я – хозяин, – отозвался Мехмед, – а больше тебе знать не положено!

Остаток дня Нико чистил коридоры, опустошал отхожие места и доской выбивал пыль из тяжелых ковров. Мехмед ругал Нико за каждое движение, называя его слишком медлительным, слишком слабым и слишком глупым, чтобы хорошо выполнять свою работу. Уже стемнело, когда Нико закончил выбивать последний ковер. Руки болели, и он едва держался на ногах от голода.

– Пора мыть тарелки после ужина, – заявил Мехмед. – Хозяйка закончила трапезу!

Он повел Нико через двор в хозяйские покои. Из комнаты, вход в которую закрывал персидский ковер, доносились тихие звуки музыки. Мехмед отодвинул ковер в сторону и тихо что-то сказал, чтобы предупредить о своем появлении, а потом вошел внутрь, сделав Нико знак следовать за ним. Они оказались в столовой, освещенной светильниками-плошками с жиром, которые висели на стенах. Пол был застелен толстыми коврами. Пахло миррой – пирамидки благовоний тлели в углах комнаты – и роскошной едой, лежавшей в мисках на подносах.

Амира, первая жена Эль-Хаджи Фарука, восседала на подушках, а служанка услаждала ее слух игрой на лютне. На Амуре был расшитый драгоценными камнями платок и белая шелковая чадра, но сейчас чадра лежала на плече, открывая лицо. Три младшие жены Фарука сидели рядом с Амирой по возрасту. Чадры не было ни на одной из них. Они быстро взглянули на Нико, тут же опустили глаза, захихикали и зашептались. Младшей из них было тринадцать.

– Да благословит вас Аллах, моя госпожа! – склонился в поклоне Мехмед.

– А это еще кто с тобой, Мехмед? – спросила Амира, с интересом глядя на Нико.

– Мальтиец, госпожа. Зовут Нико. Хозяин купил его сегодня на рынке.

– А-а-а, мальчишка, который запоминает все! Слух разнесся по всему городу, уже четверо очевидцев сообщили мне о нем. Ох уж эти сплетники, Нико! В начале дня рассказывали, что тебе велели запомнить двадцать чисел. К концу дня ходили слухи, что ты запомнил сто чисел и три суры Корана! Подойди сюда, дитя! – сказала Амира на смешанном языке, который Нико уже слышал раньше и с легкостью понимал.

Он робко подошел к ней, краснея и отчаянно надеясь, что она не станет просить его раздеться, как, видимо, рассудил Нико, принято в Алжире. Она не поднялась с подушек, а просто дотронулась до его штанины и велела преклонить колени, затем принялась рассматривать его лицо и трогать волосы. Он старался не смотреть на нее, но она повернула его голову так, что глаза было не спрятать. Она оказалась не красавицей, но сразу очаровала его. Пухленькая, очень ласковая на вид. Казалось, что по возрасту она годится ему в матери, но смотрела она на него явно не по-матерински. Амира обращалась с Нико ласково, но в ней было что-то еще, чего Нико никак не мог понять. Веки были подведены сурьмой, волосы выкрашены хной и переплетены алыми лентами, в ушах сверкали рубины, а одеяния, как и у ее супруга, были роскошными.

– Какой красавчик! – вздохнула Амира. – Теперь я вижу, что он купил тебя не из-за умения запоминать цифры, а для услады своих чресел. Ах, если бы мой супруг проявлял ко мне хотя бы каплю той страсти, которую проявляет к священным книгам и своим мальчикам! – добродушно пожаловалась она, и остальные жены дружно засмеялись. – Возможно, вскоре ты покажешь нам свои умения, Нико! – улыбнулась она.

– Да, хозяин, – ответил он по-испански, и жены снова захихикали.

– Может, кто-то и считает меня хозяином этого дома, но ты можешь называть меня госпожой.

– Да, госпожа.

Мехмед толкнул Нико в спину, тот встал и начал убирать со стола подносы. На блюдах и тарелках осталось огромное количество еды: кускус и баранина, хлеб, лук и фрукты. У Нико отчаянно урчало в желудке, когда он пожирал глазами остатки пиршества. Пить ему сегодня давали много, даже не только воду, но и какой-то травяной настой, но за весь день он ничего не ел. А о человеческой еде он уже и думать забыл. Он поднял первый поднос, выпря-

мился, тут же зацепился за ногу Мехмеда и упал, выронив поднос. Нико покраснел от стыда. Он не сомневался, что Мехмед специально сделал ему подножку, но не решился сказать об этом и поспешил быстро убрать все с пола.

– Прошу прощения, госпожа, – поклонился Мехмед. – Он, может, и силен в цифрах, но ужасно неуклюж. Не годится ни на что, кроме как выбивать пыль из ковров. Думаю, дольше пары недель он здесь не пробудет. Я переведу его в конюшни, где ему самое место.

– Ты этого не сделаешь. Завтра пусть мальчик принесет мне лепешки на завтрак. Не сомневаюсь, он справится.

– Конечно, госпожа, – склонился в поклоне Мехмед, но в его глазах сверкнула злоба.

Они отнесли подносы на задний двор, но Нико был в опасной близости к остаткам еды. Он думал, что они пойдут на кухню, но Мехмед вывел его в переулок за домом и, к ужасу Нико, начал выкидывать еду прямо на дорогу, один поднос за другим. Там уже ждали козы и попрошайки, привычные к ежевечернему ритуалу, и от объедков быстро ничего не осталось.

– Я очень голоден, – сказал Нико, с тоской глядя на исчезающие сокровища. – Могу ли я что-нибудь съесть?

– Ты раб в доме Эль-Хаджи Фарука! – отрезал Мехмед. – Через два года, если не умрешь от какой-нибудь болезни или тебя не казнят, потому что ты не угодишь хозяину, тебя начнут кормить, а пока ты себе на еду еще не заработал. Работы сегодня больше не будет. Можешь пойти в город и поискать себе еды.

– Но как?

– Разберешься. Мальчишка, который так хорошо запоминает числа, придумает, как раздобыть еды. Вот, спать будешь здесь. Будь готов приступить к работе с первыми петухами, – закончил Мехмед и ушел.

Комната разрушила все иллюзии Нико о новом роскошном доме. Жить ему предстояло на заднем дворе в сарае с плоской крышей и таким низким потолком, что он не смог бы даже разогнуться. В Биргу в таком вонючем стойле держали бы разве что осла. Кроме него, на грязной соломе оказалось еще восемь жильцов: семь кур и садовник, которого Нико уже видел сегодня. Он был родом из Судана, но, несмотря на смуглую кожу и идеальные зубы, страшнее человека Нико не видел: одно ухо было совершенно лопухим, а второе, судя по всему, отрезали тупым ножом несколько лет назад. Взлохмаченные волосы росли клочками, как кусты ежевики. Глаза слишком велики, нос слишком мал.

– Добро пожаловать! – радостно поприветствовал он Нико, касаясь сначала лба, а потом сердца. – Можешь устраиваться на ночлег вон там! Кур выгони, а вот петуха не трогай. Он гоняет крыс. Можешь постелить себе свежей соломы, если хочешь, но для этого надо сходить на рынок Баб-эль-Уэд и купить за свои деньги. У тебя есть деньги?

– Нет.

– Жаль. Солому достать сложно.

– Не так сложно, как еду... Пожалуйста, господин, у вас нет чего-нибудь поесть?

– Зови меня просто Иби, – улыбнулся садовник. – Я тебе не господин. Но тебе повезло. Я господин вечерних трапез! Пойдем на рынок вместе.

– А тебя они тоже не кормят?

– Нет. Они держат меня, потому что, когда я касаюсь земли, там, где прежде росли лишь сорняки, расцветают розы, – сообщил садовник. – Уродство пробуждает красоту. Повезло, что остался в живых.

Нико обнаружил, что Иби просто кладезь полезной информации. У мальчика было множество вопросов, но больше всего его интересовал один:

– А Мехмед всех ненавидит?

– Практически, – отозвался Иби, – но тебе он особенно завидует. Молва о твоих фокусах с цифрами в Бедестене пришла сюда раньше, чем ты. Уже ходят слухи, что ты станешь его заменой.

– Заменой? Как это? Я не желаю ему зла.

– Он боится не твоих желаний, а твоей красоты. Он давно ходит у хозяина в гарсонах. Мехмед уже не мальчик и теряет свое очарование. Да и не умен, как ты. Поэтому с твоим появлением его позиции становятся крайне шаткими. Чего тут непонятного? Тебе надо быть очень осторожным. Надо быть очень умным, и тогда если тебе очень повезет, то станешь гарсоном.

– Я несколько раз слышал это слово, – озадаченно посмотрел на него Нико, – но никак не пойму, что оно значит.

Иби добродушно рассмеялся над его невинностью и постарался понятно и наглядно объяснить мальчику, в чем состоит главная обязанность гарсона.

У Нико расширились глаза, кровь застыла в жилах. Его опыт в подобных делах ограничивался наблюдением за бездомными собаками, когда те долго стояли в сцепке и им явно было неудобно.

– Это больно? – наконец спросил Нико шепотом.

– Если честно, не знаю, – склонив голову набок, печально отозвался Иби. – Мое лицо не услаждает взгляд, от меня отворачиваются и мужчины, и женщины. Но наверняка не больно, ведь так много людей этим занимается.

– Ну, мне не придется, – уверенно сказал Нико. – Не успеет хозяин вернуться, как за мной придут рыцари ордена Святого Иоанна и заберут меня домой! Моя сестра уговорит их!

– Уверен, что так оно и будет, – ласково улыбнулся Иби, – но до тех пор с твоей стороны будет мудро делать все, чтобы угодить хозяину. Это большая удача, что тебя купил такой могущественный человек, и в то же время проклятие, так как тебя купил очень жестокий человек. Если ты угодишь ему в постели, он будет охранять тебя ревностнее, чем своих жен. В праздничные дни будет гулять с тобой по городу, разоденет тебя в одежды, достойные бея, чтобы другие мужчины видели, как ему повезло, и завидовали. А если тебе удастся еще и научиться разбираться в судостроении, ты займешь важное положение в его доме. Будешь путешествовать вместе с ним, есть вместе с ним. Ни один раб не может пожелать себе лучшей жизни. А потом, если твоим рыцарям вдруг не удастся освободить тебя, сможешь сам добратся домой из Марселя или Венеции.

– А если я не справлюсь? – спросил Нико.

– У хозяина бывает разное настроение. Он может приказать содрать кожу с передней части раба, а задней – даровать свободу. Ты красив, поэтому, возможно, закончишь лучше, чем другие. Но конец рано или поздно настанет. Если он разгневается, то может привязать тебя к ослу и протащить по улицам просто ради веселья, и тогда от твоих останков будут воротить нос даже собаки. Он без усталости придумывает все новые и новые варианты наказаний. Когда я попал к нему в дом и начал ухаживать за садами, один каменщик-грек строил садовую ограду и имел несчастье навлечь на себя гнев хозяина. Его похоронили заживо лицом вверх, и из-под земли торчал только нос. Так он прожил шесть дней. Хозяин приказал мне посадить в его ноздри оливковое дерево, прежде чем закопать его окончательно, чтобы в один прекрасный день насладиться вкусом греческих оливок. Целую неделю он радовался своей изобретательности, а мы смеялись вместе с ним, чтобы и нас не постигла такая участь. Ты должен быть очень осторожен, Нико. Этот дом полон зависти и интриг. Хозяин спит со всем, что движется, – говорят, даже с овцой, – а госпожа наставляет ему рога прямо у него под носом. Она имеет тут куда больше власти, чем пристало женщине. Ходят слухи, что она страстная, как кролик, и хитрая, как кобра. Все боятся ее гнева, потому что она не менее опасна, чем ее супруг. По ее прихоти раба могут продать или предать смерти. Я часто благодарю судьбу за свое чудовищное лицо и дар обращаться с растениями, так как до меня никому нет дела. Я не завидую твоей

внешности. Думаю, она станет тебе скорее бременем, чем благословением. Мехмед постарается предать тебя, а хозяйка попытается соблазнить. Если Мехмед добьется своего, ты пропал. Если своего добьется хозяйка и об этом станет известно, то ты лишишься головы.

– Чего добьется? И что такое «соблазнить»? – перебил его Нико, но Иби лишь рассмеялся, качая головой.

– Для ребенка твоего ума, если, конечно, верить слухам, ты невежествен, словно земля, из которой растут мои розы, – ответил он.

На ужин они раздобыли два блюда. Первое им принес исхудалый попрошайка. Он стоял у одного из домов, прислонившись к двери и держа в костлявой руке чашу для подающих. Глаза были закрыты и воспалены, вокруг них роились мухи.

– Да благословит Аллах, – негромко и протяжно повторял он, – тех, кто помнит о милосердии!

Его чаша была пустой, но кто-то оставил ему половину лепешки. Иби так искусно стащил ее, что нищий даже не заметил. На ходу садовник разломил лепешку пополам и половину протянул Нико.

– Но ведь он нищий, – сказал Нико, неохотно беря свою долю, несмотря на голод. – Да еще и слепой!

– Тем лучше, он не знает, чего лишился, – честно ответил Иби. – К тому же его хлеб на вкус не хуже, чем у богачей.

Это заявление показалось Нико некоторым преувеличением. Даже в сумерках было видно, что хлеб уже заплесневел и кишел личинками. Он выковырял нескольких червячков, но потом оставил эту безнадежную затею и съел все в один присест.

Было темно, но народа на улицах было не меньше, чем днем. Улицы освещали огни жаровен и полная луна, висевшая над городскими стенами, как огромный золотой медальон. Несмотря на бытовавший в исламе строгий запрет на употребление алкоголя, в тавернах не было отбоя от клиентов, как и в расположенных по соседству домах терпимости.

– В Алжире одинаково любят и боль, и удовольствия, – сказал ему Иби. – Ты раб и христианин, но если у тебя будут деньги, то тебя встретят с теми же почестями, как уважаемого и правоверного мусульманина.

Они остановились в переулке неподалеку от одной из таверн. Иби сделал Нико знак спрятаться в дверном проеме и ждать. Мимо, распевая песни и хохоча, прошли солдаты. Туда-сюда сновали рабы, выполняя поручения хозяев. Через некоторое время из таверны вышел старик. Он едва держался на ногах и прислонился к стене, чтобы не упасть, справил нужду прямо на улице и нетвердой походкой пошел прямо на них. Иби выпрыгнул из темноты, сбил его с ног и затащил в темный проулок. Когда неудачливый гуляка оказался на земле, Иби выхватил у него кошелек и пустился бежать по улице. Нико замешкался от внезапности всего произошедшего. Мужчина перевернулся на бок и схватил Нико за штанину, но мальчик вырвался, перепрыгнул через него и бросился за Иби. Старик грозил им вслед кулаком и призывал кару Божию на головы своих обидчиков. Рабы смешались с толпой, завернули за угол и остановились отдышаться. Иби смеялся, но у Нико от стыда заболел живот. С момента похищения он обокрал женщину в трюме, слепого попрошайку, а теперь еще и пьяного старика. Нико вспомнил о виселицах, на которых в Биргу вешали рабов, потом о головах, украшавших пики на городской стене Алжира. Какие преступления совершили эти люди, он даже представить себе не мог. А тут речь шла о бессмертии его души. У него в ушах раздался разгневанный голос отца Сальваго.

– Иби, воровство – это грех! – воскликнул Нико. – И преступление! Вдруг нас кто-нибудь видел?

– А ты что, не заметил желтой повязки у него на рукаве? – фыркнул Иби. – Он обычный иудей, так что это не преступление. Днем он крадет у тебя на рынке. Ночью ты крадешь у него на улице. Эту договоренность соблюдают все, его никто не защитит. К тому же ты не в том положении, чтобы думать о таких вещах. Иногда ужин тебе подарит зажиточный торговец, а иногда – ребенок. Иногда придется лечь спать голодным, а иногда – будешь пировать, как султан. На прошлой неделе я съел целого цыпленка. Украл его у шлюхи, которая украла его у матроса, который украл его на рынке. У тебя есть выбор, мой юный друг: либо быстро повзрослеть и узнать этот мир, либо вообще не успеть повзрослеть!

К этому моменту Нико уже слишком проголодался, чтобы спорить с новым другом, да и уверенность в собственной правоте его покинула. Может быть, Иби прав. Если он не намерен просто сдаться и умереть, то от выученных дома правил придется отказаться – тут они не работают. Его этому научила сначала жизнь на корабле, потом происшествие с Баба́, а теперь и улицы Алжира. У него не было ничего, кроме мозгов. Чтобы выжить, придется научиться ими пользоваться, а с муками ада придется разбираться позже.

В кошельке еврея было всего несколько асперов, но их хватило на два шашлычка из баранины и горсть оливок. Сочное мясо само скользнуло с кедровой палочки Нико прямо в рот, и он чуть не заплакал от удовольствия. Доев мясо, он облизывал палочку, а потом жевал и обсыывал ее, пока она не треснула. Оливки ему хотелось распробовать и растянуть удовольствие, но голод победил, и он проглотил свою долю в один присест.

Той ночью, устроившись на постели из соломы, Нико думал о том, как Иби описал ему, что должен делать гарсон. Засунув руки в штаны, он прикоснулся к себе, но касаться там было особо нечего, так, фасолина. Писать сгодится, но вряд ли на что-то другое. Он никак не мог понять, что же в этом интересного. Потом засунул руку в штаны с другой стороны и потрогал себя там. Даже запихнул палец.

Нико долго не мог уснуть.

Глава 6

Нико проснулся от ударов по пяткам и, вскрикнув от боли, вскочил на ноги. В темноте стоял Мехмед с дубинкой в руках.

– Петухи уже прокукарекали, Аллах уже принял утреннее поклонение, а ты все дрыхнешь как труп! – прикрикнул он. – Иди за лепешками для хозяйки, да поторопись! – приказал Мехмед, всучив Нико несколько монет, кусок ткани, чтобы завернуть в нее лепешки, и объяснил, как пройти к пекарю. – Возвращайся прежде, чем восходящее солнце осветит минарет, а то пожалеешь, что на свет родился! Госпожа не любит холодный хлеб!

Нико в точности выполнил все указания Мехмеда, но пекаря там и в помине не оказалось. Он понял, что Мехмед обманул его, только когда оказался у городской стены рядом с кварталом Баб-эль-Уэд. Нико робко спросил у лавочника, как пройти к пекарю, и тот махнул рукой на узкий переулок. Нико побежал туда, но пекарни не нашел. Тогда он спросил дорогу у разносчика воды, который послал его туда, откуда он пришел. Квартал представлял собой удивительный лабиринт, где все улицы были похожи одна на другую как две капли воды. Нико перестал понимать, где находится. Он увидел, как солнце восходит над зубчатыми стенами *касбы*, и понял, что оно вот-вот озарит мечеть рядом с домом Фарука своими лучами. Нико растерялся, засмотрелся на вершину холма и случайно врезался в торговца специями, разложившего свои товары аккуратными рядами на одеяле. Торговец вскочил и принялся колотить глупого мальчишку. Нико вырвался и бросился бежать, но тут же чуть не попал под копыта верблюдов, следовавших с поклажей на мясной рынок. В животе все сжалось, на глаза навернулись слезы, и Нико в ярости смахнул их со щек. *Я не ребенок!* Он спрашивал дорогу у каждого встречного, пока наконец какой-то раб не сказал ему, куда идти.

Нико пришел так поздно, что лепешки уже остыли, и с этим уже ничего нельзя было поделать. Он бежал вверх по склону холма, но никак не мог отогнать от себя аромат свежевыпеченного хлеба. Развернув салфетку, он перевернул лепешку, надеясь отщипнуть кусочек мякиша из-под корки, но понял, что это надо делать очень аккуратно, а времени у него нет, и побежал дальше. Это было единственное хорошее, что с ним случилось за тот день.

У ворот рядом с Аббасом его ждал Мехмед. Он оттащил Нико за уши, выговаривая за лень и тупость, потом внимательно осмотрел лепешки и разразился гневной тирадой из-за того, что они успели остыть.

– Госпожа уже спрашивала, куда ты пропал! Пять ударов кнутом за опоздание! – вынес он вердикт, делая знак Аббасу.

Не успел Нико и глазом моргнуть, как с него сорвали рубашку и прижали к стене. Арап сделал все стремительно: удары оказались быстрыми, на спине вздулись кровавые следы. Нико заплакал. Отец бил его ремнем, но так больно не было никогда.

– Это плата Аллаху за нерасторопность, – хмыкнул Мехмед. – И перестань хныкать, а то поплатишься снова. Оденься и отнеси лепешки хозяйке! По дороге захвати на кухне мед и молоко! Живо!

Если Амиру и беспокоило его опоздание, то она не подала виду. Хозяйка еще не выходила из спальни и возлежала на подушках. Улыбнувшись, она сделала ему знак войти. Ощущая некоторую скованность, он подошел к ней и поставил поднос рядом с подушками. Каждое движение причиняло боль – рубашка терлась о спину.

– Что с тобой? – спросила она. – Ты нездоров?

– Ничего страшного, госпожа, – испуганно заверил ее Нико, – просто ударился спиной.

– Повернись-ка! – приказала Амира, заметив пятна крови на рубашке. – Сними рубашку!

Дрожащими пальцами Нико принялся расстегивать пуговицы. Послышался тихий шелест одежды, и он почувствовал, что она подошла совсем близко. Амира прикоснулась к его спине, и он вздрогнул.

– Мехмед суров с тобой, так?

Нико не знал, что ответить. Ему казалось, что Мехмед может подслушивать под дверью, да и какого-то положения он в этом доме пока не заработал.

– Я сам виноват, госпожа, – с трудом нашелся он. – Он потерял терпение, потому что я глуп, неотесан и медленно учусь местным порядкам.

– Такой ответ лишь доказывает, что ты куда умнее, чем притворяешься, – ответила она. – И все же сегодня Мехмеда можешь не бояться. Я попросила его оставить нас наедине. Возможно, я смогу помочь тебе и научить тебя тому, что любит наш господин. Но сначала надо позаботиться о твоей спине.

Амира окунула платок из тончайшего шелка в таз с водой и промокнула алеющие рубцы. Нико поморщился, но ее прикосновение дарило облегчение.

– Повернись, – закончив, сказала она.

Женщина стояла довольно близко. Нико посмотрел ей в глаза.

– Вижу, ты плакал, – произнесла она, и снова ее заботливый голос напомнил ему мать, снова она обращалась с ним как-то по-особенному. – У тебя глаза трепетной лани, – продолжила она, вытирая следы слез с его лица. – Ресницы длинные, как у девочки, – добавила она и рассмеялась, заметив, как напрягся Нико. – Не обижайся на добрые слова! Эти глаза послужат тебе верой и правдой, если ты научишься ими пользоваться.

Она погладила его по щеке и приподняла подбородок, так что ее губы оказались совсем рядом с его. Он чувствовал ее запах, ее дыхание и гулкое биение собственного сердца. В ее присутствии он ощущал невероятную неловкость. Предупреждение Иби звучало у него в ушах: опасно оставаться наедине с женой Эль-Хаджи Фарука. Но сейчас у него не было другого выбора, кроме как повиноваться ей.

– Я голодна, – сказала Амира, и Нико с облегчением начал подавать ей еду.

По ее просьбе он отрезал толстый кусок лепешки и намазал на него мед с помощью деревянной лопатки. Когда он передавал госпоже лепешку, она испачкала пальцы медом, неторопливо слизала его, а потом взяла его за руку. Окунула его пальцы в мед, а потом, к его удивлению, облизала его пальцы один за другим, медленно и ласково прикасаясь языком к его коже и продолжая смотреть ему в глаза. Нико было щекотно, но что-то подсказывало ему, что смех – не та реакция, которую она пыталась у него вызвать своим странным поведением. Он не очень понимал, что сделать, чтобы угодить ей, но потом взял ее руку и засунул пальцы себе в рот. Похоже, именно этого она и добивалась. Она долго не открывала глаза, и ему показалось, что она застонала.

– Я причинил вам боль, госпожа? – быстро отодвинулся он.

– Разве что боль удовольствия, – поняв, что он испугался, улыбнулась она. – Господину это понравится, – добавила она и отпустила его руку, села на подушки и жестом приказала ему сесть рядом. – Покажи мне свой фокус с запоминанием, – попросила она и начала называть имена своих дядей, теток, кузенов и кузин.

Нико безупречно повторил все сказанное, и она от восторга захлопала в ладоши. Читать Амира не умела, но знала наизусть несколько сур из Корана целиком. Чтобы выучить их, ей потребовалось несколько лет, но когда она процитировала несколько стихов, Нико повторил их слово в слово.

– Если бы ты не был таким невинным мальчиком, а эти слова не были бы священными, я бы сказала, что ты колдун, и приказала бы вырвать тебе язык!

Нико не сразу понял, шутит она или нет, но потом решил, что все же она говорит серьезно.

Около часа они развлекались такими играми, пока она не сказала, что ему пора уходить. Амира заметила, как жадно он смотрит на остатки лепешки, и дала ему большой кусок, окунув его в мед.

Мехмед поджидал Нико за дверью и сразу же выхватил лепешку у него из рук.

– Ты же знаешь, что тебе запрещено есть эту еду!

– Но мне дала госпожа!

– А я забираю! За свое непослушание ты будешь наказан: вечером останешься здесь и не пойдешь добывать еду! Если пожалуешься кому-нибудь, тебя опять высекут!

Однажды утром Юсуф сказал Нико, что, согласно указаниям Эль-Хаджи Фарука, настало время познакомить его с искусством кораблестроения. Верфи Фарука, самые большие на Варварийском берегу, строили галеры для корсаров или торговцев, способных заплатить за них.

– Что я там должен делать, хозяин? – спросил Нико.

– Смотреть в оба, – коротко ответил Юсуф.

Нико сначала даже не поверил, что ему так повезло и сегодня его ждет такая легкая работа. Обрадовавшись возможности провести день вдаль от Мехмеда, он собирался узнать все, что можно узнать, а также поискать возможности побега.

Юсуф управлял верфями, сидя под навесом неподалеку от городских ворот, где большую часть времени он занимался бумагами и записями. Настоящим хозяином верфей оказался корабельных дел мастер Леонардус. Юсуф вызвал мастера к себе и объяснил на искаженном мавританском диалекте, что от него требуется.

– Мальчика надо научить строительству галер, – сообщил он. – Он не должен отходить от тебя ни на шаг!

Леонардус оказался коренастым, энергичным мужчиной с густой седой бородой и черными как смоль волосами. Глаза слегка покраснели от алкоголя, но во взгляде была жестокость. Он бодро улыбнулся, слегка поклонился Юсуфу, а потом заговорил с пораженным Нико на мальтийском, чтобы Юсуф его не понял:

– У меня похмелье, и мне срочно нужна шлюха, а ты, жирный червяк, ты, вор, свинья и казнокрад, приводишь мне дурачка, чтобы я научил его строить корабли? Лучше бы привел мне пса, чтобы я научил его ходить под парусом! Думаешь, построить корабль проще, чем оприходовать сзади кого-то из твоих дружков, а? – А потом, сохраняя приветливое и вежливое выражение лица, Леонардус запросто перешел на местное наречие. – Для меня это великая честь и удовольствие, эфенди! – слегка поклонился он.

Юсуф помрачнел, когда Леонардус заговорил на мальтийском. Он явно подозревал, что содержание речи было оскорбительным, но проглотил обиду, презрительно кивнул и взмахом руки отослал их прочь.

– Я не дурачок! – с негодованием произнес Нико по-мальтийски, когда они отошли подальше.

Леонардус посмотрел на него с удивлением.

– Но ты же ребенок, разве нет? – улыбнулся он. – Хоть в чем-то я не ошибся. Святые титьки Пресвятой Девы, ты что, с Мальты?

– Из Биргу, господин.

– О яйца Иисуса, теперь нас тут двое! Остальные свинтусы – испанцы и французы, – махнул он рукой на работников верфи. – Они тупее, чем доски, которые таскают. А этого, – он махнул рукой в сторону навеса, под которым сидел Юсуф, – мать родила не через ту дырку! Однажды я перережу ему горло!

– Прошу прощения, господин, но разве не опасно говорить ему в лицо то, что вы сказали? А вдруг бы он понял?

– Этот рябой ублюдок – настоящий садист, но вот вместо мозгов у него сточные воды! Однажды он причинил мне боль, это правда, но его проклятый Богом отец больше не позволит ему тронуть и волоска на моей голове. Я им слишком нужен. Они сами не умеют строить корабли так, как я. Моих секретов они не узнали и не узнают, Господом Богом клянусь! – провозгласил Леонардус, вытащил из-за пояса флягу и открыл ее. – В любом случае приятно встретить среди рабов соотечественника с нашего затерянного в море несчастного камешка, хотя у него еще борода и не выросла. – Он сделал большой глоток и передал флягу Нико.

Мальчик застыл в нерешительности, но ему очень хотелось доказать, что он чего-то стоит. Горло обожгло огнем. Он закашлялся и густо покраснел.

– Неплохо, парень! – рассмеялся Леонардус и хлопнул его по плечу. – Со мной не пропадешь! И глазом моргнуть не успеешь, как волосы на яйцах вырастут!

Весь день Нико хвостиком ходил за великаном-корабелом в восторге оттого, что с кем-то может поговорить на родном языке, к тому же Леонардуса не смущали его бесконечные вопросы. Леонардус тоже был рабом. Он служил матросом на мальтийском торговом судне, но, попав в Венецию, устроился там работать к Веттору Фаусто, известному корабельных дел мастеру, и трудился в гильдии плотников, а со временем и сам стал мастером. Казалось, ему обеспечено блестящее будущее. За неделю до свадьбы он вывел в пробное плавание первую галеру, построенную на собственной верфи, но у Сицилии судно захватил корсар Барбаросса.

– Я просчитался, – сказал он, – ошибся в расчетах. Неверно рассчитал ход. Салинги оказались на волосок ближе, чем надо, к бортам, а гнезда уключин – слишком близко к корме. Она не смогла развернуться с такой же скоростью, как этот рыжебородый сукин сын, и он захватил нас без единого выстрела. Урок пошел мне на пользу, я погорел на своей же ошибке. Теперь такого бы не произошло, вот что я тебе скажу. Мои корабли обгоняют всех.

Следующие два года Леонардус провел прикованным к веслу и чуть не сошел с ума. Однажды он попытался покончить с собой во время оживленного морского боя, когда его судно вступило в бой не на жизнь, а на смерть с испанской галерой. Он стоял у весла, какой-то испанец решил пристрелить их капитана из аркебузы, но Леонардус бросился прямо на пулю. Хотел таким образом покончить со своими страданиями. Корабельных дел мастер очень сожалел о том, что случайно спас капитану жизнь, а сам отделался ранением в плечо. В ту зиму, когда он восстанавливал здоровье в Алжире, у него был шанс сбежать с весел, продемонстрировав свои навыки кораблестроения. Османский султан Сулейман провозгласил Барбароссу *капу-дан-и-дерья*, то есть адмиралом морей, поскольку был намерен отобрать у христиан контроль над Средиземным морем. Новый адмирал с радостью отдал Леонардуса в услужение Фаруку, у которого и сам покупал корабли.

Вскоре Леонардус понял, что его умения идут ему и на пользу, и во вред. Мастера-корабелы ценились на вес золота, а их дело было столь же таинственным и сокрытым от посторонних, как у колдунов. Его наверняка не лишат жизни, но и не отдадут за выкуп и не отпустят на свободу. Ему было суждено умереть рабом, строя корабли для заклятых врагов братьев во Христе.

– Лучше бы я умер на галерах, – вздохнул Леонардус.

После множества попыток побега на ночь его приковывали цепями в его жилище на верфях. Ему всегда приносили алкоголь, а четыре-пять раз в месяц стражники приводили ему какую-нибудь шлюху из города в знак признания ценности корабельных дел мастера.

– Что ж, – перебил его Нико, – а вот я планирую сбежать! Если хочешь, давай со мной!

– Уж не сомневайтесь, капитан, – рассмеялся Леонардус. – Смотри не подведи меня. Вечером поймешь почему. А пока нас с тобой ждет работа.

Леонардус командовал целой армией рабочих и, несмотря на количество потребляемого алкоголя, очень быстро перемещался из одного конца верфи в другой, пристально контролируя все до малейших подробностей. Верфь была огромная и оживленная, бригады занимались

целым рядом разных задач. Сейчас на стропилах стояло пять галер разной степени готовности. Три галеры были совершенно новые: первая пока напоминала скелет огромной, выброшенной на берег рыбы. У второй был уже обшит корпус, вокруг нее суетились рабочие, сооружая судовые надстройки. Плотники забивали бронзовые гвозди и загоняли дюбели, а конопатчики затыкали стыки паклей – чесаной просмоленной пенькой. Другие рабочие покрывали корпус смесью смолы и нагретого воска, которая помогала судну скользить по воде, а также защищала от корабельного червя, который в противном случае мог превратить борта галеры в пчелиные соты.

– Когда под моим началом строились первые два корабля, я проследил, чтобы одно место на корпусе составом не покрыли, – обманул этих тупоголовых, и мы нанесли на доски цветной воск без добавления смолы. Черви сделали свое дело, и галеры пошли ко дну. Но потом Тургут-реис поймал меня на горячем. Только он достаточно умен, чтобы догадаться, что я сделал.

– А что они с тобой сделали? – спросил Нико.

Вместо ответа Леонардус снял ботинок: на ноге было только два пальца – большой и мизинец.

– На другой ноге так же, – сказал мастер. – Юсуф, этот волосатый засранец, который привел тебя ко мне, отрезал их, фаланга за фалангой. Резал тупым ножом, поэтому каждый палец у него занимал около двух дней. Потом сказал мне, что я смогу ходить, только если мои корабли будут плавать. Так что с тех пор я таких фокусов не вытворяю.

На верфи было еще два корабля – большие галеры, захваченные в бою у испанцев. Их не перевооружали и не ремонтировали, а полностью разбирали, а потом из этих же материалов строили новые корабли – меньше, легче и гораздо быстрееходнее, как и любили корсары.

– И в этом, да падет кара Божия на их головы, они правы! – воскликнул Леонардус. – Только испанцам приходит в голову делать корабли такими же тяжеловесными, как их женщины. Зад у них широковат, но вот эта просто не сможет порадовать супруга, а другая – приведет к неминуемой гибели.

Все элементы корабля тщательно маркировались и сортировались, а потом доводились до желаемой формы и размера. При должном усердии и наличии дополнительных бревен из двух кораблей можно было сделать три. К Леонардусу то и дело подходили бригадиры, задавали вопросы о веслах, мачтах, корпусе и такелаже. Казалось, корабельных дел мастер знает ответ на любой вопрос. Он обладал непререкаемым авторитетом и острым глазом, был своеволен, легко выходил из себя и ругал подчиненных на четырех языках. Что-то привлекло его внимание в пильной яме, над которой на поперечных балках лежало огромное бревно. На дне ямы человек держал пилу за один конец, а другой наверху – за второй. Они пилили бревно, стараясь не отклоняться от линии, помеченной мелом с обоих концов. Нико распил показался идеальным, острые зубцы тяжелой пилы вгрызались в бревно, в яме стоял сладковатый запах опилок. Но Леонардус каким-то чудом сразу понял, что что-то идет не так, спрыгнул в яму и оттолкнул с дороги пилильщика.

– *Niño de puta!*⁴ – взревел он. – Ты ослеп от оспы или просто тупой? Криво, не видишь, что ли?

При помощи стоявшего наверху пилильщика Леонардус вынул пилу из распила и поправил направление, немного сместив лезвие в сторону. Выбравшись из ямы, он приказал выпороть бригадира, который не заметил, что происходит.

– Но ты же и сам раб! – нахмурился Нико. – Как ты можешь наказывать такого же, как ты?

– Господи, да потому, что они строят мои корабли! Если ты плохо выполнишь свои обязанности, я прикажу и тебе нос отрезать!

– Но это же не твои корабли! Они принадлежат врагу!

⁴ Сукин сын! (исп.)

– Твоя правда, – согласно кивнул Леонардус, – но я их строю. Тебе пока не понять, парень. В жизни каждого человека наступает момент, когда ему приходится выбирать между тем, что правильно, и тем, что помогает ему остаться в живых. К сожалению, первое и второе не всегда совпадают. Скажу тебе честно: я трус. С жизнью я готов расстаться в любой момент, но мне не нравится терять маленькие части себя. Поэтому я сделал выбор: строить прекрасные корабли, не терять больше пальцев на ногах и развлекаться со шлюхами, – заключил Леонардус и снова приложился к фляге.

Тем вечером Нико узнал, что имел в виду Леонардус, когда говорил, что ему не удастся сбежать. Всех рабочих заставили собраться в одном конце верфи у самого подножия холма. Леонардус стоял в первом ряду, Нико – рядом с ним. На холме возвышался одинокий кипарис, к которому крест-накрест приколотили две доски. Вскоре появился Юсуф в сопровождении троих стражников. Они вели закованного в цепи пленника. Цепи были такие короткие, что ему приходилось прыгать, чтобы не упасть. Около кипариса пленника заставили встать на колени.

– Что они будут делать? – прошептал Нико.

– Не они, – тихо отозвался Леонардус, – а Юсуф. Он слишком любит свое дело, чтобы позволить кому-нибудь другому сделать то, что собирается.

На верфи воцарилась зловещая тишина, и Юсуф принялся спокойно и методично избивать пленника. Не было слышно ничего, кроме хлестких ударов кожаной плетки о плоть и кости и душераздирающих воплей пленника. Юсуф работал тщательно, точно рассчитывая силу ударов, чтобы не убить пленника раньше времени и не дать ему потерять сознание. Когда он понял, что довел того до предела, стражники потащили пленника к кресту, подняли его за ноги и распяли вверх ногами. Нико смотрел на лицо мужчины, почти потерявшего человеческий облик. Его губы беззвучно шевелились в последней молитве.

– Вчера ночью он попытался сбежать, – объяснил Леонардус. – Но он француз, и, как всем его соотечественникам, Господь дал ему яйца, но забыл дать мозги. Он привязал себя к плоту и попытался выплыть из гавани, вот ведь прелесть какая! Только плот оказался маловат. Его просто носило туда-сюда, и стражники заметили его. Не повезло ему, лучше бы утонул. Они его выловили, и вот теперь он будет висеть здесь в назидание остальным. Если проживет достаточно долго, то действительно сбежит отсюда, когда я спущу на воду следующую галеру. Его привяжут к килю, прямо под бортом, и он будет висеть там, как носовое украшение, пока его кости не упадут в море. Юсуф заставит меня привязать его к носу галеры на глазах у всех остальных, – объяснил Леонардус, глотнул из своей фляги и посмотрел на Нико. – Я делал это уже тридцать один раз за свою бытность здесь. Будь осторожен, парень. Мне бы не хотелось поступить так и с тобой.

ИЗ «ИСТОРИЙ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ»,

записанных Дарием по прозвищу Хранитель, придворным историком Владыки Обители Счастья, султана Ахмеда

Невозможно понять историю Средиземного моря, не понимая религиозных течений, бушевавших в этом море, – течений, которые начались с легкой ряби на берегах Леванта и время от времени превращались в волны, угрожавшие захлестнуть целые цивилизации и заставлявшие людей убивать друг друга во имя Бога.

Так было не всегда. В Дамаске на руинах римского храма построили храм Святого Иоанна Крестителя. В храме находился реликварий с головой Крестителя, которой поклонялись и хри-

стиане, и мусульмане. На заре исламского правления христиане молились в этом храме по воскресеньям, а мусульмане – по пятницам. Потомки Авраама доказали, что могут мирно жить бок о бок.

Однако не Дамаск, а Иерусалим указал путь, которым пойдет человечество, – путь, освещенный тьмой. Где еще нити, связывавшие мусульман и евреев, евреев и христиан, переплетались столь же удивительно, как в Иерусалиме, граде Божьем? И где эти нити было так же легко порвать?

Для мусульман Иерусалим был третьим священным местом после Мекки и Медины. Паломничество в Купол Скалы и мечеть Аль-Акса составляет пятый столп ислама, *хадж*. Для евреев город являлся древней столицей Израиля, в которой был возведен священный храм Соломона. Для христиан город был местом распятия их пророка Иисуса, да будет благословенно Его имя. В последние дни своей жизни Он вошел в город со стороны Елеонской горы, изрек пророчество о падении Иерусалима и провел последнюю ночь своей жизни в молитве в саду, называвшемся Гефсиманским. Рядом с этим местом был построен Купол Скалы, на скале, где стоял храм Соломона, на скале, где Мухаммед, да будет благословенно Его имя, вознесся на небеса, на скале, где Авраам, патриарх иудеев, которому поклонялись и христиане, и мусульмане, и евреи, хотел принести в жертву своего сына Исаака.

Давид, великий царь колен Израилевых, основал в этом святом месте столицу, принеся с собой Ковчег Завета – ларец, в котором хранились скрижали с Божьими заповедями, дарованными Моисею на горе Синай. Именно для этого ковчега сын Давида Соломон и построил свой храм, впоследствии разрушенный вавилонянами, отстроенный заново и снова разрушенный римлянами, оставившими от него всего одну стену. И не просто стену, как утверждают раввины, а священную стену, которую никогда не покидает *шехина* – Божественное присутствие. Разрушение храма омрачило отношения между евреями и христианами, а священники последних провозгласили, что Иисуса убили не римляне, а это змеиное отродье, евреи, и теперь за это преступление они будут навечно обречены не иметь дома и скитаться по земле.

В 336 году император Константин построил храм Гроба Господня на месте распятия и погребения Иисуса. Три века спустя храм был разрушен персами, но восстановлен во времена мусульманского завоевания Иерусалима в 638 году – редкий случай совершенно бескровного завоевания. Умара, второго халифа ислама, отвели в храм помолиться, но он отказался, боясь таким образом нарушить святость христианского места поклонения. Вместо этого он построил по соседству огромную деревянную мечеть, которую назвали Аль-Акса, на месте, куда Мухаммеда – да пребудет Он в мире и блаженстве! – восседавшего на белом крылатом коне аль-Бураке, для молитвы перенес ангел Гавриил. За его спиной возносили молитвы Авраам, Моисей, Иисус и другие пророки – да пребудут они в мире! – и Мухаммед вознесся на небеса, чтобы услышать слово Аллаха.

Вот какова история горы, стены и храма, которым было суждено расколоть мир.

Во время первой священной войны вооруженные христиане ворвались в Иерусалим, изрубив мечами евреев в их синагогах и мусульман в их мечетях. Десятки тысяч трупов женщин и детей лежали рядом с мужьями и отцами, пав от руки Христова воинства, которое одержало победу, залив город реками крови, а затем провозгласили царство Иерусалимское.

Христианские паломники отправлялись в Землю обетованную под защитой двух рыцарских орденов – христианских монахов, давших обет нестяжательства и целомудрия. Первый орден, орден бедных рыцарей Христа, разместился в Аль-Аксе, в храме Господнем на Храмовой горе, и поэтому монахи стали называть себя храмовниками или тамплиерами. Монахи второго ордена, госпитальеры, рыцари святого Иоанна Иерусалимского, ухаживали за больными в большом госпитале в квартале патриарха, совсем недалеко от храма Гроба Господня.

Позднее Иерусалим был завоеван Саладином, великим курдским султаном, властителем Египта и Сирии. Он взял город без резни и снял золотой крест с Купола Скалы, а на его место

водрузил полумесяц – символ ислама. Оба рыцарских ордена покинули город, но Саладин не стал изгонять из города евреев и христиан, желавших жить в мире, в соответствии с принципом, что на всех завоеванных исламом территориях жителям должно быть разрешено сохранять свой религиозный закон и практики. Мусульмане называли евреев и христиан *ахль аль-китаб*, людьми Писания, которое было записано благодаря Божественным откровениям, а значит, являлось священной книгой. В последние годы султан Сулейман издал указ, по которому евреям официально разрешалось устраивать молитвенные места около священной стены. Говорили, что он сам очистил это место розовой водой и был провозглашен благодетелем Израиля.

Однако евреев, принявших предложение Саладина остаться в Иерусалиме, оказалось немного. Те, кого не изгнали вавилоняне или не убили в священных войнах, спаслись бегством и разбрелись по разным уголкам земли, ища страны, готовые принять их. Многие осели в Испании и оставались там, пока не наступили темные времена правления Фердинанда и Изабеллы, когда их снова вынудили покинуть дом. Одни вернулись в Левант, другие бежали в Голландию, Марокко и даже в Стамбул, где обстановка благоприятствовала торговле. Евреев же, оставшихся на Иберийском полуострове, заставили принять католицизм, а тех, кто отказался, сожгли на кострах или продали в рабство.

В те годы взаимная ненависть евреев и мусульман не могла сравниться с ненавистью христиан и евреев или христиан и мусульман. Но кто знает, как измерить ненависть? Кто знает ее границы?

Из тома I. Религиозные конфликты

Глава 7

Судьба Марии совершила крутой поворот в тот день, когда в Биргу появился сказочник. Она проснулась перед самым рассветом на соломенной постели, устроенной на крошечном деревянном настиле прямо под потолочными балками. Места было так мало, что во весь рост не встать. В полудреме, то и дело проваливаясь в сон, она сквозь дыру в крыше наблюдала за тем, как ночное небо меняет цвет. Лежа в темноте, она смотрела на семерых сестер Плеяд – свое любимое созвездие, похожее формой на воздушного змея, – и незаметно уснула, и ей приснился сон, что она схватилась за веревочку этого воздушного змея и он унес ее далеко-далеко. Когда она снова открыла глаза, розовое предрассветное небо уже поглотило звезды. По небу плыло облако, отражавшее алые отсветы зари. Как всегда, ее первая мысль была о Нико, и она тут же помолилась за него.

С улицы доносились привычные звуки. Биргу просыпался. Латунный колокол на часовой башне на площади пробил семь. Закукарекали петухи, закричали мулы. Тележка пекаря застучала колесами по брусчатке и повезла свежеспеченный хлеб на вершину холма в форт Сант-Анджело. Знакомая песня разносчика воды состязалась со звоном горшков и сковородок. Хрюкали и фыркали свиньи, рывшиеся в кучах мусора на улицах. Где-то заплакал ребенок. Мария слышала, как скрипят мельницы где-то на Сенглеа, небольшом мысе по соседству. Раздавались грубые крики Агнеты, препротивной соседки, которая по утрам всегда кричала на мужа или на собаку. В ответ донеслось рычание то ли мужа, то ли собаки.

Мария услышала, как встал отец. Каждое утро, за исключением воскресенья, он производил одни и те же звуки: струя мочи лилась в ночной горшок, кожаные сандалии шаркали по земляному полу, раздавался скрип оконных петель, содержимое горшка выплескивалось на улицу. Потом сухой кашель, плевков, затем грохот и звон инструментов, пока отец складывал их в кожаную заплечную сумку. Стукнули дверцы буфета: отец достал себе на завтрак головку чеснока или луковицу, а на обед прихватил ломоть вчерашнего хлеба. Тяжелая дверь со стуком закрылась, и он ушел на работу.

Мария с неохотой покидала свое уютное убежище. Она села и стряхнула с себя солому, торопясь уйти из дому, пока не проснулась мать. В последнее время Мария всегда старалась улизнуть из дому пораньше, чтобы никто ее не увидел, а вернуться как можно позже. Так жизнь была еще хоть как-то терпимой. Прошло несколько недель после похищения Нико, постепенно отец перестал избивать ее, но смотрел на нее с плохо скрываемой злобой. Глаза матери превратились в темные озера печали. Марию и так мучило чувство вины, но находиться в одном доме с этими жуткими глазами дольше необходимого она не могла, уж лучше выполнять обязанности по хозяйству.

Но на сегодня у Марии были другие планы. Сегодня никаких дел!
Ведь сегодня приедет сказочник!

Она тихо спустилась вниз и направилась к двери, стараясь не наступать на самые скрипучие половицы. Мария была голодна, но прошла мимо кухни, так как побоялась, что наделает слишком много шума, и выскользнула на улицу, беззвучно прикрыв за собой дверь.

Было еще довольно рано, поэтому какое-то время Мария бесцельно бродила по извилистым улочкам Биргу, где уже кипела оживленная торговля. Некоторые переулочки были такими узкими, что ей приходилось прижиматься к стене, чтобы уступить дорогу старикам, ехавшим верхом на ослах, или уличным торговцам, толкавшим нагруженные товарами скрипучие тележки. Мария перепрыгивала через лужи, покрывавшие улицы после опустошения ночных горшков. Женщины в платках несли на голове тяжелый груз: плетеные корзины с тканями, фруктами и хлебом. В тени проулков сидели старики, сплетничали и играли в шашки. Мария побродила по пристани, разглядывая моряков, налаживавших снасти и паруса.

Когда солнце поднялось повыше, Мария пошла на площадь. До прихода сказочника оставалось еще час-два, но ей хотелось занять место получше. Усевшись на мостовую, она заметила, что рядом с ней устроилась какая-то девушка. Такой красавицы Мария никогда раньше не видела. Сияющие глаза смотрели ласково, кожа без малейшего изъяна. Девушка сбросила с плеч шерстяную накидку и встряхнула блестящими каштановыми волосами, заплетенными в толстые косы, достававшие до самой поясницы. Заметив, что Мария разглядывает ее, девушка улыбнулась:

– Привет! Вижу, смотришь на меня. Меня зовут Елена.

– А меня – Мария, – покраснев, ответила она. – Мария Борг. Просто я тебя раньше тут не видела.

– Я редко бываю в Биргу. Чаще хожу в Мдину, но это, – Елена махнула рукой на собиравшуюся на площади толпу, – я бы ни за что не пропустила!

– И я! – обрадовалась Мария. – Жду не дождусь новых сказок!

– А я жду не дождусь сказочника, – с улыбкой отозвалась Елена.

– Что ты имеешь в виду? Он твой друг?

– Можно и так сказать. Мы знакомы. Он, кстати, из Италии. Из Флоренции.

– Из Флоренции! А ты там бывала?

– Нет, но когда-нибудь обязательно поеду туда! Однажды я уеду с Мальты и никогда не вернусь! Думаю, сначала поеду в Италию. А потом куда-нибудь на север – в Англию, в Бранденбург или в Богемию. Там женщина не пропадет, знаешь ли.

Мария изумленно слушала новую знакомую. Такие разговоры на Мальте были строго запрещены, ведь тут еще полным ходом шло Средневековье.

– В Кёльне есть женщины, которые шьют одежду и ткут шелк, – добавила Елена. – А в Мюнхене я могла бы стать хозяйкой пивоварни!

– Хозяйкой чего?

– Пивоварни. Где пиво варят.

– А что такое пиво?

– Такой напиток. Если научиться его делать, то можно здорово разбогатеть! У нас на Мальте такого нет. Впрочем, на Мальте вообще ничего нет. В северных странах пьют много пива. В этих странах вообще возможно все, что угодно. В Голландии даже у бедняков есть еда. Они едят хлеб, масло и сыр на завтрак, а за столом им прислуживает слуга, разодетый в шелка. На ужин – овощи и мясной пирог. Фрукты собирают прямо на улицах, а в фонтанах вместо воды – вино! Едят с серебра, а пьют из хрустальных бокалов.

Елена только что сама сказала, что никогда не бывала за пределами Мальты, но рассказывала чудеса жизни во Фландрии, в Страсбурге, Генуе и Тулоне так, будто видела все собственными глазами. Мария жадно слушала. Елена сказала, что ей всего пятнадцать, но такого утонченного человека Мария никогда не встречала.

И хотя Мария ничего не знала об этих экзотических местах, у нее был свой козырь: она поведала Елене, что мечтает поехать во Францию и выйти замуж за короля.

– Прекрасный план! – одобрительно закивала Елена. – Будь добра, не забудь пригласить меня на свадьбу!

Болтая, девочки совсем потеряли счет времени и не заметили, как по толпе вдруг пробежал радостный шепоток, кто-то обернулся к ним и сделал знак говорить потише.

На площадь вышел сказочник.

Конечно, и на Мальте были свои сказочники – обычно старики и старухи. Они повторяли все те же народные сказки, которые сами слышали от взрослых, когда были детьми. Но у них не было ореола тайны, окружавшего этого мужчину, который объехал весь мир, следуя за ветрами и рассказывая истории всем, кто готов был платить, чтобы услышать их. Он редко оставался на одном месте дольше нескольких дней или недели, потом садился на следующую

щий корабль, отправлявшийся в какой-нибудь дружеский порт, а затем возвращался, когда дул попутный ветер. Сказочник сел на скамью в центре площади, рядом с башней с часами. Слушатели собрались вокруг него полукругом, задние ряды напирали на передние, чтобы не пропустить ни слова. Он заворожил их с первой минуты. Он пел песни и сыпал поговорками, жонглировал и показывал фокусы, шутил и загадывал загадки, расхаживая взад-вперед перед слушателями. Поблескивая глазами, он остановился рядом с Еленой, низко поклонился, показал зевакам, что у него в руках ничего нет, а потом под радостные возгласы и гром аплодисментов наклонился к девушке и достал у нее из-за уха цветок.

Сказочник прочитал наизусть длинную поэму. Рассказал истории о конях, скакавших через огонь, и о собаках, спасавших жизнь своим хозяевам. Дети визжали от ужаса и восторга, слушая легенду о драконе Великой гавани. Женщины хихикали над скандальной историей о мужчине, который продал душу мусульманскому дьяволу. Мужчины затаив дыхание внимали легенде о четырех ветрах, волшебнике и волшебной лампе. Мария и Елена сидели вместе и держались за руки, одинаково реагируя на рассказы: хлопали в ладоши, смеялись и шептались друг с другом. Сказочник работал почти два часа. Когда он закончил, Елена наклонилась к Марии и шепнула ей:

– Мне пора. Завтра приду снова, а ты?

– О да! – заверила ее Мария.

Итальянец собрал небольшую кучку монет, которые зрители накидали ему на коврик. Толпа начала расходиться. Елена свернула в переулок и исчезла из виду. Через минуту туда же свернул и сказочник. Мария смотрела, как они удаляются вместе рука об руку. Наверное, теперь он будет рассказывать истории только для Елены. Ах, как жаль, что ее не позвали!

Девочки встретились на следующий день так, будто знали друг друга сто лет, и без умолку болтали до прихода сказочника. На этот раз он сделал кое-что новенькое и крайне необычное. После фокусов он открыл свой саквояж, вытащил оттуда толстую книгу в переплете из кожи цвета охры, положил ее себе на колени и раскрыл. Он обращался с книгой очень бережно, но страницы были потертые, мятые и испачканные от постоянного использования. На площади воцарилась тишина. Спокойным, низким голосом сказочник начал читать легенду о рыцаре, потом стихи, а затем сказки страны под названием Аравия. Не все собравшиеся понимали, потому что книга была на итальянском, но не ушел ни один человек. Вся площадь слушала сказочника затаив дыхание. Впервые Мария видела, как кто-то читает книгу, если не считать дона Сальваго в церкви, который читал на незнакомом ей языке, и Мария не понимала ни слова. Зато сейчас она понимала все эти чудесные слова.

Сказочник прочитал восемь историй, некоторые по просьбе зрителей.

– Найди там историю про змеев! – крикнул кто-то из крестьян.

Сказочник немного подумал, полистал книгу, нашел нужную страницу, и из книги прямо в толпу поползли змеи.

– Расскажи нам историю про любовь! – крикнула Елена.

Сказочник посмотрел на нее странным и непонятным Марии взглядом, а затем открыл книгу на другой странице, и вскоре на площади появилась прекрасная юная принцесса, и они увидели, как она отвергает одного знатного жениха за другим, пока однажды не влюбилась в простого крестьянина и не сбежала с ним, не побоявшись навлечь на себя ужасный гнев своего отца-короля. История была щекотливая и шокирующая, в ней все было так, как в мечтах самой Марии. Потом они услышали и другие сказки о дальних странах, волшебных странах, странах, где текут холодные реки, а по жилам – горячая кровь; сказки прятались одна в другой, словно волшебные шкатулки. Девочки слушали затаив дыхание. А когда итальянец сделал небольшой перерыв, они стали возбужденно обсуждать услышанное. Сказки и истории рас-

палили их воображение, и было уже сложно понять, где заканчиваются мечты и начинаются сказки.

Как и накануне, Елена шепотом попрощалась с новой подругой и ускользнула с площади под самый конец выступления сказочника. Впрочем, у Марии появился план, и после окончания представления она храбро подошла к сказочнику. Он даже не взглянул на нее, потому что смотрел на Елену, которая снова ожидала его чуть поодаль от толпы зевак.

– А в этой книге есть еще истории? – спросила Мария.

– Конечно! – рассмеялся он над ее невежеством. – Сотни! Тысячи! Даже я не могу запомнить их все.

Он открыл книгу и повернул ее так, чтобы Мария могла посмотреть. Даже разрешил ей потрогать страницу. Она прикоснулась к пергаменту с тем же почтением, с каким ее мать обращалась с реликвиями. Пергамент был такой необычный на ощупь, и Мария не выдержала:

– Я хочу научиться делать то, что ты делаешь!

– Что именно? – снисходительно посмотрел на нее сказочник. – Жонглировать или рассказывать истории?

– Читать!

Стоило Марии произнести это вслух, как она сама поняла, что говорит несурезицу.

– Читать! – фыркнул сказочник и со смехом захлопнул книгу.

– Да! Я бы смогла! – покраснела Мария.

– Я слышал, что как-то свинью читать научили, – не переставая смеяться, бросил ей он, – но вот таких, как ты, – никогда! Обязательно сочиню об этом историю, – добавил он, убирая книгу в саквояж, – обещаю тебе!

Собирая вещи, он продолжал качать головой от удивления. Несмотря на его реакцию, Мария чувствовала, как сердце гулко бьется в груди от предвкушения и ощущения чуда. Ей хотелось поговорить с Еленой, но ее новая подруга уже исчезла, а сказочник быстро последовал за ней.

В ту ночь Марии снились истории одна за другой, она слышала интонации голоса сказочника, видела персонажей сказок. Какие же еще сказки могут скрываться в той книге? Какие секреты, какие тайны этого мира содержатся на ее страницах? Мария знала, что все это глупости и дерзость, но ей было все равно. К утру у нее исчезли последние сомнения.

На следующий день они с Еленой встретились не перед последним представлением, а после его окончания. Сказочник быстро распрощался со слушателями и поспешил на испанский корабль, направлявшийся на Сицилию. Девочки сидели на набережной и смотрели, как корабль выходит из гавани.

Не успели паруса скрыться из виду, как Мария посвятила Елену в свой великий план.

Сначала Елена решила, что подруга шутит, но вскоре поняла, что та говорит серьезно.

– Читать?! А почему?

– Потому что... ну... потому что! Потому что тогда я смогла бы в любой момент открыть книгу и истории унесли бы меня в другой мир! Потому что я этого хочу! А ты не хочешь узнать, как это делается?

– Конечно не хочу! Что за бред! Не глупи! Ты же обычная девочка. Есть и другие способы провести время, не трать его на пустые мечты.

– Вроде твоих? Завести свою пивоварню?

– Но я-то и правда собираюсь это сделать!

– Вот и я собираюсь!

– Ладно, – улыбнулась Елена. – Я тебе верю. Приедешь в гости в мою пивоварню и почи-таешь мне. А сейчас мне пора домой.

Мария вдруг поняла, что рассказала Елене о себе абсолютно все, а вот про Елену не узнала почти ничего, и спросила:

- А где ты живешь?
- На юго-востоке отсюда.
- В Зейтуне? – уточнила Мария, назвав ближайшую деревню в той стороне.
- Нет, дальше.
- Но дальше нет ничего, кроме моря, – нахмурилась Мария.
- Еще увидимся! – пообещала ей Елена и помахала на прощание.

Целую неделю Елены было не видно. Мария сходила в Мдину поискать ее, вспомнив, как Елена говорила, что бывает там чаще, чем в Биргу, но быстро поняла, что это бесполезно: улицы древнего города за стеной кишели людьми, у большинства женщин лица были закрыты. Как-то утром, когда ее отправили собирать хворост для очага, Мария сходила в Зейтун и поспрашивала местных о Елене, но все было без толку – о ее подруге никто и слыхом не слыхивал. Мария вышла из деревни и пошла на восток, по дороге подбирая сухие ветки. Такое задание она обычно выполняла каждый день, иногда и дважды в день. Часто ей приходилось проходить несколько миль, чтобы набрать достаточно хвороста для разведения огня. В изобилии на Мальте росла разве что ежевика, хотя бывали засушливые годы, когда не росла даже ежевика. Тогда Борги вынуждены были платить за использование общинных печей, а если денег не было, то еда подавалась холодной.

Ветви с некоторых кустов Мария срезала ножом, другие ломались сами, и ветер носил их по земле, и Марии приходилось бегать за ними, однако справиться с ними было нелегко. Чтобы не оцарапаться об острые шипы, она брала плоские куски известняка, которого на острове было в избытке, била ими по веткам, чтобы отломать шипы, потом складывала ветки в вязанку, перехватывала веревкой и закидывала на спину. Вязанка парила над девочкой, как огромное шипастое облако, подпрыгивая и покачиваясь в такт ее шагам.

Мария уже почти дошла до побережья, куда раньше никогда не забредала. Помня о страшных корсарах, она старалась ходить только по открытым местам, чтобы ее нельзя было застать врасплох. В воздухе пахло дождем, над морем сгущались огромные серые и черные тучи. В начале лета такие грозы могли быть очень сильными, но обычно быстро заканчивались, поэтому Мария продолжила собирать хворост.

Гроза оказалась сильнее, чем думала Мария. Ветер усилился, она шла, склонившись пониже к земле и стараясь не уронить вязанку. В глаза летела пыль, ветер нещадно хлестал ее и пытался сбить с ног. Последний узел на вязанке она затянула недостаточно сильно, и та развалилась. Очередной порыв ветра разметал вязанку во все стороны. Мария вскрикнула: часы работы – коту под хвост, ветки разлетались, и она не успевала собирать их. Поймала одну, потом другую, засунула их под камень рядом с рожковым деревом. Несколько веток понесло к краю скалы и сдуло в море. Она побежала за ними, споткнулась и вскрикнула от боли, разбив колено о камень. Крупные капли дождя забарабанили по земле, обжигая кожу и смешиваясь с кровью. Красные струйки потекли по ноге. Ливень усиливался вместе с порывами ветра, внезапно ставшего ледяным и пронизывающим.

С трудом Мария спустилась по крутому склону, надеясь спрятаться среди гряды крупных камней. Там она увидела вход в пещеру, которых в скалах у побережья было довольно много. Мария забежала внутрь и, дрожа от холода, стала вытирать лицо рукавом, трясая головой, чтобы высушить волосы. Она наклонилась посмотреть, что там с коленом, но услышала какой-то шум и замерла. Мария понимала, что это не корсары, поскольку внимательно следила за горизонтом и не видела ни одного корабля. Склонив голову, она прислушалась. Сначала из-за грозы голоса показались ей неразборчивыми, но вскоре она поняла, что говорили на мальтийском, а не на арабском, да и голоса были детские. Она поползла по узкому тоннелю и заглянула вглубь пещеры.

Пещера была огромная. В центре, футах в тридцати под ней, рядом с большим подсвечником собрались люди. Склонив голову, они пели в унисон, словно молились. Но слова службы были ей незнакомы. Отец Сальваго в церкви Святой Агаты такого не говорил. Слова были другие, незнакомые: *Барух ата Адонай, Элохим* и другие, непонятные ей. За собравшимися она разглядела висевшее на стене какое-то изображение.

Мать рассказывала Марии о поклоняющихся дьяволу, которые обычно собирались в местах вроде этого. Станный шепот заставлял ее нервничать, а когда люди начали петь, она почувствовала, что не хочет больше слышать их тайных слов и злых песен. Едва дыша, она попятилась назад, к выходу из пещеры, где до сих пор бушевал ливень.

И тут из-за темного угла появилась сильная рука и остановила ее. Путь ей преградил рослый мужчина, Мария потянулась за ножом, но противник заметил ее движение и оказался быстрее. Нож со звоном упал на камни. Мужчина поймал Марию за джеркин⁵ и одной рукой легко поднял в воздух. Она яростно брыкалась, но он даже не заметил этого, быстро затащил ее внутрь и спустился по крутому склону. Как только они дошли до более просторного места, он поставил ее на землю и подтолкнул вперед.

Песнопения резко прекратились. Люди в тревоге обернулись к ней. Мужчины, женщины и даже дети смотрели на нее с удивлением, страхом и подозрением.

– Глядите, кого я нашел, – сказал взявший Марию в плен, – мокрый щенок, шпионила!

– Как она сюда пробралась? – спросил один из мужчин, выйдя вперед, и злобно посмотрел не на Марию, а на того, кто держал ее, и по тону его голоса и манере говорить Мария сразу поняла, кто здесь главный. – Почему ты не остановил ее снаружи? Заснул, Виллано?

– Какая разница! Я же поймал ее!

– Слишком поздно, судя по всему!

– Я не шпионила! – перебила его Мария, внутри которой гнев боролся со страхом. – Я просто хотела спрятаться от грозы! Отпустите меня, я не сделала ничего плохого! – заявила она и хотела было направиться к выходу, но Виллано положил свою ручищу ей на плечо.

– Ты христианка? – спросил главный.

– Ну конечно, – нетерпеливо ответила она. – Все, у кого есть душа, христиане! – крикнула Мария и попыталась вывернуться, однако Виллано крепко держал ее.

– Я убью ее, – произнес Виллано таким тоном, каким отвечают на вопрос, который сейчас час. – Сброшу со скалы, ее выловят из моря со сломанной шеей. Если ее вообще найдут, то решат, что упала.

– Зачем вам так поступать со мной?! – возмутилась Мария. – Я не сделала вам ничего плохого! Оставьте меня в покое!

– Ты видела нас. Этого достаточно.

– Я не знаю, что вы тут делали, и не знаю, кто вы такие! Да и какое мне до вас дело! Отпустите меня, и я никогда сюда больше не приду!

Главный задумчиво посмотрел на Марию. Рядом с ним стояла крупная женщина. Она тоже пристально разглядывала девочку, а потом тихо сказала:

– Не спеши, Фенсу.

– Элли, а как бы ты поступила на моем месте? – спросил он.

– Не знаю, – пожала она плечами.

– У нас нет выбора, – вмешался Виллано. – Придется убить ее, иначе мы все пропадем!

– Стойте! Я знаю ее! – раздался чей-то голос, на свет вышла девушка, и Мария с удивлением узнала в ней Елену.

– Елена!

– Ее зовут Мария Борг, – сказала Елена Фенсу. – Она дочь каменщика.

⁵ *Джеркин* – старинная мужская приталенная куртка, как правило без рукавов.

– Для тебя, может, и так, – перебил ее Виллано, – а для нас она – смерть! Дайте мне убить ее! – Он повысил голос, и на его лице заплескали тени от свечей.

– Убить ее?! Потому что ты заснул на дежурстве?! – вспыхнула Елена. – Если бы ты остался там, где должен, и сделал бы свою работу, то смог бы прогнать ее или предупредить нас! А если бы на ее месте оказались жандармы? Нас всех бы уже схватили и бросили в темницу! И все из-за того, что кто-то заснул!

– Пошел дождь, – нахмурился Виллано, – и... да не важно! Она видела нас! Она должна умереть!

Мария внимательно наблюдала за Фенсу. По его лицу было ясно, что и он думает, стоит ли принять такое решение.

– Должна? – спросила Элли. – Она просто ребенок! И что, мы теперь станем убийцами?

– Это будет не убийство, Элли, а самозащита, – возразил ей Фенсу так спокойно, что у Марии застыла в жилах кровь.

– Можем заковать ее в цепи и оставить здесь. Нам не помешает рабыня, – заговорил еще один.

– Она сбежит, – отмахнулся Виллано. – Нам нельзя так рисковать.

– Все это совершенно лишнее, – сказала Елена. – Я поручусь за нее! Она никому о нас не расскажет!

– Откуда тебе знать? – презрительно фыркнул Виллано.

– Потому что она не такая, как все. И Элли права. Мы не можем причинить ей вред. Мы не убийцы.

Фенсу принялся расхаживать по пещере взад-вперед. Наконец он остановился, вытащил из-за пояса нож и подошел к Марии. Он был худощавым – кожа, жилы и мышцы, – но в нем ощущалась скрытая сила. Видно было, что он свое дело знает и выпотрошит ее так быстро, что она даже почувствовать ничего не успеет.

– Мне не нравится ни один из вариантов, – сказал он. – Но убивать тебя мне хочется меньше всего.

– Нож в твоих руках, – произнесла Мария с храбростью, которой, впрочем, совсем не ощущала.

– Да, но от тебя зависит, что этот нож сделает, – ответил главный, судя по всему приняв решение. – Если я оставлю тебя в живых, даешь ли ты мне слово, что не расскажешь о том, что видела здесь сегодня, ни одной живой душе?

– Идиот! – прошипел Виллано. – Поверишь слову христианки?! – крикнул он, вынул свой нож и сделал шаг вперед.

– Если хочешь пустить в ход нож, то сначала тебе придется иметь дело со мной! – Фенсу повернулся к нему и раскрыл руки, как будто готовился принять удар.

Виллано был намного крупнее его, но все же остановился, не решившись пойти против главного.

– Меня тронуло не столько обещание христианки, – сказал ему Фенсу, – сколько слова Елены, у которой больше мозгов, чем у тебя когда-нибудь будет! Теперь ты обладаешь властью над нами, Мария Борг, – продолжил он, повернувшись к Марии. – Если ты скажешь хотя бы слово жандармам, капеллану или еще кому-нибудь, они действительно схватят нас. Посадят в тюрьму, а потом возведут на костер и будут греться от нашей горячей в огне плоти. Но всех нас им не поймать. У нас есть укрытия, которых им никогда не найти, и как минимум один из нас выживет. Готов побиться об заклад, что это буду или я, или Виллано. Даю тебе слово, – наклонился к Марии Фенсу, – что тот из нас, кто останется в живых, отыщет тебя и перережет горло тебе, твоим отцу, матери и всем твоим сестрам и братьям! – твердо сказал он и заметил, что у Марии в глазах блестят слезы, а на губе выступила капелька крови. – Ты мне веришь? –

спросил он, и Мария кивнула. – Ты должна поклясться, что никому и никогда о нас не расскажешь.

Она попыталась заговорить, но голос подвел ее, и она пискнула что-то неразборчивое.

– Идиот! – зашипел на Фенсу Виллано.

– Поклянись! – повторил Фенсу, не обращая на него внимания.

Мария заметила, как на нее смотрит Елена. В ее взгляде читалось: говори, или умрешь!

– Кля... клянусь! – заикаясь, произнесла она. – Я никому не расскажу про вас и про это место.

Фенсу долго смотрел ей в глаза, потом медленно выпрямился и сделал глубокий вдох.

В нем что-то неуловимо поменялось.

– Тогда решено, – кивнул он и взглянул на Виллано. – Решено, я сказал. Слышал меня?

– Если ты ошибся, наши жизни будут на твоей совести! – мрачно посмотрел на него Виллано.

– Они и так всегда на моей совести, – отозвался Фенсу, убрал нож, а потом обратился к остальным: – Повторяю еще раз: решено. – Он повернулся к Элли. – Я голоден, жена. Где лехем мишне?⁶

Она поспешно достала из простой каменной печи горячий хлеб. Фенсу склонил голову, быстро прошептал слова молитвы, остальные повторили за ним. После этого напряжение, витавшее в воздухе, испарилось так же быстро, как и горячий хлеб, который передавали по кругу из рук в руки. Фенсу отломил кусок и протянул Марии. Та удивленно помотала головой.

– Я понимаю, что больше всего тебе хочется уйти отсюда, – сказал Фенсу, – но раз ты подруга Елены, мы будем рады, если ты останешься и поделишь с нами трапезу и танец.

Мария снова помотала головой, ей и правда хотелось поскорее уйти.

– Как пожелаешь, – пожал плечами Фенсу. – Музыка! – хлопнув в ладоши, приказал он.

Один из мужчин достал скрипку, Фенсу с Элли начали танцевать, и вскоре к ним присоединились все остальные. Элли была жизнерадостной женщиной, примерно в два раза шире своего мужа и почти вдвое выше. Они весело танцевали, поддразнивая друг друга и смеясь.

Мария наблюдала за ними с ощущением полной нереальности происходящего. Она не могла поверить, что совсем недавно к ее горлу был приставлен нож. Казалось, только Виллано все еще недоволен исходом дела. Мрачно посмотрев на Марию, он взял ломоть хлеба и пошел обратно на свой пост.

– Заснешь еще раз – и я тебе штанины вместе сошью! – крикнул ему вслед Фенсу. – А потом украду твои ботинки!

Виллано сделал неприличный жест и что-то пробурчал себе под нос. Все присутствовавшие рассмеялись, Фенсу закружил жену в танце. Элли двигалась на удивление грациозно для женщины такой комплекции.

– Ты вся дрожишь. – Елена обняла Марию за плечи. – Прости за все это...

– Это ты меня прости... Я обязана тебе жизнью!

– Пойдем, я провожу тебя домой, – сказала Елена и вскрикнула, заметив разбитую коленку. – Ой, у тебя кровь идет! – Она оторвала часть своего пояса и перевязала рану. – Так что же ты тут делала?

– Собирала хворост. Никогда раньше не заходила так далеко.

– Я знаю, где найти гуано, – сообщила Елена. – Оно горит лучше, и носить его легче.

– Гуано? – переспросила Мария. – Я не хочу, чтобы меня высекли. Все это кому-нибудь принадлежит.

⁶ Две халы, которые по традиции благословляют перед началом трапезы.

– Не все. Надо просто знать, где искать. Знатным не все принадлежит, а птицы не всем рассказывают, где собираются обронить то, что нам нужно. Приходи сюда завтра, я тебе покажу!

– Я не хочу... не хочу больше приходить сюда.

– Да ты о них не беспокойся! – кивнула Елена в сторону остальных. – Фенсу принял решение. Они послушают его, здесь так принято. Они свое слово держат. Если ты сдержишь свое, тебе ничего не грозит, жизнью клянусь! – заверила Елена, но по ее глазам Мария поняла, что подруга еще сомневается. – Эта пещера называется Мекор-Хаким, что означает «источник жизни». Это лучшее место на острове. Завтра или через неделю, если ты вернешься и позволишь, живущие здесь люди сделают так, что тебе будет казаться, будто ты в этой пещере родилась, ну или, по крайней мере, тебе этого будет хотеться.

– Я видела, как он на меня смотрел, – покачала головой Мария. – В смысле, Виллано. Он был готов убить меня!

– Да, Виллано – горячая голова. Фенсу тоже убил бы тебя, если бы и правда не было другого выхода. Признаюсь, я волновалась за тебя. Могло пойти по-всякому. Но полагаю, ты понимаешь... если нашу тайну раскроют, то всех нас ждет или тюрьма, или смерть.

– Никогда бы не подумала... – собравшись с духом, заговорила Мария, – никогда бы не подумала, что ты... что ты поклоняешься дьяволу.

– Дьяволу? – рассмеялась Елена. – Так вот за кого ты нас принимаешь?

– А разве это не так?

– Нет. Мы евреи.

Мария потеряла дар речи от изумления. Она даже не понимала, лучше ли это, чем поклоняться дьяволу.

– Мама говорит, что быть евреем грешно, – наконец сказала она. – Евреи убили Иисуса.

– Мне об этом ничего не известно, – ответила Елена. – Я знаю, что родилась еврейкой и что мне приходится скрывать это.

– Мне говорили, что большинство евреев давным-давно покинули Мальту. Слышала, что им пришлось бежать и они бросили здесь свое золото и серебро. Мы с моим братом Нико искали эти сокровища, – поделилась она своим секретом. – Много кто ищет их.

– Ах, все эти истории о сокровищах! Если бы они были правдой!

– А ты поищи! Может, тут спрятано целое состояние, в этой самой пещере! Ну в любом случае я думала, что оставшимся тут евреям пришлось стать христианами.

– Некоторые так и сделали, а некоторые просто притворяются. Они называют нас мара-нами. Это значит «свиньи». Фенсу родился рабом, потому что его родители отказались перейти в христианство. Настоящее имя Фенсу – Нафтухим, но его хозяин не мог выговорить и прозвал его Фенсу, что означает «кролик». Фенсу нравится это имя, потому что для евреев кролики тоже не годятся в еду – некошерные, – как и свиньи. Когда он вырос, то принял христианство, и по закону ему дали вольную. Фенсу говорит, что с этого момента он был хорошим некошерным христианином. Он знает некоторые молитвы и хранит все христианские реликвии. Видишь, даже *шивити* меняют!

Елена показала на мальчика, который снял то, что висело на стене, и теперь вешал на его место до блеска отполированное распятие. Если бы кто-нибудь зашел в пещеру, когда в ней не совершалась молитва, то подумал бы, что здесь собираются истинные христиане.

– А ты? – спросила Мария. – Это твои родственники?

– Да, но не по крови. Моя настоящая семья жила на Гоцо. Когда мне было десять, в нашу деревню пришла чума. Умерли все, кроме меня. Я даже не заболела. Там никого не осталось, и никто не спешил прийти на помощь. Я знала про Фенсу, потому что до того, как он перешел в христианство, он дружил с моим отцом, у них был один хозяин. Я знала, что он живет на Мальте, но прошел целый год, прежде чем мне удалось его найти. Потом я стала жить у него

и тогда-то и узнала, что он маран. У нас нет ни раввина, ни Торы, но он старается соблюдать все традиции. Чтобы защитить нас, он учит нас стихам из Нового Завета.

– Отец Сальваго говорит, что отречься от своей религии – грех.

– Он бы не сказал такого про евреев, – пожалала плечами Елена. – Мы об этом особо не задумываемся. У Фенсу очень практичный склад ума. Он говорит, что ему нравится быть евреем, но не настолько, чтобы умереть из-за этого или провести всю жизнь в рабстве, как мой отец. Он гордился тем, что отказался перейти в другую веру, но Фенсу как-то спросил меня, видела ли я, чтобы он, закованный в кандалы, хоть раз зажег *менору*. Я сказала, что не видела. «А я зажигаю *менору* раз в неделю», – ответил Фенсу. И это правда. Первое, что он сказал, когда я пришла сюда жить, что раз я не похожа на еврейку внешне, то лучше мне об этом молчать. Хотя мог бы и не говорить, я сама это поняла давным-давно. Потому что на Мальте со свиньями обращаются лучше, чем с евреями. Я беспокоилась, что поступаю неправильно, но Фенсу говорит, что Бог все понимает. Говорит, что Богу нравятся изворотливые евреи.

Следующую ночь Мария провела без сна, нервы все еще были на пределе после столкновения со смертью, к тому же ее мучила совесть.

Они – евреи!

Мария не была религиозной по своей природе. Она ходила в церковь Святой Агаты, потому что ее заставляла мать. Большую часть времени она не понимала, о чем там говорят, а меньшую – просто не слушала. Но она знала достаточно, чтобы понимать, что ее душа под угрозой, как бы она ни поступила. Нарушить данную Фенсу клятву, конечно, грех, но и не нарушить, не рассказать отцу Сальваго о запретных ритуалах, которые проводятся практически в двух шагах от церкви Святой Агаты, – тоже грех.

Дилемма осложнялась тем, что она думала о Елене, совсем не похожей на грешницу или пропащую душу. Она не была бесчувственной или туповатой, как большинство знакомых Марии девочек. Она мечтала так же, как мечтала сама Мария.

Добрая, умная и веселая, к тому же первый человек, который отнесся к Марии как к другу. А сегодня Елена вообще спасла ей жизнь! Про других обитателей пещеры Мария ничего не знала, но как можно донести на такую, как Елена?

Но ведь они – евреи!

Как она могла забыть все истории, которые слышала с рождения? Мало того что евреи убили Иисуса, рассказывала ей мать, иногда они заживо варили христианских детей или расчленяли мелких животных и съедали их, пока те еще дергались. Изольда говорила, что обо всем этом написано где-то в Новом Завете. Мария вспомнила все темные закоулки пещеры, где вполне могло бы происходить нечто подобное.

Она не раз слышала жуткие истории о том, что будет с поклоняющимися дьяволу, с протестантами и евреями, а в детстве видела такое и сама. Она помнила огромный костер на площади, где сожгли их приходского священника отца Иезуальда. Она не могла даже помыслить о том, чтобы подвергнуть такому риску других людей, и все же понимала, что Бог не придумал бы подобного наказания, если бы не было людей, которые его заслуживают. И раз она знает о грехе, но молчит, не ждет ли ее такое же наказание, как и самих грешников? А вдруг инквизиторы в черных сутанах, вершившие правосудие в темницах под дворцом епископа, сожгут и ее вместе со всеми остальными? Но откуда они узнают? Ведь все были уверены, что настоящих евреев на Мальте нет уже шестьдесят лет, остались одни рабы. Никто из знакомых Марии людей никогда даже не говорил о маранах. Так что, похоже, их тайна надежно охраняется.

Если она, конечно, никому не расскажет. А если расскажет, то Фенсу наверняка сдержит свое слово. Ее мать и отец погибнут, потому что она решила рассказать секрет, о котором и знать-то не хотела.

Мария принялась молиться Богу и спрашивать у Него совета. Шли часы, близился рассвет, а Бог так и не заговорил с ней, не послал ей знак. Мария была девочкой практичного склада и решила, что это и есть ответ. Раз Он молчит, значит пока не нужно принимать решение. Она может снова увидиться с Еленой и остальными обитателями пещеры. Подожду неделю или месяц, а потом, если они и правда окажутся такими злыми, буду действовать, решила Мария.

Довольная найденным решением, она провела утро с Еленой, лазая по прибрежным пещерам в поисках гуано летучих мышей. Иногда им приходилось проползать по узким проходам, но зато там находились целые кучи гуано, затвердевшего и почерневшего по прошествии многих веков. Елена прихватила железную лопатку, и им удалось накопать приличное количество. Когда дело было сделано, Елена пригласила ее в гости в Мекор-Хаким. Мария было отказалось, но Елена взяла ее за руку:

– Волноваться не о чем! Виллано работает разносчиком воды в Мдине. Его сегодня не будет весь день. И других мужчин тоже. Остались только женщины и дети. Если боишься идти домой одна, я тебя потом провожу, – настаивала она, и Мария поддалась на уговоры подруги.

Они вернулись к одинокому рожковому дереву, росшему у входа в пещеру и каким-то образом пережившему и засуху, и человека. Эта пещера ничем не отличалась от сотен ей подобных, прятавшихся в известняковых горах Мальты. В одни можно было попасть только с моря, в другие – если залезть на скалы. Девочки спустились по крутому склону, оказались у входа примерно в двадцати футах над водой, и Мария поняла, насколько хорошо пещера спрятана от посторонних глаз.

Мекор-Хаким формировалась на протяжении многих тысячелетий, ее украшали люди, обитавшие в пещере бесчисленные поколения. Общая кухня занимала центр основной пещеры – большого зала, который Елена называла бальным. Здесь был высокий сводчатый потолок, уходивший во тьму, отчего создавалось ощущение, что находишься в огромном соборе. Сталактиты и гроздьи летучих мышей заменяли люстры. Закопченные кострами и очагами известняковые стены были покрыты буквами и знаками, чье значение уже давно было забыто. Выходившая на море стена зияла естественными и рукотворными отверстиями. Через них поступал свежий воздух, а утром пещеру рассекали потоки солнечного света, освещавшие стены и пол. Ночью в нишах плясали отсветы факелов, поэтому в большом зале никогда не бывало совсем темно. Здесь круглый год бил источник пресной воды, образуя маленькое озеро.

По периметру главного зала располагались небольшие лестницы, по которым можно было забраться в альковы и укромные уголки, служившие спальнями. Были там и крохотные ниши, в которых помещалась только одна соломенная подстилка, а были и более просторные, в которых жили целые семьи. Свою нишу Елена украсила самодельными свечами, наполнявшими пространство теплом и светом.

Всего в пещере обитало около двадцати человек, рассказала ей Елена. Кроме Фенсу и Виллано, здесь жил ювелир, кузнец, сапожник, а также множество женщин и маленьких детей, чьи радостные крики эхом отражались от стен, когда они играли в прятки в бесконечном лабиринте верхних проходов пещеры. Питались они в основном орехами, выращивали скромные грядки с овощами и охотились на мелкую дичь, а зерно покупали в складчину.

Как и говорила Елена, все мужчины ушли на работу в Мдину или Биргу. Женщины хлопотали по хозяйству, благо дел у них было предостаточно, и тепло поприветствовали Марию. Элли ворочала угли в каменной печи, а Леонора, жена кузнеца, посадила Елену с Марией резать угрей на рагу. Потом Виоланте, жена сапожника, попросила Марию помочь ей варить мыло, а Империя бездельничала, болтала, сплетничала и задавала вопросы о том, как Марии живется в Биргу.

Марию больше всего поразило, что в этих женщинах не было ни капли стеснения. Они говорили открыто и искренне, много смеялись. Элли постоянно шутила: шутила по поводу того, какие звуки ее муж издает во сне, шутила о седом волоске, выросшем в носу у Империа, шутила даже по поводу собственной внушительной комплекции. Мария знала, что ее мать осудила бы такое поведение, сочла бы его дерзким и скверным. Однако Елена оказалась права, и это совершенно сбивало Марию с толку. Здесь она чувствовала себя как дома. Она даже сама попробовала пошутить по поводу неаппетитного содержимого котла с едой, и, когда остальные рассмеялись, внутри у нее разлилось приятное и непривычное тепло.

Они разделили трапезу. На обед все ели вкуснейшее овощное рагу, макая в него огромные ломти горячего хлеба. После обеда все уселись вокруг очага отдохнуть, и Елена принесла цимбалы, удивительно красивый инструмент из темно-вишневого дерева, раньше принадлежавший хозяину ее отца на Гоцо. Играла она просто замечательно, и обтянутые войлоком молоточки нежно касались струн, создавая чудесную лиричную мелодию – по словам Елены, персидскую. Даже малыши перестали бегать и играть, присев рядом послушать музыку.

Ближе к вечеру Елена проводила Марию в Биргу. По дороге они задержались на холмах, возвышавшихся рядом с деревней, около монастыря Святой Маргариты. На холме росло несколько деревьев, и девочки присели отдохнуть в тени и подкрепиться сыром и водой из источника. Отсюда открывался потрясающий вид на бухту – на полуострова Биргу и Сенглеа и на гору Шибerras на дальнем конце полуострова.

– Сегодня красиво, – сказала Мария, глядя на величественную крепость Сант-Анджело, почти законченные форты Сант-Эльмо и Сант-Мишель и строящиеся вокруг них хибарки.

– Не так красиво, как в Барселоне или Марселе.

– Ты уже говорила об этом. Откуда ты только знаешь такие места?

– Мне рассказывают.

– Кто рассказывает? Мне вот такого никто не рассказывает. Большинство людей, которых я знаю, вообще никогда не были за пределами Биргу.

– Мужчины. Моряки.

– Отец избил бы меня, если бы увидел, что я говорю с моряком...

– Значит, надо сделать так, чтобы не увидел.

– Да уж, – хихикнула Мария от такой крамольной мысли и с уважением посмотрела на Елену. – Ты говоришь вещи, о которых я часто думаю. Мне это нравится.

– Ну, ты первый человек после Фенсу, который не смеется надо мной, когда я говорю, что поеду на север, где люди могут жить так, как хотят, – отозвалась Елена, глядя на выходящую из гавани галеру. – Смотрю на этот корабль и не могу не думать, куда же он направляется. Я могла бы сойти на берег на второй – нет, на третьей! – остановке и посмотреть, как там. Однажды я обязательно узнаю!

– Я бы тоже так хотела, – задумчиво произнесла Мария. – Я бы могла поискать Нико. Он где-то там...

– Где-то там целый мир... Может быть, мы когда-нибудь придумаем, как отправиться туда вместе.

Девочки подняли за это тост, выпив ключевой воды.

Марии не хотелось расставаться с Еленой. Казалось, это был лучший день в ее жизни.

Домой она вернулась с тяжелой корзиной гуано. Елена оказалась права: от него было больше тепла, да и горело оно дольше, чем ветки ежевики. Отец устало посмотрел на ее добычу, но не стал спрашивать, где она все это достала.

– Смотри не попадись на глаза жандармам, – сказал Лука, склонившись над огнем, распостранявшим по дому приятное тепло.

Добывать гуано оказалось проще и быстрее, чем собирать хворост, и теперь Мария могла проводить все свободное время с Еленой. Она оставалась у нее всего на несколько часов, чтобы избежать лишних вопросов дома. С каждым днем ей становилось все приятнее приходить в пещеру, хотя она до сих пор побаивалась встретить Виллано. На дороге они вряд ли бы столкнулись, потому что Мдина находилась к западу от пещеры, а Мария жила на севере, но она все равно старалась уйти задолго до его возвращения. Остальные как будто бы вообще забыли о происшествии, из-за которого она узнала о существовании Мекор-Хаким. Словно все это ей просто приснилось.

У Элли и Фенсу детей не было, и они приняли ее как родную. Фенсу даже сделал ей подарок – кожаные ножны для ножа, который Мария носила за поясом. Умение работать с кожей было лишь одним из его многочисленных талантов. Вообще-то, он был плотником, но казалось, руками может сотворить что угодно. Он умел работать с железом и мог подковать лошадь, поставить капкан на куницу, починить свою одежду или сделать детям деревянный волчок. Иногда он работал на ремонте галер у рыцарей или промышленял мелкими работами у знати в Мдине. Тогда ему приходилось надевать на голову желтую повязку, которая показывала, что он еврей по рождению. Большую часть времени работы не было вообще, а если и была, то не для евреев, пусть даже и принявших христианство.

Фенсу сооружал ловушки для крабов и развешивал их на веревках прямо на скалах у пещеры. Дважды в неделю он доставал их из воды, и в сетях мелькали красные клешни. Фенсу отвозил крабов в Биргу и менял на сардины и треску. Когда Мария спросила его, почему он меняет такую изысканную еду на обычную рыбу, он объяснил ей, что большая часть его улова – крабы, ежи и кролики – относилась к существам, которых в Библии есть запрещено. Однако Фенсу довольно практично относился не только к религии, но и к еде. При угрозе голодной смерти, сказал он, библейскими ограничениями можно было бы и пренебречь, например, если бы у них на хвосте были жандармы. «Я бы скормил своей семье целую свинью, от пяточка до хвоста, но не дал бы им умереть с голоду, и Бог бы меня не осудил. Он любит, чтобы евреи оставались в живых». Образ мышления Фенсу казался Марии удивительно практичным, хотя и богохульным.

Пещера идеально подходила для защиты от корсаров, к тому же Фенсу много всего делал для того, чтобы еще лучше спрятать их от посторонних глаз. Со стороны холма вход прикрывал крутой склон, а со стороны моря – скалы необычной формы, которые Мария видела, когда пришла сюда в первый раз. Вход в пещеру был довольно маленький – туда едва мог протиснуться взрослый человек. Два выхода, выдолбленные в скале и находившиеся в задней части пещеры, обеспечивали хорошо скрытые пути отступления, которые вели в ущелье. Примерно раз в месяц Фенсу проводил в пещере учебную тревогу, и тогда все обитатели пещеры тренировались заряжать и стрелять из старинных пистолей и арбалетов, имевшихся в их арсенале. С пистолями тренировались понарошку, чтобы не тратить зря драгоценный порох. Женщин и детей учили метать камни и ножи, в караул по очереди ходили все. Пушек и рыцарей у жителей Мекор-Хаким не было, но чувствовали они себя в безопасности. «Биргу защищает лишь хлипкая крепостная стена, – хвастался Фенсу, – а мы под охраной самого острова и его скал!»

Однажды Мария попала на один из таких учебных дней, и Фенсу обрадовался, увидев ее.

– Отлично! Детям как раз надо поупражняться, и им нужна мишень! – заявил он, вручая ей деревянный меч. – Захвати этот остров, будь добра, – спокойно попросил он.

Мария двинулась в сторону пещеры от линии прибоя и вышла на берег, храбро размахивая мечом. Тридцать восемь раз дети подстрелили ее из разнообразнейшего воображаемого оружия, но она не сдавалась. Фенсу и Элли захлопали в ладоши, увидев ее нестигаемость и храбрость. Мария сдалась, только когда Елена с детьми схватили ее и бросили обратно в море, а потом вытащили. Остаток дня провели на каменистом берегу и ели только что пойманную

и запеченную на углях рыбу. После обеда снова была практика с оружием, а потом принесли скрипку и цимбалы, что означало танцы до наступления ночи.

Елена сказала Марии, что название пещеры Мекор-Хаким означает «источник жизни», но Мария про себя решила, что на самом деле это означает «источник бесконечных тайн». Как только ей открывалась одна, за ней тут же следовала другая. Как-то раз Мария играла с детьми в прятки и в одном из верхних коридоров за кучей камней нашла какой-то мешок из рогожи и заглянула в него.

– Это *шофар*, – объяснила ей Елена. – Фенсу сделал его из бараньего рога. Он играет на нем на Рош ха-Шана и Йом-Кипур.

Елена попробовала поиграть на нем, но ей удалось произвести лишь слабый писк. У Марии получилось чуть лучше – похоже на бляенье голодной овцы, и девочки расхохотались.

Однажды они долго шли по одному из верхних коридоров, а потом Елена остановилась, запустила руку в узкую расщелину и осторожно вытащила оттуда какой-то сверток. Она бережно развернула его, и Мария ахнула от восхищения. Голуби порхали над галереями, все двигались в какую-то далекую страну с ласковыми зелеными холмами и широкой рекой.

– Это называется *мизрах*, – сказала Елена. – Элли нарисовала. Мы вешаем ее на стене, указывающей в сторону Иерусалима, чтобы знать, в каком направлении молиться.

Самой ценной реликвией была «*Мегилла*» – свиток, который передавался из поколения в поколение в семье Элли. Он был покрыт письменами на иврите. Никто из обитателей пещеры не умел читать на этом языке, но мать Элли однажды рассказала ей отрывок из Книги Руфь. Потом у них дома случился пожар, в котором свиток выжил, а вот родители Элли – нет. Теперь свиток бережно хранился завернутым в пропитанную маслом ткань в нише над *менорой*.

В другом мешке был изысканный серебряный ларец, украшенный филигранно исполненными ветками мирта и ивы.

– А это – *этрог*... – начала Елена, и тут у них за спиной появился Фенсу!

– Раньше это был уродливый подсвечник, принадлежавший Ингуанесам.

Эта фамилия была знакома Марии – знатная семья из Мдины, одна из самых влиятельных на острове.

– Они тебе его подарили? – спросила она.

– Да они даже не знали, что он у них есть, – рассмеялся Фенсу. – Пылился где-то в сарае за конюшней вместе с сотней подобных вещиц. Я вынес его из тьмы и превратил в то, что помогает славить Господа.

Наконец до Марии дошло, что имелось в виду, и Фенсу ухмыльнулся, заметив выражение ее лица. У знати в Мдине было и так слишком много богатств, поэтому Фенсу время от времени, работая в их роскошных домах, не отказывал себе в удовольствии позаимствовать хрусталь, серебро, медь или латунь. А потом при помощи ювелира Коула Фенсу переплавлял металл в более практичные и менее узнаваемые формы. *Этрог* оказался лишь одним примером. Из набора латунных блюдец Фенсу смог сделать потрясающую *менору*, а хрусталь перепродавали или пользовались им сами.

– Мы единственные на всем острове, у кого есть хрустальная ночная ваза, – хвастался Фенсу.

На заработанные деньги он покупал все самое необходимое, но всегда что-то отдавал нуждающимся семьям. «Даже настоящим язычникам», – сказал ей он.

Снова Мария всю ночь пролежала без сна, беспокойно ворочаясь.

Они – евреи и воры.

Ее трясло от страха. *А вдруг адский огонь в два раза горячее, если ты согрешил дважды?*

Несмотря на все ее молитвы, Бог хранил молчание и не спешил высказывать свою волю по данному делу. К утру Марии после долгих размышлений удалось самостоятельно умень-

шить тяжесть совершенных евреями преступлений до мелких и незначительных. Она, конечно, испытывала благоговение перед знатью Мдины, но особого дела до них ей не было. Каменщика, который работал вместе с отцом, переехал на экипаже один из сыновей Ингуанесов, и несчастного разорвало пополам в буквальном смысле этого слова. Отец сказал, что жертве выплатили сумму достаточную, чтобы прокормить крысу. И как после подобного поступка осуждать Фенсу? Во всем этом даже была какая-то своеобразная справедливость, которая нравилось Марии. Как будто Фенсу просто немного перераспределил богатства, почему-то скопившиеся в руках лишь одной семьи на всем острове.

Мария не была ни глупой, ни совсем уж наивной и понимала, что просто ищет оправдания. Да, она готова делать это, говорила она себе, но сама никогда не станет совершать ничего действительно плохого. Поэтому в тот день, когда она вернулась в Мекор-Хаким, и на следующий день, и на следующий она всегда следила за всем, что могло бы указывать на Люцифера. Каждый день Елена, Фенсу и все остальные поражали ее своей обыкновенностью. Ей нравилось их приподнятое настроение и горячий хлеб, игры и смех. Иногда у нее возникало смутное ощущение, что все словно перевернуто с ног на голову, что во тьме на самом деле живут жители солнечного Биргу, а обитатели пещеры Мекор-Хаким купаются в свете. И прежде всего Елена.

Однажды вечером Лука заметил кожаные ножны, которые Фенсу подарил Марии:

– А это у тебя откуда?

– Выменяла на гуано, – не моргнув глазом соврала она.

– Гуано тебе не принадлежит! С сегодняшнего дня все носи домой! – грубо отрезал он, забрал у нее ножны и оставил себе.

Елена была права, подумала Мария. Он ничего не должен знать.

Мария надеялась, что ей и дальше будет удаваться избегать встреч с Виллано, но долго так продолжаться, конечно, не могло. Однажды, выходя из пещеры, она столкнулась с ним на том самом месте, где когда-то он застал ее врасплох. Заметив приближение огромной фигуры, она отпрыгнула в сторону, но Виллано усмехнулся, показав полный рот темных зубов. Мария поняла, что бежать ей некуда, разве что прыгать в море. Она схватила камень, готовясь защищаться. Виллано посмотрел на нее долгим взглядом, а потом улыбнулся и расхохотался.

– Вот ведь хитрый хорек! – покачал он головой, залез в карман, что-то достал оттуда и бросил ей.

Марии пришлось выпустить из руки камень, чтобы поймать. Когда она поняла, что оказалось у нее в руках, ее глаза округлились от восторга.

– *Anu!* – прошептала она.

– А что, паписты не едят *anu*? Только евреи и дьяволисты?

Мария проглотила драгоценную медовую сладость в один присест. Виллано снова рассмеялся, прошел мимо нее и исчез в пещере.

Несколько недель спустя у Марии выдалась ужасная ночь – она решила, что умирает.

Последние пару дней она как-то странно себя чувствовала, и тут ночью у нее заболел живот, внутри все крутило, от боли она едва могла дышать. До груди, которая, впрочем, еще не успела особенно вырасти, было не дотронуться. Она ощупала грудь и подмышки в полной уверенности, что найдет там страшный бубон, означавший, что за ней пришла чума.

Когда приходила чума, все знали, что это кара Божия за грехи человеческие. Мария стала припоминать все свои недавние прегрешения. Только за прошлую неделю она успела возжелать шелковый платок, соврать отцу и взять кусок хлеба с подноса у рынка. Все дети брали там хлеб, и продавец не возражал, но все-таки она за него не заплатила. Ну и конечно, у нее был грех пострашнее прочих: она укрывала евреев и воров из пещеры Мекор-Хаким.

Смертные грехи, простительные грехи – все это могло стать причиной обрушившейся на нее кары.

Мария беспокойно ворочалась. Она свернулась в клубочек, пытаясь бороться с невидимой рукой, которая так больно сжимала ее внутренности. Ближе к рассвету она ощутила, что между ног мокро. Вскоре стало достаточно светло, и она с ужасом увидела, что истекает кровью. Даже солома под ней стала темно-красного цвета в том месте, где кровь протекла сквозь штаны. Теперь Марию окончательно охватил ужас. Отцу и матери рассказывать нельзя, но не лежать же тут и не ждать, пока она истечет кровью до смерти. Елена ей поможет. Она говорила, что знает лекаря в Мдине. Мария подтерлась соломой, застегнула штаны и бегом бросилась прочь из дому.

По дороге она столкнулась с мясником, выходящим из лавки. В одной руке он держал топор, а в другой – овечью голову. Передник весь был залит кровью. Взяв себя в руки, Мария заметила, что он смотрит на нее, на штаны. Она поняла, что он заметил пятна, и сначала на его лице появился гнев, быстро сменившийся отвращением. Ей было неприятно, что он как будто бы понимал, что с ней происходит, а она сама – нет.

Никогда еще путь до пещеры не казался ей таким долгим. Задыхаясь и размазывая по лицу слезы, она бросилась к Елене, но та, к ее удивлению, ни чуточки не испугалась.

– Ты не умираешь! – Она засмеялась и обняла Марию. – Ты стала женщиной!

Елена рассказала ей все, что знала о женских кровотечениях, дала Марии несколько чистых тряпочек, показала, как ими пользоваться, и напоила специальным чаем, чтобы облегчить спазмы. Марии это все не понравилось. С одной стороны, она вроде как гордилась, что стала женщиной, но спазмы и кровь раз в месяц казались больше похожими на наказание, чем на благословение. Ей было сложно поверить в то, что так происходит у всех женщин. Ни одна из женщин, которых Мария знала, ни словом не обмолвилась ни о чем подобном. И тут у нее появилась новая причина для тревоги.

– Я не готова иметь ребенка, – испуганно сказала она.

– Тебе не о чем беспокоиться, такое может случиться, только если ты была с мужчиной, а потом кровь не пришла, – объяснила ей Елена. – Но нельзя спать с мужчиной во время кровотечений, а то ребенок родится прокаженным, а мужчина отупеет!

– Спать с мужчиной? – с непониманием посмотрела на нее Мария.

Она заворожено слушала, как Елена описывает сами действия и что они каким-то образом приводят к зачатию.

Марии было очень сложно поверить, что ее саму могли зачать таким образом. Ни разу она не видела, чтобы отец с матерью целовались или хотя бы просто проявляли друг к другу какое-то подобие нежности. Она не могла даже представить Луку Борга без штанов, или Изольду с задранными юбками, или как они обнимаются со страстью, достаточной для производства потомства.

– Любовь и *scopare* никак не связаны между собой, – объяснила ей Елена.

Она называла это *scopare*, то есть соитие. Слово было приятным. Мария все повторяла и повторяла его вслух, а потом они обе начали хихикать так, что чуть с ног не попадали, а Мария чуть не описалась.

– Но откуда ты все это знаешь? – спросила Мария.

– Потому что я куртизанка.

– Кто-кто?

– Ну, это вроде как сказочник. Мужчины платят мне за удовольствие, за то, что я помогаю им попасть туда, куда они хотят попасть. Они начинают верить в то, во что им хочется верить, вот и все. – Елена улыбнулась, увидев озадаченное лицо Марии. – Я блудница, Мария, – добавила она.

Это слово Мария слышала в церкви. Когда она спросила у матери, что оно значит, Изольда ударила ее по уху палкой и приказала молиться о прощении.

– Но тебя же могут арестовать! – заволновалась она. – Блуд запрещен законом!

– Голодная смерть должна быть запрещена законом, – отозвалась Елена.

Покинув Гоцо после смерти родителей, Елена отправилась на Мальту, поведала она подруге, и не сразу нашла Фенсу. У нее не было еды и денег. Для сиротского приюта в Рабате она была уже слишком большой. Работы было мало, да и то только для мужчин. Она пошла в Мдину, город за крепостными стенами в центре острова, где в своих роскошных домах жила мальтийская знать, отгородившись от всех: и от рыцарей, и от простолюдинов, и от корсаров. Девочка украла буханку хлеба, и ее поймали. Торговец уже тащил Елену в суд, чтобы ее высекли и заключили в колодки. Их заметил какой-то дворянин и вмешался. Он заплатил торговцу за хлеб и пригласил Елену сесть в его экипаж. Выслушав ее историю, он тут же предложил ей работать у него судомойкой. В ту же ночь он затащил ее в кладовую и показал, чего хотел на самом деле. Елена ненавидела, когда он трогал ее, но ей очень хотелось есть, и она боялась отказать ему. Господин хорошо с ней обращался, дарил украшения и давал деньги. Впервые в жизни у нее всегда была еда. Но однажды его жена застучала их в кладовой и вонзила нож в задницу мужу, а Елену выкинула на улицу.

Вскоре Елена нашла себе другого покровителя, судью из Университá, из того самого суда, который судил женщин за блуд. Как-то раз в порыве страсти он ударил Елену, и оказалось, что это приносит ему доселе неведанные высоты наслаждения. Он ударил ее снова, на сей раз сильнее. Елена сбежала из его дома и больше туда не вернулась. Следующим был рыцарь ордена Святого Иоанна, молодой красавец из Арагона, у которого она ходила в любовницах, пока великий магистр не приказал всем рыцарям принести обет целомудрия. Следующим был священник.

– Никто не сравнится в лицемерии с рыцарями, кроме священников, – сказала Елена. – По ночам он делил со мной постель, а днем все повторял мне, что я шлюха и буду гореть в аду! Все, что мне задолжал, он оставил себе и сказал, что отдаст деньги служению Христу от имени моей заблудшей души!

С тех пор Елена решила, что лучше заниматься этим с разными мужчинами за определенную плату, причем деньги брать вперед: никаких сложностей, никаких проповедей, никаких разъяренных жен. Она спала с образованными людьми, которые повидали мир, и в ее голове зародились мечты о том, что где-то ее ждет жизнь получше, чем на Мальте. Она продолжила свое занятие даже после того, как нашла Фенсу. Никто в Мекор-Хаким не знал, чем она зарабатывает на жизнь, но никто и не спрашивал. В Мекор-Хаким было не принято слишком сильно лезть в дела других людей.

Домой Мария плыла на мягком приятном облаке знания: она избежала чумы, стала женщиной и узнала тайны мужчин и женщин – и все это в один день.

Тем не менее ту ночь она тоже провела без сна.

Теперь она хранила три умопомрачительные тайны, приятные и развратные одновременно.

Евреи, воры, а теперь еще и блудница.

Три греха, а значит, в три раза более жаркое адское пламя.

Она не молилась и не просила у Бога наставить ее на путь истинный. Это было уже не важно. Все это было не важно.

Что касается евреев, главное – не присоединяться к их субботней трапезе или другим службам. Надо просто всегда уходить до того, как это все начинается, чтобы сохранить свою бессмертную душу. Ну так, на всякий случай.

Воровство ее вообще не смущало.

Что же до блудницы, то они связаны навеки. Елена была идеалом. Мария понимала, что если бы была мужчиной, то влюбилась бы в нее.

Мария и Елена не сходились в своих взглядах на мир лишь в одном – в новообретенной мечте Марии научиться читать.

– Да ты скорее полетишь на луну на соколе, чем научишься читать, – говорила Елена. – Ну кто станет тебя учить? В школы берут только дворянских сыновей, а ты девчонка, к тому же из бедных. И даже если кто-то и научит тебя читать, что ты будешь читать? Украдешь книгу?

– Куплю.

– На что?

– Я могу стать блудницей, как ты!

– Ты слишком юна, – иронично взглянула на Марию подруга.

– Мне уже тринадцать! А тебе самой всего пятнадцать!

– Дело не в том, сколько тебе лет, а какая у тебя грудь! Пусть сначала вырастет, а то ты пока как доска. Еще год-другой подожди.

– Ну тогда я могла бы научиться читать вашу *«Мегиллу»*!

– Глупенькая! – рассмеялась Елена. – Она же на иврите! Тебя сожгут на костре за одну мысль об этом!

Мария покраснела от стыда за собственное невежество. Она даже не могла отличить иврит от итальянского. Идея была совершенно безумная. Ни у кого из ее знакомых не было ни одной книги. Никто из ее знакомых не умел читать, кроме некоторых строительных дел мастеров, ну и, конечно, отца Сальваго, к тому же она не знала, умеет ли он читать на настоящих языках – на языках, на которых люди говорят по-настоящему. Он читал только великую Библию, а Мария знала, что там все написано на латыни, но латынь никто не знает, даже ее мать, которая могла повторять наизусть целые пассажи, понимала из них всего три-четыре слова, а остальное ей казалось сущей бессмыслицей. У рыцарей, конечно, были книги, но они держали их для себя и с простолюдинами дел не имели. Некоторые мальтийские дворяне умели читать, даже женщины, но они были такими же высокомерными, как и рыцари, и никогда бы не снизошли до такой простушки, как Мария. А у знавших ее людей книги встречались еще реже, чем деньги.

Мария была просто одержима этой идеей, но не могла объяснить, почему для нее это так важно. Даже мужчина, умеющий читать, мало где мог применить свои умения, хотя ее отец, вдруг поняла она, мог бы стать исключением, если бы захотел. У него был талант к работе с камнем, но ему не суждено было стать кем-то поважнее обычного каменщика, потому что он не умел читать план. Он был не глуп, просто не хотел пытаться. Когда Лука смотрел на листы, которые исписывали инженеры, его глаза округлялись от страха, как будто в словах содержалась какая-то жуткая тайна. Поэтому выходцы с Родоса и греки, умевшие читать, всегда руководили строительными работами, а такие, как Лука Борг, были у них в услужении или выполняли простую работу, например возводили обычные стены, для которых план был не нужен.

Однако если мужчине чтение могло в чем-то помочь, то женщине – нет, по крайней мере не на острове Мальта. И все равно Мария не могла оставить эту идею. Закрыв глаза, она тут же видела таинственные письмена в итальянской книге. Раз она научилась считать до ста – а она и правда научилась! – то почему бы ей и не научиться читать?

Наконец она решила спросить у отца Сальваго. Мария догнала его после службы, когда он уже направлялся в свой домик за церковью, и пошла рядом. Они обменялись любезностями, и наконец святой отец понял, что она чего-то от него хочет.

– Я могу тебе чем-нибудь помочь, Мария? С твоими родителями все в порядке?

– Я... да, благодарю, дон Сальваго, у них все хорошо... Мне нужна ваша помощь, вот! – выпалила она. – Научите меня читать!

– Читать?! – изумленно переспросил священник, поначалу решив, что ослышался.

– Да, читать! – храбро улыбнулась она и кивнула.

Сальваго молчал, ожидая, что Мария скажет, что это все шутка. Но она смотрела на него с искренней надеждой.

– Ты серьезно?

– Да, святой отец! Пожалуйста, научите меня!

– Ты глупа и дерзка! – презрительно произнес священник и зашагал дальше. – Я не учитель, Мария, а священник. Ступай домой! – бросил он через плечо.

По дороге из церкви Святой Агаты Мария проходила мимо *обержа* Франции, общежития, где жили многие франкоязычные рыцари. Она заглянула в окно и увидела длинные полки, на которых стояли ряды томов в кожаных переплетах. Раньше она не обращала на них внимания, но сейчас они вдруг показались ей кораблями, покидающими Великую гавань и уносящими ее неведомо куда, в те страны, где девочкам не запрещено мечтать.

Наверное, именно поэтому она и хотела научиться читать – потому что ей это было запрещено. Она и сама толком не понимала, почему это так важно, – просто знала, что это так.

Глава 8

Каждое утро Нико вставал до зари и ложился спать в ночи. Он уже привык проводить большую часть времени на верфях с Леонардусом. Каждое утро он проводил час-другой с Амирой, которая учила его искусству ведения хозяйства и обычаям этого дома. Самой большой пыткой для него оказалось то, что раз в две недели ему нужно было мыться. Он пытался протестовать, но тщетно. Раз в две недели купание для прислуги было обязательным.

Нико научился менять постельное белье и стирать одежду.

– Разве женщины не лучше подходят для такой работы, госпожа? – спросил он у Амиры, пока тер щеткой халат.

– Хозяин никогда не путешествует в компании женщин, – ответила она. – Ты должен научиться удовлетворять все его потребности.

Его научили выбирать специи на рынке, оценивать жирность и свежесть цыплят, а также качество сторака, используемого для приготовления духов, которые Фарук дарил своим женам. Нико научился солить рыбу и считать деньги. Амира отправляла его к сказочнику на базар, а потом он пересказывал ей услышанные там сказки. Она жадно слушала его и уверяла, что хозяину очень нравятся такие развлечения и он будет доволен. Нико подавал ей закуски и прохладительные напитки и старался не показывать виду, что его очень беспокоит растущий интерес госпожи к его скромной персоне. Она научила Нико кормить ее пальцами, сказав, что то же самое ему предстоит делать для хозяина. Он расчесывал ей волосы венецианской щеткой, украшенной драгоценными камнями. Иногда она переодевалась прямо при нем, не заботясь о том, чтобы полностью скрыться за ширмой из персидского шелка. Он видел ее обнаженную спину, когда она снимала халат и надевала платье для молитв. Амира будто бы не замечала его присутствия, но он отворачивался, чтобы не смущать ее. Других жен он видел только за ужином. Однажды он вдруг понял, что, пока находится в покоях Амиры, другим вход туда воспрещен, потому что в дверях стоит грозный Аббас. Уходя, Нико всегда замечал, что где-то неподалеку с мрачным выражением лица крутится Мехмед.

По вечерам Нико и Иби уходили в город на поиски пропитания, и мальчик продолжал учиться у садовника искусству воровства и мошенничества. Они проникали в лавки, а однажды даже залезли на склад, где нашли столько фруктов, что объелись и потом два дня мучились животом. Нико забирался по решеткам на террасы на крышах домов, где многие ужинали в летний зной. Как-то раз ему удалось украсть целый ужин, прямо в горшках. Опаснее всего было проникать в частные дома, поскольку они в основном принадлежали арабам и туркам, а некоторые даже янычарам, элитной гвардии самого султана. Им почти всегда удавалось раздобыть какое-то пропитание, но наесться досыта удавалось редко. Чем сильнее был их голод, тем более дерзко и отчаянно они себя вели. Нико уже и без Иби прекрасно понимал, что с ними будет, если их поймают.

Однажды вечером на рынке Нико остановился посмотреть выступление фокусника. Он показывал удивительные трюки с огнем, со змеей и веревкой. Некоторые бросали фокуснику под ноги монеты. Рядом другой мужчина играл с прохожими в игру, пряча камешек под ракушки и предлагая угадать, где тот сейчас находится. Никто не угадывал, и все ставки доставались мошеннику. И тут Нико в голову пришла замечательная идея.

На следующий день вечером Иби ходил по людной площади и принимал ставки, что мальчик в ярко-красном тюрбане, тот самый мальчик, который выступал перед светлыми очами бейлербея в Каире и самим султаном – да будет благословенно имя его! – в Константинополе, сможет запомнить любой стих, или сложную последовательность имен либо чисел, или что угодно на выбор любого из сомневающихся в его искусстве.

Вскоре вокруг них собралась толпа скептически настроенных зевак, и один из них поставил двести мараведи на то, что Нико не сможет повторить имена его двадцати семи дядей и их отцов. Ставка была принята. Мужчина принялся перечислять бесконечные имена, и с каждым следующим именем толпа все более уверялась в том, что у Нико ничего не получится. Ни одному смертному не под силу запомнить такую литанию. Нико прошептал что-то Иби на ухо, и тот во всеулышание заявил, что список недостаточно сложный. Нико примет предложение, только если этот человек добавит в список имена своих братьев, кузенов и племянников, а также клички лошадей, если таковые у него имеются. Ставки взлетели до четырехсот мараведи, а потом и до шестисот. На эти деньги Нико и Иби могли бы целый месяц питаться по-королевски. Когда Нико под ноги бросили последнюю монету, он без запинки повторил все имена. Пораженная толпа зааплодировала, Нико скромно улыбнулся, предвкушая победу. Однако он забыл одну важную мелочь: имена никто не записал. Иби уже потянулся к монетам, но сделавший ставку наступил ему на руку кожаной сандалией.

– Он ошибся! – прорычал проигравший.

– Я никогда не ошибаюсь! – воскликнул Нико. – Если хотите, могу повторить еще раз, если надо – в обратном порядке!

– Поздно! Это моя семья, и ты ошибся, говорю тебе! Деньги остаются у меня, а с тебя еще двести!

– А мне – пятьдесят! – крикнул другой и выхватил из-за пояса меч.

Засверкали ножи, толпа почуяла кровь. Нико и Иби с трудом удалось сбежать и спастись.

– Думаю, о колдовстве нам лучше забыть, – сказал мальчику Иби. – Воровать проще...

Прибытие нового корабля в гавань всегда встречали выстрелом из пушки – количество залпов зависело от типа корабля, – и тогда Нико со всех ног бежал на пристань, чтобы посмотреть на новых рабов. Он расспрашивал всех, кто был готов разговаривать с ним, сам без промедления отвечал на их вопросы, но никого с Мальты не привозили. Нико не падал духом. Это просто вопрос времени, думал он, не оставляя мыслей о побеге и не отрекаясь от веры в солдат Божьих на земле.

Нико все чаще думал о рыцарях, проводил в размышлениях о них все больше и больше времени. Их доспехи сияли, как благодать Господа, а с мечей капала кровь неверных. Нико дал себе слово, что однажды присоединится к ним и клинком изгонит корсаров из их логова в Северной Африке. С глубокого детства он мечтал вступить в орден, но отец всегда говорил ему оставить эти глупые мечты. Он был мальтийцем, к тому же простолюдином, и рыцари никогда не запятнают честь ордена, к которому в основном принадлежали европейцы благородного происхождения. Нико поклялся самому себе, что все-таки найдет способ. Однажды он бродил по Бедестену, предаваясь своим дерзким мечтам, и вдруг увидел Баба – того самого мальчика, который украл у него деньги в первый день в Алжире. Нико смело зашагал к нему, Баба обернулся и заметил старого знакомого. Сжав кулаки, Нико бросился на обидчика. Они упали на землю и долго катались в пыли. Нико пришел в такую ярость, что набросился на старшего по возрасту Баба с неожиданной силой. Баба удалось разбить Нико нос и скулу, но потом он быстро вскочил на ноги и убежал. С поля боя Нико ушел весь в крови, но с ощущением победы.

Каждую ночь перед сном он крутил в руках подаренную Марией монету, словно четки, и молился вслух. Он просил Господа вспомнить о его спасении и направить его руку против врагов: мучителя Мехмеда, палача Юсуфа и капитана галеры Али-аги, продавшего его в безбожный ад Алжира. Когда Нико закончил молиться, из темноты раздался голос Иби:

– Если станешь мстить за все причиненные тебе несправедливости, всю жизнь проведешь в погоне за мстостью.

– Да, – задумчиво ответил Нико и добавил без тени сожаления: – Думаю, так оно и будет.

– Тогда тебе лучше обращаться к другому Богу, – посоветовал Иби. – Если перейдешь в ислам, то уже никогда не станешь рабом на галерах или в карьерах. Надень тюрбан, и тогда тебя могут даже освободить.

– Моя душа будет гореть в аду! – возмутился Нико. – И если ты так думаешь, то почему не перейдешь в ислам сам?

– Бог давно забыл меня, а я забыл Его. В детстве я как-то молился Ему целый месяц. Потом месяц не молился. И никакой разницы не заметил.

– Твоя вера слаба!

– Не слаба, мой юный друг. Ее просто нет. И если твоя цель – возмездие, то тебе не стоит понапрасну волноваться, кому ты служишь. Я попал в рабство в детстве, сначала жил на Сицилии, потом меня увезли в Алжир. Христианская страна, потом – мусульманская. Я видел, что берберийский Аллах любит мстить, как и Бог твоих отцов. Но в этих краях Аллах окажется тебе куда полезнее. Мехмед тоже отступник. Он перешел в ислам, а теперь посмотри, какой властью он обладает!

– Мехмед вообще ни во что не верит! Он не следует зову муэдзина! Я видел, как он пьет вино!

– Все правоверные, пока стоят в мечети, – рассмеялся Иби. – А стоит им выйти оттуда, как они забывают о вере. В доме Фарука истинно верующий только Юсуф. Хозяин сам пьет много вина, ну разве что не в священный месяц Рамадан, тогда он пьет в два раза больше. И все же он совершил паломничество в Мекку. Так делают все мужчины на пути в райские кущи: одной ногой стоят в пороке, а второй – в добродетели. Тебе нужно выбрать путь, который даст тебе больше шансов выбраться из той жизни, которая тебя ждет. Перейди в другую веру, мой юный друг.

– Никогда! – горячо воскликнул Нико, повернулся к богохульнику спиной и попытался уснуть.

Позже он поговорил об этом с Леонардусом. Корабельных дел мастер сказал, что и сам бы сделал именно так, но его талант слишком высоко ценится в этих краях.

– Лучше перейди в ислам, пока еще мало знаешь, да и то если тебе позволят, – сказал мастер. – Почти все корсары – отступники, которых когда-то похитили у родителей и обратили в ислам или воспитали мусульманами с детства. Даже Тургут, лучший среди всех.

– Но я хочу быть рыцарем! – возразил Нико.

– А кто такие рыцари? – сплюнул на пол Леонардус. – Те же корсары, только с крестами! Какая разница, во имя кого грабить и убивать?

– Богу есть разница! – выпалил Нико. – Это всем известно!

Леонардус мрачно рассмеялся и сделал глоток из фляги.

Как бы ни старался Нико, что бы он ни делал, у него никак не получалось угодить Мехмеду. Старший раб продолжал искать способы заманить его в ловушку и никогда не упускал возможности выставить его в дурном свете перед Юсуфом, регулярно получавшим отчеты о его бесполезности. Нико обвиняли в том, что разбилась посуда, из кладовой пропал сахар, зерно отсырело после грозы. Повар научил Нико готовить *маколик* – особо любимый хозяином деликатес. Нико с гордостью подал свое творение женщинам, но те плевались от горечи. Мехмед испортил блюдо, подсыпав туда квасцов, но в дураках остался Нико. Каждый день случалось что-то новенькое, какой-нибудь небольшой скандал, и Мехмед всегда обставлял все так, будто виноват в произошедшем Нико, и никто другой. Такая несправедливость мучила мальчика, но протестовать не имело смысла. Его слово против слова Мехмеда не значило ровным счетом ничего.

Разумеется, Нико куда больше нравилось свободное существование на верфях, чем бесконечные интриги в доме. В гавани ему никогда не приходилось заниматься работой, а вот

посмотреть всегда было на что. Со стоявшего у горна кузнеца сходило семь потов, пока он делал гвозди и скобы или точил и чинил инструмент. Неподалеку сшивали латинские паруса, а рядом закручивали конопляные волокна сначала в одну сторону, превращая их в пряжу, потом в противоположном направлении в более толстые пучки, а затем сплетали канаты. В другом месте длинными скобелями стругали мачты из увесистых деревянных брусьев, а плотники и столяры изготавливали шпангоуты и обшивку корпуса, а затем скрепляли доски деревянными нагелями. Такелажники готовили сети для абордажного боя и защиты команды корабля в бою, на случай если упадет мачта. Нико бывал повсюду, залезал на катушки канатов, сидел на крышах барачков, наблюдал за полетом чаек в ярко-голубом небе, слушал мерный шум при-боя и ощущал, как морской бриз ерошит ему волосы.

Больше всего ему нравилось быть рядом с Леонардусом. С ним он чувствовал себя как дома, потому что они говорили на одном языке и потеряли одну родину. Леонардус был остер на язык, но иногда хвалил Нико, когда тот хорошо выполнял какое-нибудь поручение, а порой даже улыбался ему. Такой привилегии мало кто удостоивался.

Леонардус мог рассказать обо всем на свете, дополняя свои рассказы воспоминаниями о проведенном в море времени и сказками о корсарах, бороздивших его просторы. Он знал все на свете о течениях и ветрах, странах и портах, казалось, у него есть история на любой случай. Нико не всегда понимал, где заканчиваются факты и начинается вымысел, но это было и не важно, ведь ему было очень интересно и то и другое. Он узнал о племени, использовавшем какое-то таинственное растение, вызывавшее грезы, чтобы совратить спутников Одиссея.

– Их звали лотофагами, – рассказывал Леонардус. – Жили они на Джербе. Теперь этот остров принадлежит Тургуту. Умная он сволочь, этот Тургут! Его называют Мечом Ислама. Однажды флот генуэзского адмирала Андреа Дориа, который превосходил противника по количеству и вооружению, столкнулся с малочисленной эскадрой Тургута и запер их в бухте на Джербе. Любой смертный смирился бы с поражением, но только не Тургут! Он приказал построить дорогу через остров и погрузить галеры на колесную тягу. Островитяне работали на него в поте лица и перетащили корабли на противоположный берег. Тургут ушел от врагов, целый и невредимый, как сиськи монахини! Великий Дориа только через два дня понял, что осаждает пустую гавань! Над ним смеялся весь свет, от Геркулесовых столпов до Золотого Рога. Готов побиться об заклад, после этого он и сам сожрал лотос!

Леонардус болтал без умолку, перемежал рассказы о том, какой должна быть хорошая мачта, легендами о сиренах, указывал на неаккуратные швы на латинских парусах и тут же предавался воспоминаниям о венецианских гильдиях. Он учил Нико завязывать узлы, считать до ста по-турецки, определять по цвету воды в заливе, что происходит с течениями. Нико понимал, что природа наделила его умом, но перед Леонардусом мальчик просто преклонялся, поскольку, казалось, мастер знает все на свете. Как зачарованный, Нико ловил каждое его слово.

Замечательнее всего было то, что, находясь вдалеке от Мехмеда, Нико мог поесть. Работников верфей кормили лучше, чем всех остальных рабов Алжира, а Леонардуса еще лучше, чем кого бы то ни было. В полдень работники усаживались в тени и ели лепешки, а один из рабов подавал Леонардусу и его новому помощнику Нико жареных цыплят, варенные в шафране яйца и нектарины. Леонардус делал вид, что не замечает, как Нико заворачивал фрукт или кусок цыпленка в тряпицу и засовывал за пазуху, чтобы потом отнести Иби.

Как-то раз Леонардус начал строить киль нового корабля. Это, объяснил он Нико, самая сложная часть строительства корабля, именно по ней можно отличить корабельных дел мастера от любителя. Киль определяет размеры и пропорции корабля, закладывает структуру корпуса.

– Все зависит от этого шага, – сказал он. – Ошибись – и лучшая из галер станет лишь второсортной посудиною, если вообще поплывет. Сделай все верно – и она заскользит по волнам, как молодой член в старой шляхе!

С лесного двора мастер отбирал длинные кедровые доски и выкладывал их на стапель. Им предстояло стать фальшкилем, который можно будет заменить, когда он износится от многочисленных швартовок. Поверх кедровых Леонардус выкладывал еловые доски, а потом соединял их. Это все было довольно просто, а вот дальше он начал делать нечто удивительное, на что Нико смотрел во все глаза, хотя и ничего не понимая.

Работа у Леонардуса спорилась. Нико старался не отставать, подносил мастеру штыри, веревки, бумаги и резцы. Леонардус носился туда-сюда, выкладывал доски, проводил мелом линии, направлял линии распила. Работники натягивали веревки и передвигали их под его руководством.

– Вот, это наша точка отсчета, – сказал мастер Нико. – Эй, ты! Держи вот так! – крикнул он, перелез через веревки и пометил нужную точку, вбив туда гвоздь. – Вот продольный изгиб! – воскликнул он, чертя рукой линии, видные ему одному. – Веревки на деревянных планках помогут разместить несущие элементы корпуса... нужно поделить эту длину на три абсолютно равные части и исходя из этого сделать новую отметку...

Нико ошеломленно кивнул, глядя, как веревки и доски взмыли в воздух над килем, отмечая места, где необходимо разместить постоянные элементы. Трое плотников помогли отметить точки отсчета на киле. Двое работали на шпангоутах, а третий выкрикивал результаты Леонардусу, который записывал получившиеся цифры на бумагу.

Леонардус почесал затылок и, поморщившись, сказал:

– Вот это самое сложное. Доски корпуса должны сужаться от носа к корме – вот так, понимаешь? Если сужение слишком резкое, галера будет вихлять, как пьянчужка, выходящий из таверны! Если сужение слишком плавное, она будет барахтаться в море, как свинья в луже. А вот теперь пойдем-ка поколдуем!

Развернувшись, он зашагал к плазу, где надо было разложить, распилить и соединить изогнутые футоксы – нижние шпангоуты корпуса. Туда Леонардус не пустил никого, кроме своего нового помощника Нико.

– Это я всегда делаю только сам, – объяснил ему Леонардус. – Никто никогда не видел, как я это делаю, и – Христом клянусь! – не увидит. Ты здесь только по настоянию Юсуфа, но это не важно. Тебе надо сто раз увидеть, как я это делаю, прежде чем ты поймешь, что происходит, но я все равно сдохну раньше, чем сделаю это еще сто раз!

Нико заглянул Леонардусу через плечо: тот нарисовал на бумаге полумесяц.

– За радиус берем то, насколько кормовой шпангоут уже в основании, чем мидель-шпангоут, – бормотал он, привычными движениями перемещая компас по бумаге. – Потом рисуем восемь параллельных линий внутри, вот так... Каждая линия – это каждый пятый шпангоут, и под конец я смогу рассчитать размеры каждого шпангоута. – Через несколько минут он с довольным видом разогнулся и посмотрел на свое детище. – Боже, только глянь на эту линию! Это же изгиб женского бедра изнутри, там, где соединяется... – Покосившись на Нико, мастер улыбнулся. – Ну, ты про это пока еще ничего не знаешь, да, парень? Вот так все выглядит правильно, а больше тебе пока знать и не надо. У меня стояк от одного вида! Сегодня вечером позову шляху, клянусь отсутствующими причиндалами Иисуса!

Он начал переносить на чертеж мерки, которые записал со слов плотников, читал вслух и переписывал:

– Пятнадцать, четырнадцать и три, тринадцать и восемь, тринадцать и два...

– Прошу прощения, – вдруг перебил его Нико. – Вы сказали «тринадцать и восемь»?

– Да, а что?

– Тринадцать и шесть. Я слышал, что крикнул вам плотник.

– Что за чушь, парень?! Я же записал, вот смотри! – нахмурился Леонардус и показал бумагу Нико, но тот даже не понял, куда смотреть. – Да чего я тебе показываю-то?! Ты же даже читать не умеешь!

– Не умею, господин, – ответил Нико. – Но это не важно. Он сказал «тринадцать и шесть». Вы просто неверно записали, вот и все.

– Кровь Христова, парень... – Леонардус собрался было вернуться к работе, но все-таки отвлекся. – Что ж, хорошо, проверим!

Они вышли на улицу, и Леонардус собственноручно переснял мерки.

– Тринадцать и шесть, и правда, – покачал он головой.

Зайдя внутрь, Леонардус снова склонился над чертежом и внес нужные поправки. На лице появилось любопытство, и мальтиец медленно выпрямился.

– Как ты это сделал? – спросил он.

– Что?

– Запомнил одно число из сотни и понял, что я ошибся. Как ты это сделал?

– Точно не знаю. Просто я это умею, – пожал плечами Нико.

Некоторое время Леонардус молча смотрел на мальчика. От его взгляда Нико стало не по себе, потому что в глазах мастера внезапно промелькнул холод.

– Что я сказал по поводу второго шпангоута? – тихо спросил мастер. – Ты запомнил?

– Да, господин. Его размер определяется двумя наименьшими мерками от средней нижней точки до второй отметки, – произнес Нико, не имея ни малейшего представления, что все это значит.

Леонардус уставился на него, постепенно начиная понимать, что происходит.

– Эль-Хаджи Фарук знает, что ты это умеешь? – спросил он с неожиданной злостью в голосе, и Нико заметил, что все его тело напряглось.

– Да, господин, – сжавшись, ответил Нико. – А что такого? Он сказал, что это хороший фокус для рынка, вот и все. Что когда-нибудь я буду выступать в цирке с мартышками.

Леонардус бросился на Нико, словно тигр, схватил его за плечо и ударил о стену. Задыхаясь, Нико болтался в его руках, совершенно ничего не понимая. Побагровев от гнева, Леонардус орал:

– Ах ты, грязный сын шлюхи! Вонючий подлец! Во имя крови Христа, ты за мной шпионил!

– Нет! – зарыдал Нико. – Никогда! Я не понимаю, о чем вы! Я не шпионил! Я же просто смотрю!

– Да он готов убить за мои секреты! – схватив Нико за запястья, закричал Леонардус. – Ему не удавалось выведать их у меня другим способом, а теперь он получит их от тебя! Что ты ему рассказал??? – рявкнул он, бешено вращая покрасневшими глазами. – Что ты ему рассказал??? – повторил он вопрос, встряхнув Нико, и швырнул его на пол.

– Ничего! – задыхаясь, крикнул Нико. – Его даже нет дома! Никто меня ни о чем не просил!

– И не попросит! – Леонардус схватил со стола острый дексель и шагнул к Нико. – Потому что мертвые не говорят!

Нико закрылся рукой, чтобы защититься от удара острого как бритва инструмента, которым мастер мог бы отсечь ему голову одним махом.

– Умоляю, Леонардус, поверьте мне! Я ненавижу их! Я никогда им ничего не скажу!

Мастер уже приставил лезвие, по шее Нико потекла струйка крови.

– Они тебя заставят! Отрежут тебе пальцы на ногах, как мне! Вывернут тебя кишками наружу и бросят их собакам, а ты будешь смотреть! Сколько ты сможешь хранить тайну, если тебя начнут поджаривать на медленном огне? Ты сам будешь умолять их выслушать тебя, чтобы они оставили тебя в живых!

– Я им навру! Я стану рыцарем! Я никогда не стану помогать им, и пусть отрежут мне пальцы! Я не такой трус, как вы!

Леонардус дернулся, словно его ударили. Тяжело дыша, он опустился на пол. Лезвие дрожало у него в руке. Хитрый засранец Фарук! Алжирские галерные мастера владели искусством кораблестроения, а Леонардус познал кораблестроение как науку. Алжирцы неплохо справлялись со своим делом, но они прекрасно знали, что его корабли превосходят их по максимальной скорости, пусть всего на минуту, но иногда именно эта минута и решала, вернется галера домой с богатой добычей или с пустыми руками, а может, и не вернется вовсе.

Корсары требовали его галер. Фарук мог бы продавать в пять раз больше, если бы Леонардус мог строить больше. Конечно, возможно, это был просто вопрос времени и рано или поздно Фарук все равно бы разузнал его секреты – за ними охотились все верфи, такие секреты были у всех мастеров, и каждый мастер хранил их в тайне, – но Леонардус не собирался облегчать ему задачу. Тайные знания позволяли ему сохранить голову на плечах. Он знал, что должен убить Нико, убить прямо сейчас и разобраться с угрозой раз и навсегда. Но за проведенное вместе время он успел полюбить Нико, к тому же тот еще не видел всего процесса, а от обрывочных знаний Фаруку было мало толку. А ложные сведения, вдруг понял Леонардус, могли еще и навредить ему.

– Что ж, хорошо, парень, – кивнул он. – Поговорим как мужчина с женщиной. Я верю слову соотечественника. Когда они наконец начнут расспрашивать тебя, скажешь им, что ничего не знаешь. Если выдашь им все слишком легко, они поймут, что здесь что-то не так, и тебя высекут. Так что поводишь их за нос, а потом расскажешь им вот что!

Остаток дня Леонардус рассказывал Нико тайные математические формулы построения корабля, который пойдет на дно, как только выйдет в море.

Первая жена Эль-Хаджи Фарука оказалась бесплодной. Многие мужчины в такой ситуации развелись бы, но Фарук этого не сделал. Сына Юсуфа ему родила вторая жена. Она умерла при родах, и Амира осталась главной женой хозяина.

Она изо всех сил старалась доставить ему удовольствие в постели. Какое-то время он пылал к ней страстью, но с тех пор много воды утекло, и уже много лет он не навещал ее покои. Если господин желал женщину, то приходил к одной из младших жен или к наложницам, имевшимся у него в каждом городе, где пролегал его путь. Но чаще всего Эль-Хаджи Фарук предпочитал мальчиков. Амира спокойно делила мужа с другими, особенно когда поняла, что не сможет родить ему наследников, но, когда он перестал желать ее вообще, не выдержала и стала заводить любовников – десятками, свободных и рабов, мавров и берберов, иногда даже Аббаса, огромного чернокожего, пока ее муж в пьяном беспамятстве спал под крышей того же дома. Опасность возбуждала ее так же сильно, как его – мальчики.

Когда звезда Мехмеда стала меркнуть, в постель Амиры попал и он. Он запрыгнул к госпоже без тени сомнений и начал льстиво угождать и удовлетворять все ее прихоти. Между ласками Мехмед рассказывал ей все, что знал о хозяине и об остальных обитателях дома. Амира презирала его. Однако он был умелым любовником, притворялся, что наслаждается проведенными вместе вечерами, и ревностно хранил тайны хозяйки. Она спала с ним, поскольку он знал все ее секреты, но выдать их теперь мог лишь ценой собственной жизни.

Она видела, как Мехмед постоянно пытается навредить Нико. Ложь и манипуляции Мехмеда были шиты белыми нитками – он пытался сохранить свое положение в доме. Квасцы в *маколик* – типичный грубый ход в его духе; Мехмед, как всегда, перестарался.

Вне зависимости от того, насколько хорошо ему удавалось скрывать свое отчаяние, Мехмед становился опасным. Амира подумывала приказать Аббасу задушить его шелковым шнуром, но боялась разгневать мужа, который все еще был неравнодушен к умениям Мехмеда, но уже не так, как раньше. Госпожа полагала, что не за горами тот день, когда Эль-Хаджи Фарук

задушит Мехмеда в приступе ярости или продаст его бею, вкус которого не столь изыскан. А уж она по юноше плакать точно не собиралась.

Неудивительно, что Мехмед постоянно строил козни против Нико. Мальчик обладал незаурядной внешностью, чистой и нежной кожей, чувственно изогнутыми длинными ресницами, за которыми скрывался еще невинный взгляд. Ему было совершенно несвойственно коварство, к тому же природа наделила его блестящим умом. Пересказывая услышанные на базаре истории, он запоминал все до малейших подробностей, до тончайших интонаций, которые использовали опытные сказочники, поэтому, даже когда он не понимал смысла того, что говорил, казалось, что эту историю придумал он сам. Амира радовалась, глядя, как растет Нико. Этот ребенок уже скоро превратится в прекрасного юношу.

Госпожа редко интересовалась рабами – не более, чем бегавшими в переулках петухами, – и обычно не разделяла увлечения мужа мальчиками. Однако Нико был настолько привлекателен, что она начала лучше понимать супруга. Ей хотелось заботиться о нем, защищать и воспитывать. После происшествия с подсыпанными в еду квасцами Амира сказала Нико, что он не должен позволять так с собой обращаться.

– Ты умнее всех, кого я знаю, но Мехмед всегда перехитрит тебя. Ты должен найти способ оказываться умнее таких мужчин, как он, или они всегда будут превосходить тебя.

Но помимо того, что Амире хотелось защитить Нико, с самого первого момента знакомства с ним у нее появилась и другая идея, настолько же мучительно-сладкая, насколько и опасная. Она хотела заполучить Нико раньше, чем это сделает ее супруг. Она бесконечно дразнила его и испытывала все большее возбуждение каждый раз, когда он краснел или смущенно отворачивался. У нее никогда не было любовников моложе пятнадцати-шестнадцати лет, и она задумалась, можно ли научить Нико владеть телом так же виртуозно, как он владел своим умом. Амира решила выяснить это любой ценой.

Как-то раз, когда все жены отправились в мечеть совершать еженедельный *джума-намаз*, Амира сказалась больной и осталась дома. Мехмеду она приказала следить, чтобы после завтрака ее никто не беспокоил.

Госпожа была в своей личной ванной комнате и вытиралась пушистым полотенцем, когда послышалось тихое шуршание ковров, а потом до нее донесся аромат свежих лепешек и меда – это означало, что в спальню вошел Нико. Наверняка сидит под дверью и терпеливо ждет госпожу. Амира нанесла пудру и духи, надела прозрачную сорочку, а поверх нее шелковый халат чуть поплотнее, вплела в волосы ленты, отодвинула висевший в дверном проеме занавес и вошла в спальню.

Нико тут же вскочил на ноги и улыбнулся, почтительно приветствуя хозяйку. Халат был слегка распахнут спереди. Амира прекрасно понимала, что сквозь прозрачный материал проступают плавные очертания ее груди, и даже не думала прикрываться. Нико смущенно отвел взгляд, переминаясь с ноги на ногу.

– Я голодна, Нико, – сказала она, опускаясь на подушки и опираясь на локоть, и Нико скромно подошел к ней с подносом в руках в напряжении оттого, что здесь явно что-то не так. – Присядь, – произнесла госпожа, показывая на подушку рядом с собой.

По уже заведенному у них обычаю Нико разрезал лепешку и аккуратно намазал ее медом, налил в чашку подогретое козье молоко и обеими руками протянул ей. Амира взяла чашку и поставила ее рядом с собой, даже не притронувшись. Медленно, не сводя с него глаз, она взяла руку Нико и поднесла к щеке. Он напрягся и перестал дышать. Она улыбнулась, замечая его неопытность. Нико держал руку совершенно неподвижно, чтобы не оскорбить хозяйку неловким движением. Пальцы были еще теплыми от молока, и их прикосновение показалось ей очень приятным. Прикрыв глаза, она медленно, чувственно поцеловала его пальцы один за другим.

Приоткрыв глаза, Амира заметила, что глаза Нико открыты и он смотрит не на нее, а в потолок, пребывая в глубокой задумчивости.

– О чем ты думаешь, Нико? – ласково спросила она.

– О модели корабля, госпожа! – тут же ответил он. – Мастер Леонардус рассказал мне, что в Венеции сначала делают модель корабля, а потом уже строят сам корабль. А еще я думал, что ваша лепешка остывает. Хотите кусочек?

Он выпалил все это настолько по-детски, что очарование момента тут же пропало и глаза женщины вдруг наполнились слезами. Она выпустила его руку и вытерла глаза. *Он же просто раб. Почему он так на меня влияет?*

– Я разозлил вас, госпожа? Простите меня, я не хотел! Что мне сделать?

– Оставь меня одну, – прошептала она, плотнее запахивая халат.

В ту ночь Нико лежал без сна, тревожась о том, что его подвергли проверке, а он провалил ее еще до того, как все началось. Он понимал, что все это как-то связано с сексом. Хотел разбудить Иби, рассказать ему, что произошло, и спросить совета, но ему стало стыдно собственной глупости. Больше всего его беспокоило, что такое невежество в этих вопросах мешает ему хорошо служить хозяину, с которым, как прекрасно понимал Нико, ему предстоит подобная встреча. И тогда, думал он, хозяин будет недоволен мной, а если Эль-Хаджи Фарук кем-то недоволен, то тут до смерти рукой подать.

Когда хозяин подвергнет его такой проверке, было совершенно неизвестно. Поговаривали, что Эль-Хаджи Фарук неожиданно покинул Тунис и уехал в Венецию. Такие внезапные изменения планов случались нередко, и в данном случае это означало, что у Нико в запасе еще несколько месяцев.

А вдруг удастся сбежать до его возвращения? Леонардус наверняка захочет попытать счастья еще раз. На следующий день, как только Нико остался с мастером наедине, он тут же заговорил с ним об этом:

– Как вы думаете, мастер, не стоит ли нам начать планировать побег?

– Мм... возможно, что и так, – ответил он.

Нико уже достаточно хорошо узнал Леонардуса, чтобы у него зародились подозрения. Он заговаривал с Леонардусом о побеге уже в четвертый или пятый раз, и тот всегда замолкал и делал вид, что ему все равно, хотя, вообще-то, Леонардус был не из тихих и молчаливых. Это окончательно убедило Нико в том, что корабельных дел мастер что-то замышляет. Нико продолжал крутиться на верфях, смотреть в оба глаза и слушать в оба уха, но не замечал ни малейшего признака того, что у Леонардуса есть намерение сбежать и не провести остаток своих дней в плену у алжирцев.

Глава 9

Мальчик в одиночку лазил по скалам Гоцо, свисая на веревке примерно в двухстах футах над линией прибоя, пенившегося на острых скалах далеко внизу. Сверху веревка была привязана к дереву, а на другом конце сделана скользящая петля, благодаря чему мальчик поднимался и спускался, ловко завязывая целые серии сложных узлов.

Ему были известные все секреты известняковых скал. Днем он искал хорошо спрятанные от хищных птиц голубиные гнезда. Он ждал, пока взрослые особи начнут летать туда-сюда, и замечал месторасположение гнезд. Когда птицы улетали, он натягивал свернутую сеть над углублением, где находилось гнездо, находил себе удобное место для ночлега неподалеку и привязывал себя веревкой. После наступления темноты, когда птицы залетали внутрь, он разворачивал сеть, а на следующее утро поднимал сеть с добычей: яйцами и мясом. Это было опасное занятие, и многие смельчаки погибали, лазая по скалам таким образом, но мальчик жил на скалах с шести лет и пользовался веревкой ловко и бесстрашно.

Было время, когда ему удавалось кормиться на скалах и даже продавать перья, но птицы слишком долго терпели присутствие чужака, и теперь их становилось все меньше и меньше. Он знал и другие скалы для охоты в Мджарр-иш-Шини и Та-Сенк, но боялся ходить туда, чтобы не столкнуться с кем-нибудь. Парнишка уже давно жил один, и чем дольше он не видел других людей, тем больше боялся встречи с ними. Он знал, что однажды придет время, когда голод победит страх и заставит его пойти на такой риск.

За последние недели он больше времени потратил на поиски ягод, но из-за долгой засухи на кустах почти ничего не было, и мальчик ходил с пустым желудком. Рыбалка тоже не удалась – он потерял свой последний крючок, пытаясь подсечь большого морского окуня, а замены не было. Даже нож, драгоценный тяжелый охотничий нож из дамасской стали, когда-то принадлежавший его отцу, сломался в то утро, когда он уронил его, болтаясь на веревках. Ему удалось достать его, но большая часть клинка ушла на дно, остался лишь небольшой обломок. Конечно, его можно было заточить, но все равно это уже мало напоминало нож.

Жизнь становилась тяжелее. Скоро ему придется что-то делать, что-то новое. Пока непонятно, что именно, а потому он просто пытался не обращать внимания на голод и играл в свою любимую игру. Мальчик обожал ощущение невесомости высоко над скалами, любил отталкиваться от скал и парить над водой, словно птица, пока веревка не возвращалась обратно, и тогда он отталкивался снова. Он мог заниматься этим часами, раскачиваясь в петле, как на качелях. Он отталкивался от скалы босыми ногами, даже не глядя, что делает, просто зная, что скала там, долго и лениво скользил по воздуху и снова касался ногами камня. Мальчик смотрел на небо, на облака, на солнце, оно кружилось и сияло из-за скалы...

И тут мальчик резко остановился.

На верху скалы стоял человек и смотрел вниз, прямо на него. В эту часть Гоцо, острова к северу от Мальты, обычно никто не забредал. Здесь не было ни души уже почти год. Мальчик видел людей лишь издалека.

Он попался, спрятаться уже не получится. Солнце стояло ровно за головой мужчины, поэтому мальчик не видел его лица. Он не мог понять, вооружен ли незнакомец.

– Уходи! – крикнул он, но мужчина не тронулся с места.

Мальчик выхватил то, что осталось от ножа, пытаясь скрыть тот факт, что лезвия толком нет.

– Убью! – крикнул он.

– Думаю, ты смог бы, если бы ударил меня по затылку, – отозвался незнакомец, разглядывая сломанный нож. – Ты убиваешь всех, кто приходит сюда ловить рыбу?

– Уходи! Это мои скалы!

– Тысяча извинений, ваша светлость! – вежливо поклонился мужчина. – Не знал.

Он неторопливо пошел вдоль скал, беззаботно насвистывая себе под нос. Перестав слышать свист, мальчик быстро поднялся по веревке. Мужчина исчез из виду и снова появился чуть позже, у подножия скал рядом с водой. Ловко прыгая с камня на камень, он добрался до галечной косы и, не оборачиваясь, уселся рыбачить.

Фенсу наживил сыр на крючок и забросил веревку в воду. Он спиной чувствовал, что мальчик следит за ним, но не оборачивался. Через час достал лепешку и мешочек с орехами из плетеной корзинки и как ни в чем не бывало принялся за еду. Вскоре он ощутил, что мальчик подобрался поближе, а потом заметил тень, упавшую ему через плечо на скалы и воду. Он обернулся и увидел мальчика совсем близко: осунувшееся чумазое лицо, впалые щеки, одежда изодрана в лохмотья. Мальчик смотрел не на него, он не мог отвести глаз от хлеба. Фенсу отломил кусок лепешки и протянул ему. Мальчик схватил угощение и проглотил его в один присест.

– Меня зовут Фенсу, – произнес мужчина, протягивая мальчику горсть орехов.

– Меня – Якобус, – с набитым ртом произнес мальчик. – Я не заметил вашей лодки.

– Я спрятал ее в бухте Шленди.

– Вы знаете Гоцо?

– Когда-то я жил здесь. Но уже давно не приезжал. Думал посмотреть, как тут с рыбалкой.

– У вас не очень-то получается, – сказал мальчик, глядя на веревку с крючком. – Так точно ничего не поймаете.

– Обычно как-то справляюсь, – улыбнулся Фенсу. – По крайней мере, я не так голоден, как ты.

– Я не ходил бы голодным, если бы у меня были крючки.

– Вот, – порылся в корзинке Фенсу, – держи. Смотри не потеряй. Покажи мне, как надо. Якобус покрутил в руках крючок. Острие блеснуло на солнце.

– Заточен на славу, – одобрительно кивнул он и быстро прицепил крючок к веревке.

Фенсу протянул ему кусочек плесневелого сыра в качестве наживки, но Якобус тут же проглотил его, и мужчина поморщился. Мальчик встал на четвереньки и принялся переворачивать камни, пока наконец не нашел то, что искал, – блестящего черного жука. Насаживая его на крючок, Якобус смотрел, как жук отчаянно дергает лапками. Он пошел по косе в сторону берега и забросил крючок там, где Фенсу решил, что место слишком мелкое и ловить нечего. Через пять минут Якобус вытащил рыбину и бросил ее, трепыхающуюся, на гальку, а потом добил камнем. Быстро орудуя обломком ножа, он счистил чешую и отрубил хвост, а потом съел ее сырой вместе со всеми внутренностями, жадно обгрызая мясо с костей.

– Рыбачить, как я погляжу, ты и вправду мастак, – сказал Фенсу, поглядывая на мальчика с легким отвращением, – а вот готовить тебе еще надо научиться.

– Меня отец научил рыбу ловить, – облизывая губы и пальцы, сообщил Якобус. – И по скалам лазить тоже.

– Он ловец птиц?

– Он был лучшим, если не считать меня, конечно. Потом упал, и ему ногу отрезали. Тогда стал пасти овец.

– Где он?

– Умер.

– А мать? У тебя есть семья?

– Их забрали корсары. Всех забрали.

Эту историю Фенсу знал не понаслышке. Два года назад рыцари ордена Святого Иоанна решили напасть на корсара Тургута в Тунисе. Атака провалилась. Турки отправили флот под командованием адмирала Синан-паши, в сопровождении Тургута и его галер, в рейд

на Мальту и Триполи. Флот достиг своей цели прошлым летом. Рыцари ордена Святого Иоанна удержали оборону основного острова, и тогда Синан и Тургут повернули на Гоцо. Тургуту нужно было отомстить. Несколько лет назад здесь погиб его брат, тело сжег губернатор острова, тоже рыцарь ордена. Завидев приближение флота, жители Гоцо покинули свои дома и укрылись за стенами цитадели. Фортификационные сооружения были слабо укреплены, и сопротивление быстро сломали. Турки забрали в рабство всех. Пять тысяч душ – почти всех мужчин, женщин и детей. Оставили только двенадцать стариков, чтобы они рассказали всем жителям Мальты, что случается с теми, кто противится туркам.

Двенадцать стариков, подумал Фенсу, и одного мальчика.

– А тебя почему не забрали?

– Я работал на скалах. Никогда не приходил домой, пока все корзинки не наполню. Иногда не бывал дома по три-четыре дня. Наверное, они палили из пушек, но море шумит громче, и я ничего не услышал. Я как раз возвращался с корзинами и увидел, что случилось. Но они все уже были на кораблях. А остров горел... – Якобус загнулся и нервно сглотнул. – Я спрятался, – продолжил он, смущенно вытирая предательские слезы. – Подобрался поближе, пытался найти своих, но потом пришлось бежать. Турки разослали по острову патрульные отряды, чтобы те отравили воду в колодцах и все сожгли. Они гнались за мной. Я вернулся на скалы, три дня прятался в пещере, а потом не выдержал. Дождался темноты и вернулся в деревню. Там не было никого, даже собак. Наша хижина была рядом с замком. Они сожгли все дотла. Забрал с пепелища все, что нашел, – сети, крючки и этот нож. Остальное забрали турки.

– То есть все это время ты жил один?

– А больше никого не осталось. На Гоцо с добрыми намерениями никто не приезжает. Если я вижу кого-нибудь, то сразу прячусь. Точнее, прятался. – Он посмотрел на Фенсу. – Жил себе как жил, но в последнее время ягод стало совсем мало, да и охота идет так себе. Мне нужны крючки и новый нож. Веревки были хорошие, но и они изнашиваются. Со мной все будет в порядке. Просто надо понять, откуда это все взять.

У Фенсу было три разных ножа. Он вытащил самый маленький и протянул мальчику:

– Вот, возьми. Мне он не нужен.

– Мне нечем вам заплатить, – сказал Якобус, глядя на сокровище, но не беря его в руки.

– Поймай мне еще рыбы. Я сюда за этим пришел.

Якобус ухмыльнулся и уже через минуту опустил в воду три тонкие веревки. Занимаясь рыбалкой, он незаметно доел орехи и хлеб Фенсу, но все равно выглядел голодным. Время от времени он проверял свои снасти, вытаскивал рыб и поглядывал на птиц. Он знал их всех: дроздов и голубей, славков и черноголовков, золотых иволг и козодоев, перепелок и бекасов. Одних он умел ловить, за другими только наблюдал.

– Как-то раз я поймал на скалах сокола, – похвастался он. – Отец продал его одному из сокольников, а тот – рыцарям ордена Святого Иоанна. Слышал, они заплатили его в дань императору за острова, – гордо добавил он. – На одном том соколе, которого поймал я, отец заработал больше, чем за целый сезон работы пастухом. Он говорил, что у нас самые знаменитые соколы во всем мире. Их даже короли хотят заполучить, вы знали об этом? Они используют их для охоты, – без умолку болтал Якобус, продолжая доставать из воды одну рыбу за другой.

Поздно вечером Фенсу встал и поднял тяжелую корзину с рыбой.

– Мне пора. Лодка у меня маленькая, хочу успеть переплыть пролив до темноты.

– Вы могли бы заночевать здесь, – неожиданно тоненьким голосом произнес Якобус. – У меня есть место. Костер разведем.

– Меня жена ждет.

– А-а-а, – протянул Якобус, бросая в воду камень.

– Пойдем со мной, – предложил ему Фенсу, закидывая корзину на плечо.

– Зачем?

– Можешь жить с нами. Мы тоже живем в пещере.

– Мне уже одиннадцать, – фыркнул Якобус. – А может, и все двенадцать. Я сам могу о себе позаботиться.

– Не сомневаюсь, что можешь. Но мне не помешала бы помощь с рыбалкой. И мне кажется, что тебе тут бывает одиноко.

– Мне нравится жить одному, – замотал головой Якобус.

– Ну как скажешь, – пожал плечами Фенсу. – Может быть, еще увидимся. Удачной рыбалки, Якобус. И остерегайся корсаров.

Развернувшись, он пошел по косе к берегу, потом остановился, нарвал травы, окунул в воду и положил сверху на улов, чтобы рыба сохранила свежесть, потом обернулся и помахал мальчику рукой. Тот помахал в ответ.

Когда Фенсу почти дошел до своей лодчонки в Шленди, мальчик догнал его и взял за руку. Они сели в лодку и отчалили от берега вместе.

Якобус поселился в нише на верхних уровнях пещеры и устроил себе удобную лежанку из соломы. Фенсу был рад, что у них появился еще один добытчик пищи. Теперь он мог чаще работать плотником. Эта работа, как и воровство, приносила ему неплохие деньги. В первые несколько дней они рыбачили и охотились на мелкую дичь вместе.

– Остерегайся местных рыбаков, – предупредил его Фенсу. – Они выдадут тебя ордену за самовольную охоту!

По эдикту великого магистра наказанием за самовольную охоту было три удара плетью и год в кандалах на галерах. Если нарушение совершалось повторно, то незадачливого охотника ожидали пожизненные работы на галерах.

– Не боюсь я ваших рыцарей! – отозвался Якобус. – Да и не поймают они меня ни за что.

Даже Фенсу не умел охотиться так же ловко, как этот мальчишка. Вскоре в котле булькали настоящие деликатесы. Якобус приносил в пещеру пойманных в источниках у Мдины угрей и черепах из залива Святого Павла. Все это было как нельзя кстати, потому что ел Якобус за троих.

К известию о том, что Фенсу – еврей, Якобус отнесся с полным безразличием. Сам он не исповедовал никакую религию и хотел только ходить сытым, а еще убить людей, которые забрали его семью.

Если рядом был кто-то, кроме Фенсу, Якобус очень смущался и все еще побаивался других людей. Он спускался со своего насеста в пещере только для того, чтобы добыть еды. Он никогда не ел с остальными, хватал миску и ложку и забирался обратно в свое гнездо. Оттуда он наблюдал за странными религиозными церемониями: танцами и играми. Его звали присоединиться, но он не приходил.

В конце концов, всего через две недели после начала его жизни в пещере, его заставила спуститься вниз особая веселая еврейская церемония, а также присутствие девочки из Биргу по имени Мария Борг.

Остававшиеся у Марии сомнения по поводу еврейских ритуалов в Мекор-Хаким окончательно развеялись на Пурим, праздник, посвященный победе добра над злом. Это была история о том, как евреи жили среди неевреев. Фенсу провел весь день в приготовлениях. Время было уже позднее. Мария со всеми попрощалась, потому что все равно старалась не присутствовать на религиозных церемониях. Она видела, что дневная гроза еще не закончилась, но тучи на небе, кажется, уже рассеивались. Марии не хотелось бежать домой под дождем, поэтому она решила подождать, пока гроза не пройдет. Она сидела у входа и наблюдала за происходящим. Фенсу стоял у источника, а вокруг него собрались слушатели и расселись на полу у костра. Он только закончил показывать удивительные фокусы, заставляя комочки глины

исчезать за ушами у детей, доставая яйца из самых неожиданных мест, а одно вообще разбил прямо над головой ювелира Коула.

Когда слушатели достаточно развеселились, он начал рассказывать историю Пурима.

– Будь благословен, о Элохим, источник всего сущего, благословивший наши жизни Твоими законами, – читал он по памяти, – и приказавший нам читать Книгу Есфирь... – он посмотрел на слушателей и пожал плечами, – но у меня нет Книги Есфирь, да если бы и была, я бы не смог прочитать ее, поэтому придется вам поверить мне на слово!

Дети восторженно визжали и хлопали в ладоши, предвкушая, что будет дальше.

Мария, глядевшая во все глаза на Фенсу, заметила, что и Якобус наблюдает за собравшимися со своего насеста, высоко на противоположной стене. Она уже видела мальчика там раньше, заметила, что он за ней наблюдает, и помахала ему рукой. Мария не разглядела, махнул ли он ей в ответ: ей было видно только макушку головы да белки глаз, мальчик смотрел вниз на залитую светом огня пещеру.

Фенсу начал рассказывать историю из Ветхого Завета – историю про Есфирь, скромную еврейскую девушку, персидского царя по имени Артаксеркс и злого великого визиря Амана, который хотел истребить всех евреев в царстве, поскольку считал их опасными мятежниками.

Фенсу не просто пересказывал историю. Он разыгрывал ее по ролям, меняя голос, наряды и позы, изображая разных героев. Когда он превратился в Есфирь, голос стал выше на целую октаву, ресницы затрепетали и он упал без чувств. Дети от души хохотали. Мария, все еще дрожавшая после ливня, подседа поближе к огню рядом с Еленой. Фенсу тем временем превратился в царя Артаксеркса, нацепил корону со страусиными перьями и начал важно расхаживать по пещере, говоря низким голосом. Потом он стал женой царя Астинь, заговорил фальцетом и заверещал, когда царь прогнал ее за предательство. Мария внезапно почувствовала, что кто-то сел рядом с ней. Якобус. Он не обращал ровным счетом никакого внимания на Фенсу и смотрел только на Марию. Девочка улыбнулась. Он неуклюже прикоснулся к ее волосам, так и не сводя с нее глаз.

Фенсу уже стал героем – дядей Есфири Мардохеем. Он спрятался за каменную колонну, а потом выскочил оттуда в длинном плаще и со строгим выражением лица и произнес пламенную речь, предупреждая царя о том, что в царстве Артаксеркса поселилось зло.

– Ты похожа на мою сестру Роману, – прошептал Якобус.

– А ты немножко похож на моего брата Нико. – Мария взяла его за руку.

Мальчик улыбнулся ей в ответ, и Мария снова вернулась к спектаклю, постоянно ощущая на себе его взгляд. Пока шел спектакль, Якобус все больше расслаблялся и наконец тоже начал смотреть представление.

Всякий раз, когда Фенсу становился негодяем великим визирем Аманом или хотя бы произносил его имя, дети гремели трещотками, которые для них сделал Фенсу, и пытались перекричать злодея, потому что Аман собирался убить всех евреев в царстве. Когда это произошло в первый раз, Мария просто наблюдала за тем, как это делают другие, хихикая над странным зрелищем. Во второй раз она тоже схватила трещотку и стала крутить ею, крича вместе с остальными.

Храбрая Есфирь, рискуя собственной жизнью, рассказала царю, что она еврейка, и обвинила великого визиря в злокозненном замысле, и царь приказал казнить его. Когда Фенсу, а точнее, Амана уже повесили, он вытаращил глаза, надул щеки и стал извиваться, даже Якобус радостно закричал и затопал ногами, но руки Марии не выпустил. Потом накрыли стол со скромным угощением, и Мария осталась еще подольше. Элли протянула ей чашку теплого козьего молока с медом. Мария отказалась, решив, что это имеет какое-то религиозное значение. Фенсу усмехнулся над ее осторожностью.

– Не волнуйся, – будто прочитав ее мысли, сказал он. – Даже если выпьешь молока на Пурим, еврейкой от этого не станешь.

Вечер выдался просто чудесный, в конце которого евреи Есфирь спаслись, а Мария раз и навсегда решила, что евреи из Мекор-Хаким не могли быть теми же самыми евреями, о которых в деревне рассказывали страшные истории, ну а Якобус решил, что, когда вырастет, обязательно женится на Марии Борг.

После этого Мария старалась не пропускать ни одного праздника. Ей все еще было неловко участвовать в них вместе со всеми, чтобы случайно не совершить греха; от отца она свои походы тщательно скрывала. Если бы тот узнал, что она якшается с евреями, то избил бы ее так, что она не смогла бы сидеть очень долго, а о том, что бы с ней сделал дон Сальваго, не хотелось даже и думать. Мария рассудила, что просто смотреть и слушать, а иногда трогать и пробовать – не грех, главное, держать данное самой себе слово, что при первом же признаке появления дьявола она сбежит отсюда со всех ног и уже никогда больше не вернется.

На Хануку она увидела, как празднуется чудо с маслом и каждую ночь на протяжении восьми дней зажигают по одной свече в *меноре*. На Суккот, праздник урожая, они вместе строили *сукку* с видом на море – хижину из камней, хвороста и палок, украшенную сушеными водорослями и свечами. Урожая в тот год не было, но Фенсу не упускал ни одной возможности устроить праздник или поблагодарить Бога.

– Сегодня мы живем в роскошном доме, – произнес он, показывая на пещеру, – но, возможно, когда-нибудь будем жить в хижине, – показал он на *сукку*, – и мы должны радоваться любому дому, которым одаряет нас Элохим.

И они радовались, и ели луковый суп, и пили горячую воду с медом. Они развели костер и танцевали под звездами под музыку цимбал Елены. В каждый свой приход Мария приносила Якобусу сладости. Он увивался за Марией, пока Елена не прогоняла его за назойливость.

Елене в пещере жилось хорошо, но она не переставала мечтать о том, чтобы уехать с Мальты, где у нее не было другого будущего, кроме как остаться шлюхой, будь то еврейской или нет. Девушке хотелось большего. Она спала с мужчинами, рассказы которых будили в ней мечты о богатстве, счастье и любви – и все это ждало ее где-то там. Они с Марией раз за разом пересказывали друг другу истории итальянского сказочника, в основном романтические истории о любви. Они нравились Марии больше всего, хотя влюбленные без памяти герои и героини этих историй были очень далеки от реальности. Мария никогда в жизни не видела таких пар. Разве что Фенсу и Элли. Они, по крайней мере, казались добрыми друзьями и часто смеялись вместе. Но любви романтической, о которой так мечтали девочки, в их мире будто бы вообще не существовало.

– Потому что на Мальте такой любви не бывает, – объяснила ей Елена, – только соитие. Если мы хотим любви, надо ехать во Францию. А там – как знать, может, ты даже найдешь того, кто научит тебя читать!

Франция. Снова эта Франция, о которой так мечтала Мария. Франция с эфемерными полями люпинов, серебряными ложечками и великолепными замками, любовью и книгами, которые можно читать девочкам. Казалось, что все важное и красивое в этом мире существует только во Франции, а все серое, унылое и ужасное – только на Мальте. Сначала они просто лениво беседовали о побеге в тот мир. С тем же успехом они могли обсуждать желание уплыть куда-нибудь на облаке. Но постепенно в девочках росла решимость. Постепенно идея отъезда захватила их настолько, что они всерьез начали откладывать деньги на путешествие.

Сначала Мария продавала гуано и собирала валежник, а потом продавала его на факелы или на покрытие для крыш хижин в Биргу. Девушка трудилась изо всех сил, но зарабатывала очень мало, и это обескураживало ее. Нужно собрать гору гуано высотой с Шибerras, чтобы оплатить проезд на корабле.

Она принималась за любую работу, но ей приходилось действовать очень осторожно. Если бы Лука узнал об этом, то избил бы ее до полусмерти, поскольку решил бы, что она

делает это, потому что он сам не в состоянии обеспечить семью, хотя, признаться, частенько дело обстояло именно так. Мария была уверена, что сможет скрыть это от него. Отец работал от рассвета до заката и поэтому ни о чем не подозревал. К тому же, если Мария исправно выполняла свои обязанности по хозяйству, он ее вообще не замечал. С матерью Мария давно научилась обращаться так, как ей было нужно. Та была сплетницей, острой на язык, но на самом деле довольно скромной, плаксивой и слабой.

Работу было найти нелегко. Чаще всего девочку прогоняли с порога, неодобрительно морщась от ее наглости, но не всегда. Ткач нанял ее пряхи пряжу, и она работала у него по несколько часов в день. Прошли недели, он кормил ее обещаниями, но денег не платил. Она попыталась заговорить с ним об оплате, сначала вежливо, потом, когда оплаты не было уже два месяца, на повышенных тонах.

– Я знаю твоего отца! – прикрикнул на нее ткач, когда Мария пригрозила уйти. – Выметайся! Увижу тебя тут еще раз – и все ему расскажу!

Деньги она потеряла, но была полна решимости наказать его. У жены ткача был лоток на рынке, где она продавала его пряжу. Фенсу дал Марии немного смолы, которую он прихватил на пристани, где иногда подрабатывал, и, пока Елена отвлекла жену ткача, Мария измазала смолой три прядки с пряжей.

Потом ее взяли потрошить рыбу. Работа была тяжелая, рыба ужасно воняла, спина болела. В первый вечер она работала до темноты, пока руки, покрытые серебристой чешуей, не начали коченеть от холода. Незаметно сзади к ней подошел рыбак и положил руки ей на плечи, а потом начал лапать ее. Она набросилась на него с кулаками и никогда больше туда не возвращалась.

Елена продолжала работать по вечерам, а днем они с Марией начали делать свечи. Елена мастерски владела этим искусством. Они с Марией обливались потом над огромным железным котлом, поддерживали огонь, мешали булькающий животный жир, а потом снимали густую белую пенку с поверхности. Собирали обрывки веревок на побережье, расплетали их и делали из просмоленных ниток фитили. Потом Елена брала длинный узкий нож, который специально для нее сделал Фенсу, и вырезала из воска изысканные формы. Иногда добавляла краску и тогда продавала свечи дворянам Мдины по более высокой цене. У Марии появилась идея сделать свечу в виде церкви Святой Агаты, ее приходской церкви. Фитиль было поставить некуда, и тогда Елена приделала к церкви звонницу и воткнула фитиль туда. Отец Сальваго пришел в восторг, когда Мария принесла ему их творение:

– Шедевр! Именно такой когда-нибудь и будет наша звонница!

Священник купил свечу и поставил на алтарь, но заплатить смог лишь несколько жалких мараведи.

Из жира качеством похуже девушки делали мыло. Свечи были замечательные, мыло – пенистое, но много заработать им не удавалось ни на том, ни на другом.

Как-то ночью вместо денег Елена после долгой возни на сеновале получила от клиента козу. У козы были огромные уши и большие сияющие глаза, но животное оказалось тощим и больным. В пещеру им пришлось нести ее на себе. Фенсу взглянул на изможденное животное и покачал головой, сетуя на доверчивость девушек:

– Ну хоть жаркое будет на вечер...

Но девушки не поверили ему. Обмакнув тряпку в подслащенную медом воду, они поднесли ее козе, та жадно высосала ее, и дальше они по очереди выхаживали козу несколько дней. Каждый день они собирали нежные молодые ростки песколюбки, росшей на побережье, и коза сметала все в один присест. Елена наловчилась красть цветы из садов богатых домов в Мдине, чтобы их питомица восстановилась, жуя примулы и фиалки. Назвали быстро набравшую вес питомицу Есфирь – в честь еврейской девушки из истории, которую Фенсу рассказывал на Пурим.

Как-то раз Якобус привел в пещеру еще одно животное – козла, которого он нашел, добывая еду.

– Это тебе, – гордо сказал он Марии.

Козлик был исхудавший, рожки тонкие, но в каком-то смысле вел себя так же аристократично, как и Есфирь. Шерсть была короткая и рыжая, а борода – длинная и белая – придавала ему крайне глубокомысленный вид. Его назвали Царем, в честь Артаксеркса.

Отец Марии, как и большинство его соседей, держал в доме овец и всегда пренебрежительно отзывался о козах и их хозяевах. Поэтому свою находку Мария добавила в длинный список того, что оказалось неправдой. Девушка обнаружила, что, вообще-то, козы нравятся ей больше, чем овцы. Они были скромными и смысленными, можно даже сказать – хитрыми. Им все было интересно, они были ужасно независимыми и неутомимыми, чем походили на свою хозяйку. Царь оказался очень нервным и привередливым, а Есфирь – преданной и чувствительной, и вскоре Елена заметила, как Царь пристраивается к Есфири сзади, совершая быстрые движения.

– Погляди-ка! – крикнула она Марии. – Они трахаются! У нас тут скоро целое стадо будет!

Пять месяцев спустя Есфирь родила троих здоровых козлят: двух девочек и мальчика. Когда у Есфири отошло молоко, она осчастливила Марию и Елену огромным количеством молока. Его было столько, что они доили Есфирь три раза в день. Двоих козлят, мальчика и девочку, они обменяли на взрослую молочную козу, и теперь у них стало два источника драгоценного напитка. Потом девушки приручили еще одну дикую козу и уже вскоре пасли свое скромное стадо на каменистых полях, а Якобус обычно всегда крутился где-то рядом.

Они стали экспериментировать с производством сыра. Первые несколько партий получились совершенно несъедобными, но дальше дело пошло на лад. Фенсу смастерил пресс для сыра и показал им, как делать твердый сыр, выжимая из него лишнюю влагу. Климат в пещере идеально подходил для хранения, и сыр созревал медленно, как ему и положено. Какую-то часть Елена оставляла для жителей пещеры, а Мария пыталась продать остальное в Биргу. Это оказалось непростой задачей, потому что большинство жителей либо делали сыр сами, либо не могли позволить себе купить его. Чаше всего ее прогоняли, но девушка не сдавалась.

Как-то утром Мария заметила на ведущей в гавань улице неподалеку от замка рыцаря де ла Валетта. Его выбрали командиром эскадры, и он стал одним из самых влиятельных рыцарей на острове. Мария ненавидела его и весь орден Святого Иоанна за то, что они не отправились в погоню за похитителями Нико, но от денег рыцаря она бы не отказалась. Его, как всегда, окружала дюжина пажей и оруженосцев, высокомерная свита, которая расчищала дорогу для могущественного господина. Она встала у них на дороге и изложила свою просьбу.

– Она неделями осаждает нашего интенданта, – сказал де ла Валетту один из братьев. – Тот говорит, что нам не нужны ее товары.

Де ла Валетт остановился и пристально посмотрел на девочку. Он показался ей похожим на королей, изображенных на монетах, которые она видела на рынке: седые волосы, гладкое лицо, гордая осанка. Прошло меньше года с их последней встречи, и Мария подумала, что он наверняка не узнает ее, но ошиблась.

– Как я погляжу, ты не растеряла свою смелость, Мария Борг, – сказал он. – Твои манеры оставляют желать лучшего, и ты забываешь свое место.

Она поразились, услышав в его упреке скорее достоинство, чем издевку, но виду не подала и быстро ответила:

– Я просто хочу продать сыр, ваше превосходительство. Не думала, что для этого нужно знать свое место.

Паж поднял было руку, чтобы ударить непокорную девчонку, но де ла Валетт остановил его и смерил Марию холодным, но одобрительным взглядом.

– Я возьму все, что у тебя есть, – помолчав, сказал он. – Половину заверни в ткань и отнеси в мой *обержс*. Остальное – в подвалы, моим галерным рабам. И смотри, чтобы цена была справедливой!

Рыцарь едва заметно кивнул Марии и пошел дальше. Она лучезарно улыбнулась незадачливому пажу. На следующее утро она принесла половину тяжелого груза в *обержс*, где во время пребывания на Мальте жили рыцари из Прованса и Оверни. Управляющий с кислым видом открыл ей дверь. Мария заметила изысканную резьбу по дереву и гобелены на стенах, но ее внимание сразу же приковали ряды книг. Она предложила отнести сыр на кухню, надеясь разглядеть книги получше, но управляющий тут же забрал у нее сыр, приговаривая, что она испачкает полы.

Мария прошла через весь Биргу на другой конец полуострова, где над гаванью возвышался форт Сант-Анджело, перешла деревянный подъемный мост и у ворот представилась. Паж впустил ее в форт. Мария никогда раньше не бывала здесь и смотрела на все круглыми от изумления глазами. Благородные рыцари ходили по толстым стенам замка, и казалось, что цитадель способна выстоять даже под адским огнем пушек самого Люцифера. Она забралась наверх, следуя за пажом, вышла на площадку, откуда открывался вид на весь Биргу, потом они миновали множество лестниц и ворот и очутились перед дворцом, возвышавшимся над мысом. Там жил сам великий магистр. Двор перед казармами кишел рыцарями и их оруженосцами, торговцами с тележками и ремесленниками, строившими фортификационные сооружения.

Затем паж повел ее вниз по лестницам, высеченным в скале, которая выходила к заливу Калкара-Крик. Они остановились в широком каменном проеме перед тяжелой дверью с металлическими решетками. За этой дверью находились пещеры, которыми были изъедены скалы под фортом Сант-Анджело и в которых между плаваниями содержались галерные рабы ордена. Мария увидела их изможденные лица и темные глаза, и по ее спине пробежал холодок.

– Отбросы для свиней Мухаммеда! – крикнул паж по-арабски, и через решетку тут же просунулось множество худых, но мускулистых рук, отталкивавших друг друга и сплетавшихся, словно коричневые змеи.

Согнувшись под тяжестью ноши и сильно нервничая, Мария подтащила корзину к двери. Корзину тут же вырвали у нее из рук и дернули к решетке. Рабы ринулись в драку за сыр, разразившись воем и рыком, будто голодные псы. Мария в страхе отшатнулась, и паж ухмыльнулся при виде ее испуга. Корзина упала на землю, и Мария подхватила ее, взяла себя в руки и справилась с желанием убежать наверх – такого удовольствия она пажу не доставит ни за что.

Де ла Валетт держал свое слово и покупал все, что производили Мария и Елена, и девушки думали, что теперь-то уж точно заработают целое состояние. Каждую пятницу они пересчитывали деньги. Сбережения все время росли, но ужасно медленно. Потом пять новых коз, из которых три были молочные, подхватили лихорадку. Спотыкаясь, они бродили туда-сюда и бегали кругами два дня, не останавливаясь, даже чтобы поспать. Фенсу насильно вливал в них лекарство и пускал им кровь, но они все равно подошли.

Мария, занимавшаяся деньгами, произвела подсчеты:

– Если мы купим новых коз, то накопим на то, чтобы уехать отсюда, через три года. Если новых покупать не станем, то через пять. – Она обескураженно посмотрела на Елену. – Мне уже исполнится восемнадцать, – в отчаянии добавила она. – Я буду старухой!

Не в силах больше ждать, девушки пошли в порт неподалеку от Биргу, где стояли торговые суда, перевозившие зерно и древесину из северных портов. Там они познакомились со старым мореходом, который водил на Сардинию большую галеру, и попросились на борт, сказав, что отработают, но тот лишь рассмеялся:

– От вас обеих на корабле никакого толку, разве что юбки задирать, а такого хватает в любом порту. Женщина на борту – плохой знак! Я не стану дразнить Посейдона и испытывать судьбу!

Все капитаны, с которыми они говорили, отвечали им примерно то же самое, но девочки сдались, только когда начальник гавани прогнал их с берега.

Получив от ворот поворот, они уселись на пирсе, болтая ногами над морем. Рыболовецкие суда теснились в заливе, ожидая своей очереди выйти в море. *Дайсы* перевозили людей и животных через бухту, лодочники стояли у края, ловко орудуя длинными веслами и маневрируя. Корабли загружали и разгружали: одни на пристани, другие – у маяков. На противоположном берегу узкого залива, на Сенглеа, крестьянин толкал тележку, нагруженную зерном, пытаясь добраться до мельницы на вершине холма Молино. Ему помогала жена, но даже вдвоем они с трудом поднимались вверх. Казалось, проходят поколения, но эта сцена остается неизменной, разве что на верху холма появился форт Сант-Мишель.

– Нам никогда отсюда не выбраться. Есть только один выход – спрятаться на корабле, – как ни в чем не бывало сообщила Елена, и девушки посмотрели друг на друга; их сердца забились от такой возмутительной идеи.

– Мы можем найти корабль до Сицилии, – сказала Мария, – тогда переход не будет долгим. Но как нам туда пробраться?

– Я знаю как, – тут же подхватила Елена и поведала Марии свой план.

– Но как мы его усыпим?

– Я знаю одну колдунью, – успокоила ее подруга. – Она как-то помогла мне, когда я была беременна.

– Ты была беременна? – Мария внимательно посмотрела на подругу, но та сделала вид, что не слышит вопроса.

– Она может сделать все, что угодно, своими кореньями и заклинаниями. Она может просто потерять бьющееся сердце кролика о гуано, и с неба упадет птица!

– А зачем делать так, чтобы птица падала с неба? – с сомнением спросила Мария, не разделявшая непоколебимой веры Елены в подобные вещи.

– Потому что она такое умеет! И она поможет нам пробраться на корабль!

Лукреция оказалась дряхлой старухой, ее кожа походила на пожелтевший пергамент, лицо было изрезано глубокими морщинами и напоминало каменистый остров. Под потолком хижины висели связки крыльев летучих мышей, черепа животных и другие предметы, которыми она торговала. Здесь пахло мускусом, запекшейся кровью и давними мечтами, насекомыми и шкурами животных, бесконечными проклятиями и целебными снадобьями. Сварив им зелье, старуха провозгласила:

– Нектар самого дьявола! Всего одна капля – и даже самый крепкий моряк проспит неделю!

Они нашли подходящий корабль – большую трехмачтовую галеру из Барселоны. Три трюма, пушки на двух палубах, множество мест, где можно спрятаться. Корабль выходил в Палермо через два дня. На радостях девушки обнялись и заплясали. Легкий морской бриз никогда еще не казался им таким свежим, таким приятным, настолько полным надежды.

План придумала Елена, а Мария отвечала за поддержание боевого духа. Готовясь к отъезду, Елена вдруг потеряла былую дерзость. Легко сказать – трудно сделать.

– Как думаешь, что они сделают с теми, кто тайком пробрался на корабль? – спросила она у Марии. – В смысле, с женщинами, если поймают?

– Не волнуйся! Нас просто высадят в ближайшем порту, а нам-то как раз туда и надо! А что еще им остается?

Елена с Марией рассказали о своих планах Фенсу. Тот согласился ухаживать за их козами, продать их по выгодной цене, а когда они дадут ему знать, где очутились, он найдет способ передать им деньги.

– Идиотки! – произнес он, но дал им три золотых флорина в дорогу. – Даже дурам надо что-то есть, – добавил он.

Услышав новости, Якобус разрыдался. Он забрался в свое гнездо, спрятался и отказывался спускаться. Мария залезла к нему и уселась рядом. Он обнял ее и уткнулся головой ей в плечо.

– Ты можешь помогать Фенсу ухаживать за козами. – Она погладила его по голове. – А потом возьмешь себе часть выручки, когда он их продаст!

– Не нужны мне деньги! – замотал он головой, глядя на Марию покрасневшими глазами. – Не нужны мне козы! Мне нужна ты! Не уезжай, Мария! – всхлипнул он и от стыда закрыл лицо руками.

– Все будет хорошо! – взяв себя в руки, сказала Мария. – Я вернусь!

Она и сама не знала, говорит ли правду. Якобусу это было не важно. Ей пришлось оторвать его пальцы от своего джеркина, с трудом сдерживаясь, чтобы не разреветься самой. Попрошавшись с Элли, Империя и со всеми остальными, она и сама расплакалась.

Из дома Мария ушла, даже не попрощавшись с родителями. В горле стоял ком, но слова не приходили, а рассказать им о своих планах она не могла. Она не стала ничего с собой брать – только одежду, что была на ней, одеяло и все деньги, которые они заработали с Еленой. Мария тихо притворила за собой дверь и ушла не оглядываясь.

В начале двенадцатого девушки спрятались за каменной стеной монастыря кармелиток, стоявшего на берегу залива. Они взяли с собой хлеба и сыра, но поесть от волнения не смогли. Отплытие галеона было назначено сразу после рассвета. К полуночи на корабле все стихло. В темноте они различали смутные очертания фигуры вахтенного. Он курил трубку на квартердеке и писал за борт. Они ждали.

В три часа ночи вахтенный уселся верхом на фальшборт, прислонившись спиной к фалу, натянул шапку на глаза и свесил голову на грудь.

Елена сделала глубокий вдох и смело пошла по пирсу. В свете масляных фонарей ее тень зловеще плясала на корпусе корабля. Девушка бросила камешек, он ударился о борт и с плеском упал в воду. Вахтенный тут же встрепенулся. Спросонья он осмотрелся по сторонам и почти сразу заметил ее. Она достала из сумки бутылку и сделала непристойный жест.

Не успела наблюдавшая за ними из своего укрытия Мария и глазом моргнуть, как Елена уже очутилась на корабле. Матрос тут же прижал Елену к борту и попытался поцеловать, но та увернулась и едва слышно рассмеялась. Он потянулся за бутылкой, отхлебнул вина, щедро сдобренного зельем Лукреции, схватил Елену за талию и привлек к себе. На этот раз ему достался поцелуй, но вскоре Елена отстранилась и предложила выпить еще. Парень ничего против не имел и надолго присосался к бутылке, а потом вытер подбородок рукавом, что-то сказал ей, засмеялся и увел ее в темноту.

Едва парочка успела удалиться, как Мария по сходням, которые просели и заскрипели под ее весом, поднялась на борт, перебежала на другую сторону палубы и спряталась между штурвалом и нактоузом.

Море в бухте было спокойное. Корабль едва заметно покачивался на воде, но Мария чувствовала движение моря под килем. Она слышала скрип канатов и досок палубы, шелест ночного бриза в такелаже.

Кроме этих звуков, Мария слышала и другие, довольно близко: громкие страстные вздохи. Елена изо всех сил не давала вахтенному скучать. Мария догадалась, что они залезли в шлюпку, крепившуюся к правому борту.

На цыпочках она прокралась по палубе и поднялась по трапу на верхнюю палубу. Там она ударилась головой о латунный фонарь, висевший на кардане, потом споткнулась обо что-то, упала на свернутый канат и сильно ушибла висок, но издала лишь тихий писк. Придя в себе после падения, Мария подняла плетеную решетку, закрывавшую вход в кормовой трюм, и укрылась там.

В трюме стояла крошечная тьма, стены оказались липкими на ощупь. Здесь пахло затхлостью, гнилым деревом, солью и мочой. Мария нашла узкую жердочку и уселась ждать. Движения корабля в этом тесном пространстве как будто бы усиливались. Сдерживая рвотные позывы, Мария думала, какие странные и злые существа поджидают в темноте, но все равно улыбалась во весь рот, – казалось, ее улыбка вот-вот озарит трюм ярким светом.

Мы плывем на Сицилию! Во Францию!

Она принялась считать медленные покачивания корабля, досчитала до ста, потом начала заново, потом еще раз. Время растянулось до предела. Через решетку Мария разглядела первые лучи рассветного солнца. Еще раз до ста и еще.

Мария чувствовала, что что-то пошло не так. Уже совсем скоро станет светло, а от Елены ни слуху ни духу.

Елена рассчитывала, что матрос вырубится, она оставит его в шлюпке, проскользнет в трюм и спрячется там вместе с Марией до отплытия корабля. Но зелье не сработало. Матрос быстро выпил полбутылки. Этого должно было оказаться достаточно, чтобы свалить с ног всю команду корабля. Единственный эффект, который она заметила, – обвисший член. Где-то час спустя он прикончил пойло и спустил штаны. Елена искусно играла с ним, пытаясь возбудить, но увеличивалось только недовольство клиента.

Наклонившись, она взяла его в рот и перепробовала все, что умела. Матрос откинулся, держа ее за затылок и направляя движения в нужном ритме. Прошло пять минут, десять... Когда мужчина терпит неудачу такого рода, кажется, будто время останавливается. Они оба хорошо понимали, что происходит, и старались изо всех сил, но тщетно. Стало ясно, что скорее наступит утро, чем у них что-нибудь получится.

Елена проклинала старуху и ее зелье. Матрос должен давно валяться без чувств, даже если бы это было просто вино. Видимо, зелье не давало ему уснуть. Может быть, дать ему по голове бутылкой? – подумала она, но побоялась.

На востоке занималась заря, члены команды начали выходить из трюма, но палуба пока была в тени. У них еще было время спрятаться, но только если действовать быстро.

– Я пойду, – шепнула она.

– Убирайся, – пробормотал матрос, с трудом держа глаза открытыми, – ни разу у меня не было бабы, на которую не встает!

Елена тихо вылезла из шлюпки и бесшумно прыгнула на палубу. Девушка уже пошла к кормовому трюму, но столкнулась с членом команды. Она пискнула от ужаса, а он удивленно охнул.

Корабль быстро пришел в движение, вокруг Елены столпились моряки. Караульный выбрался из шлюпки, спотыкаясь и сквернословя. С трудом держась на ногах, он застегнул штаны, и мужчины расхохотались. Один держал Елену, второй сорвал с нее одежду, третий схватил ее за волосы, собираясь поцеловать. Девушка пыталась сопротивляться, но силы были не равны.

Из темноты выскочила Мария и бросилась в гущу людей, пинаясь, кусаясь и размахивая руками. Ей повезло попасть пальцем прямо в глаз одному из моряков, и тот так завопил, что остальные на секунду застыли в нерешительности. На крики прибежал первый помощник, за ним капитан, который тут же принялся орать, пытаясь навести порядок. Двух нарушитель-

ниц спокойствия он запер в своей каюте, а потом послал одного из матросов за начальником порта.

Оказавшись в каюте, Елена горько разрыдалась. На щеке расплылся синяк, платье было порвано в клочья, но плакала она не поэтому.

– Почему ты не осталась в укрытии? – стонала она.

– Я бы не уехала без тебя!

– Со мной все было бы в порядке! Ты должна была уплыть! Значит, все это было зря!

Теперь мы обе останемся тут навсегда!

Днем Марию отвели к отцу, пришедшему в бешенство оттого, что он услышал.

– Значит, хочешь уехать с Мальты, – с издевкой сказал он. – Думаешь, ты слишком хороша для своей семьи! А сама путаешься... путаешься со шлюхой!

– Не называй ее так, отец! Она моя подруга!

– Подруга! Выбрала в подруги такую дрянь! – орал отец, вытряхивая на стол содержимое сумки Марии.

Она прикусила губу. В сумке были их общие с Еленой деньги. Лука долго смотрел на монеты, а потом перевел потемневший от гнева взгляд на дочь:

– Или ты теперь тоже шлюхой заделалась? – (От бессильной ярости на глазах Марии выступили слезы, но она стойко молчала.) – Да что с тобой не так? С чего ты вдруг захотела уехать от семьи, из родного дома?

Мария долго пыталась скрыть отчаяние, но ей это не удалось, и, расплакавшись, она тихо ответила:

– Потому что здесь ничего нет.

Лука Борг отходил ее палкой, забрал все деньги и запретил выходить из дому, бросив под конец:

– Нигде ничего нет.

Глава 10

Раз в четыре месяца Леонардус в сопровождении рабов ездил в небольшой порт в Шершеле. Путешествие на запад Алжира занимало четыре дня на телеге, запряженной быками. Мужчин сопровождал эскорт янычар, которые следили, чтобы рабы не сбежали, и защищали их в пути от нападения берберских племен, живших в горах и при любой возможности пытавшихся выкрасть рабов. Рабы предназначались для работы в гористых лесах у порта – они маркировали, рубили и пилили деревья.

Леонардус инспектировал деревья, отбирая сосны для килей, а для других частей корпуса – кипарис или кедр. Перед тем как срубить дерево, он представлял себе то, во что оно превратится. Формы танцевали у него в голове, а потом проступали из дерева. Так скульптор смотрит на глыбу мрамора, пока не увидит в ней очертания будущей скульптуры.

– Что ты видишь в этом кедре? – спросил он у Нико, показывая на кривое старое дерево.

– Древесину. Кору. Просто дерево, – ответил Нико.

– Просто дерево! Яйца Божьи, мальчик! Это же как женщина в юбках! Нужно представить себе, что находится под ними! Вот, видишь, там, где ветви отделяются от ствола, – это как женщина раздвигает ноги и ждет, что ты войдешь в нее! Если это не кормило военного корабля, которое только и ждет, чтобы его освободили из тюрьмы, можешь считать меня сыном шлюхи! Не видишь, а, парень? – рассмеялся он, глядя на Нико. – Ты еще даже сам с собой не умеешь играть, не то что о бабах думать. Устрою тебе встречу с одной из моих девок. Она поднимет твое кормило, и глазом моргнуть не успеешь!

Нико покраснел от беззлобного поддразнивания старшего товарища. Щурясь, он смотрел на дерево и пытался разглядеть то, что видел в нем Леонардус, но только когда дерево свалили, сняли с него кору и срезали лишние ветки, Нико увидел кормило, которое Леонардус заметил с первого взгляда. Да и то никаких намеков на женские формы он все равно не увидел. Видимо, для этого, подумал Нико, требуется пара глотков вина.

Во время вырубki Леонардус умудрялся быть одновременно везде: раздавал указания лесорубам, валившим деревья, распилищикам, обрезавшим ветви, и рабочим, грузившим нужные части на повозки, которые увезут древесину из гор в порт; там ее погрузят на галеры и отправят на верфь. Леонардус маркировал каждый ствол, делая отметки: этот смягчить в томильном колодце, другой – просушить, и все подробно записывал.

Лагерь они разбили в оливковой роще у воды. Шершель когда-то был важным римским портом и носил название Кесария. Здесь было множество руин: стены старого стадиона, колонны, бани и мраморные статуи лежали на земле между оливами. Лица статуй были отсечены арабами, считавшими объемные изображения попыткой соперничать с самим Аллахом.

Нико голышом искупался в теплых водах залива и теперь бродил по скалам на побережье. Леонардус научил его искать в литоралиях мидии. В тот вечер они сварили их в котелке на лагерьном костре, сбрызнули лимонным соком и с наслаждением съели. Леонардус уговаривал Нико выпить с ним вина, но Нико уже успел обнаружить, что алкоголь не только кружит ему голову, но и крутит живот, поэтому просто притворялся, что пьет. Леонардус быстро напился вусмерть. Он пел так громко, что хоть святых выноси, танцевал в море на мелководье и под конец упал ничком, лицом в воду. Янычары вытащили его на берег и унесли в оливковую рощу, где рабов приковывали на ночь. Надев на мастера кандалы, они бросили его между Нико и останками мраморной Афродиты. Около часа Леонардус провел в забытии, но потом проснулся и начал буйнить, навалился на Нико, тот оттолкнул его, но мастер продолжал что-то бормотать, мычать и смеяться, смешивая испанские, итальянские и берберийские слова. Нико закрыл уши руками, пытаясь заснуть, и ему это уже почти удалось, но тут он услышал

обрывки мальтийских слов: «Melita, Melita... dghajsa... Melita... bissa...» Были и другие слова, обрывочные и неясные, но кое-что Нико все же удалось разобрать:

Мальта. Корабль. Части.

Сон тут же как рукой сняло. Нико схватил Леонардуса за плечо и потряс, надеясь, что тот скажет что-нибудь еще, находясь в полузабытьи.

– Что это? Что это значит? – зашептал он, но Леонардус, пуская слюни, перевернулся на другой бок.

В ту ночь Нико уже не смог уснуть, раз за разом прокручивая в голове услышанное. Очевидно, что Леонардус что-то замышляет, но это он и так давно понял. Но что? Какие части? Части чего? На верфи повсюду были части чего-то. Уверенность тут же покинула Нико. Да ничего это все не значит – так, пьяные бредни. Или все-таки значит? Нико заснул, повторяя про себя: «Dghajsa. Melita».

Они вернулись в Алжир, и, пока Леонардус занимался делами на складе, Нико удалось проникнуть в плаз – единственное место, куда строго воспрещалось заходить кому-либо, кроме Леонардуса, старших плотников и Нико. Мастерская представляла собой отдельное огромное помещение, наполненное сладковатым ароматом свежеспиленного дерева. Пол выстилал мягкий ковер из стружек и древесной пыли. На крюках, вбитых в деревянные столбы, были аккуратно развешены инструменты. У Леонардуса повсюду царил идеальный порядок. Вдоль стен ровными рядами стояли созревшие бревна, а на полках лежали доски, уже размеченные для распила и соединения. Некоторые доски стояли у стен или лежали на козлах для пилки. Потом все части раскладывали на полу, где они принимали нужную форму в соответствии с чертежами и расчетами корабельных дел мастера.

Нико искал повсюду: отодвигал доски от дальней стены, рассчитывая найти там вход в потайную комнату, топал по полу за штабелями досок, надеясь, что в полу под слоем стружки обнаружится люк. Где-то здесь должно скрываться место, достаточное, чтобы спрятать небольшую лодку. Мальчик залез на бревно и заглянул на потолочные балки.

Ничего.

Обескураженный, он присел отдохнуть. Может, Леонардус прячет ее у себя? Нет, его жилище слишком мало. Может, в весельной или в...

Нико уперся локтями в колени, закрыл глаза и задумался. Части.

Открыв глаза, он снова посмотрел на части, на полуобработанные деревяшки, отброшенные в стороны, как будто бы отбракованные. Одни из них действительно были испорчены, а вот другие... Нико быстро пробежался по ним взглядом. Да! Вот она!

Левый борт кормовой секции небольшого судна. Сам по себе он, конечно, ничего не значил, но тут Нико увидел правый борт, прислоненный к другой стене, за штабелем кедровых бревен. Стоило ему сложить два и два, как он тут же разглядел и остальные секции – пока только ребра корпуса, но идеально подогнанные по размеру. Остальное Нико не нашел, но не сомневался, что оно тут – на виду у всех и при этом ни для кого не заметное. Деревяшки среди деревяшек. Он вытащил две детали в центр помещения и положил их рядом – идеальное совпадение, остается только обшить досками, скрепить штырями да законопатить стыки. По бокам киля уже даже были пробиты полукруглые отверстия для крепежа основания под небольшую мачту для паруса. Знающим свое дело плотникам не составило бы труда подготовить суденышко к отплытию за час!

Нико едва сдержался, чтобы не ахнуть в голос. Леонардусу удалось построить миниатюрную плоскодонку прямо под носом у державших его в плену хозяев! Лодка была небольшая, человека на четыре. Перекрестившись, Нико прошептал:

– Пожалуйста, Господи, пусть в нее поместится четыре человека и мальчик! – а потом аккуратно расставил части лодки по местам и ушел из мастерской.

На следующий день за обедом Нико не выдержал:

- Возьмите меня с собой!
- Я никуда не собираюсь.
- Когда решитесь на побег. Я хочу уйти с вами.
- Хватит нести бред!
- Я нашел лодку.
- Какой смысленный парнишка! Нашел лодку там, где строят лодки!
- Я не дурак, Леонардус. Вы строите плоскодонку. Я нашел ее части.

Сначала Леонардус не ответил, продолжая посасывать дольку апельсина и наблюдать за рабочими, которые с трудом толкали телегу, с верхом нагруженную парусиной. Заметив, что телега вот-вот перевернется, Леонардус заорал на надсмотрщика:

– Эй, ты! Смотри, что они творят! Уроните ткань в грязь – я тебе яйца отрежу и буду использовать вместо балласта, а из крайней плоти сошью парус! – Не сводя глаз с телеги и суетившихся вокруг нее рабов, Леонардус тихо сказал Нико: – Смотрю, от тебя ничего не утаишь, мальчик. Уже второй раз чутье мне подсказывает, что тебя надо убить. А чутье не врет, – добавил он, доедая апельсин, вытер сок с бороды и громко рыгнул.

– Я умею хранить тайны. Возьмите меня с собой.

Леонардус задумался. Он и еще три плотника трудились над лодкой уже несколько месяцев – то над одной частью, то над другой. Если остальные поймут, что Нико раскрыл их замысел, то перережут мальчику глотку, что бы ни говорил им Леонардус. Они все понимали, чем рискуют и что их ждет в случае неудачи. Лодка могла выдержать четверых мужчин, а также необходимое количество пресной воды и провианта, чтобы отправиться на север и добраться до Балеарских островов. Пятому человеку там не поместиться, даже такому маленькому, как Нико, – лишний груз подвергнет опасности их всех.

Леонардус успел полюбить Нико, но на такой риск пойти не мог. Другого шанса у него уже не будет. Он принял решение: либо добраться до Балеарских островов живым, либо умереть. Мастер подумал было сказать Нико правду, ведь тот был юн, сообразителен и у него еще будут шансы спланировать побег самому. Однако отвергнутый Нико мог оказаться более опасен, чем Нико, полный надежд и уверенный, что его собственная шкура зависит от того, сможет ли он сохранить план побега в тайне. Леонардус не хотел заставлять его молчать силой, поэтому выбора у него, собственно, не было.

– Черт с тобой! – вздохнул он и кивнул. – Поплывешь с нами. Но работа еще не закончена, и дело это опасное. Ждать еще несколько недель, а то и месяцев.

Лицо Нико озарилось улыбкой. Он бросился к мастеру и обнял его:

– Вы не пожалеете! Я сделаю все на свете ради этого! Вы будете довольны мной, вот увидите!

– Возьми себя в руки, парень, – сурово оттолкнул его Леонардус. – Обойдемся без сцен. Если ты хотя бы подмигнешь мне в неподходящий момент, то я отдам тебя на килевание! А то и сам тебе горло перережу, – добавил он, осушил флягу до дна, развернулся и ушел.

Следующие несколько недель Нико просто летал на крыльях обретенной надежды, однако был очень осторожен, чтобы никто ничего не заподозрил. Мимо мастерской он всегда проходил как ни в чем не бывало, подавляя желание заглянуть туда и посмотреть, как продвигается работа над плоскодонкой, – боялся, что кто-нибудь заметит его и заподозрит неладное. Глядя на море и чувствуя свежий бриз, он едва сдерживался, чтобы не закричать. Это был ветер свободы!

Нико спокойно исполнял все свои обязанности по хозяйству. И хотя это не доставляло ему радости, старался поменьше общаться с Иби, чтобы ненароком не проговориться. Нико продолжал приносить другу еду, но старался проводить в сарае как можно меньше времени. Как-то ночью Нико пришел и обнаружил, что Иби еще не спит и дожидается его, чтобы сообщить ему новость.

– Вчера вечером я был на базаре, – начал он, потому что Нико с ним не ходил, – и видел там Мехмеда.

– Надо же! Не знал, что он туда ходит.

– И я не знал. Зрелище было крайне любопытное. Я наблюдал за ним издали. Он был у писца. Я видел, как Мехмед заплатил писцу, а тот дал ему письмо.

– Зачем он туда ходил? – зевнул Нико. – В доме есть писец.

На самом деле у Эль-Хаджи Фарука было даже три писца, которые занимались его многочисленными делами и работали в небольшой комнатке у ворот.

– И я задал себе тот же вопрос. Ответ на него может быть лишь один: он что-то скрывает!

– Может, он пишет письма дьяволу и не хочет, чтобы кто-нибудь об этом узнал. Мне-то какое дело? – пожал плечами Нико.

– Может, и какое! Мехмед ничего не делает без какой-то неблагоприятной причины. Боюсь, его намерения нечисты относительно тебя, мой юный друг. Его ненависть к тебе не знает границ.

– Да, но разве какое-то письмо может причинить мне вред?

– Откуда простому садовнику знать ответ на такой вопрос? Я просто хотел предупредить тебя, чтобы ты был начеку. Семена разрушения легче всего посеять, когда человек пребывает во сне.

– И что же мне делать?

– Бояться.

Как будто бы совершенно не намереваясь бежать, Леонардус лихорадочно работал над новой галерой. Все основные работы – постройка киля и корпуса – уже были завершены. Нико стоял на носу почти законченного корабля, когда его спускали на воду со сходней, где должны были проходить работы по оснащению корабля скамейками, каютами и перегородками в трюмах.

– Это любой осел сделает, – хмыкнул Леонардус, – к счастью, у меня в распоряжении есть достаточно тупых испанцев! – Сначала надо было поправить легкий крен по правому борту, и Леонардус громко провозгласил: – Поправить стапель, два градуса направо! Клянусь волосами святых, венецианцы лучше не сделают!

Налив чашу вина, он поставил ее на палубу и использовал в качестве уровня, быстро отдавая приказы работникам, которые трудились под днищем и перемещали балласт между передвижными досками. Проревев очередное указание, он осушал чашу, затем снова наполнил ее, чтобы проверить, получен ли желаемый результат. Отчаянно стремясь к совершенству, мастер осушил таким образом пять чаш вина и в результате сам стал давать легкий крен, в отличие от корабля.

После этого поставили мачту, и матросы закрепили такелаж, контролирующий количество парусов, которые будут ловить ветер. Положили доски для центрального прохода, затем для бокового, а также скамьи для стояния и сидения гребцов в зависимости от скорости. В носовой части под полупалубой установили боевую бронзовую полупушку, а на ганвейле закрепили две турецкие мортирки для ведения обстрела на вертлюгах. Под пристальным надзором вооруженных стражников рабы отладили новенькие весла, закрепив на них свинцовые грузики, – и весла взметнулись вверх, словно птицы. Как было принято в Алжире, после проверки весла унесли и заперли на замок, чтобы у рабов не было к ним доступа.

Постепенно из пустого корпуса корабль превратился в мечту любого корсара – элегантного и эффективного убийцу, и Нико стал понимать, почему Леонардус гордится своими творениями. В первый день их знакомства мальчик отказался спуститься в трюм новой галеры и даже с трудом мог заставить себя смотреть, как там ведутся работы. Из этих трюмов еще не воняло, но воспоминания о времени, проведенном в трюме, тогда были еще слишком свежи,

а вот теперь его отношение изменилось. *Я больше не ребенок! Я сбегу отсюда и однажды сам стану капитаном такого корабля!* Наконец спустившись в трюм, он вдохнул запах свежего кедра и не увидел там призраков. Шагая по палубе судна, он одновременно ненавидел Леонардуса и восхищался им, использовавшим свой талант для построения смертоносного оружия, а еще мечтал стать капитаном такого корабля, повелителем матросов и рыцарей, готовым ринуться в бой. Размечтавшись, он стал думать о том, что снова увидит Марию, вернется в Биргу, вернется домой. Нико радовала даже мысль о том, что отец наверняка его выпорет. У его нетерпения появилась и другая причина: со дня на день ожидалось возвращение Эль-Хаджи Фарука. Если они с Леонардусом скоро отплывут, то, возможно, день встречи с Фаруком, которого так боялся Нико, просто не настанет. Он постоянно ждал от Леонардуса какого-то тайного знака, какого-то сигнала, что все готово, но мастер и виду не подавал, что помнит об их разговоре. Оставаясь с ним наедине, Нико никогда не поднимал эту тему, чтобы доказать Леонардусу свою надежность и умение молчать.

Теперь же его охватил страх. Он подумал о рассказе Иби, видевшего Мехмеда у писца. Если Иби прав и Мехмед хочет навредить ему, то его козни могут положить конец всем планам на побег. Эти мысли не давали Нико покоя. Выглядит ли Мехмед последнее время более зловеще, чем обычно, или менее? Стали ли его интриги более тонкими? Больше всего Нико волновало то, что с ним уже целую неделю не случилось ничего плохого. Мехмед наверняка замысливает что-то особенное.

Нико должен раздобыть это письмо! Что бы в нем ни было написано, находится оно либо у Мехмеда, либо его вообще не найти. Мехмед жил в комнатухе недалеко от входа, за пределами внутреннего двора. Как и прочие комнаты, ее было видно почти со всех точек двора. Дверью в комнату служила занавеска. Нико наблюдал за тем, как приходила и уходила челядь. Обычно во дворе все время кто-нибудь был, да и передвижения Мехмеда были непредсказуемы. В любой момент он мог возникнуть из ниоткуда. Уходил из дому только утром по средам, два раза в месяц, когда отправлялся в бани.

Конечно. Другого шанса не будет.

Вечером вторника Нико рассказал Иби о своем плане.

– Будь осторожен! – предостерег его садовник. – Если тебя кто-нибудь увидит, всю следующую неделю буду сажать в саду части твоего тела...

Наутро, вернувшись из пекарни, Нико увидел, что Мехмед ушел с отрезом чистой ткани под мышкой, и, как только железные ворота захлопнулись за ним, кинулся на кухню. Повар дал ему теплое молоко, Нико поставил молоко и лепешки на поднос, предназначавшийся Амуре. Она была все так же добра к нему, но их утренний ритуал изменился. Она больше не просила кормить ее и давала ему скорее практические указания, чем чувственные.

В то утро она пожелала, чтобы Нико переставил мебель в ее покоях. Беззвучно застонав, он постарался сделать все поскорее, переставил все табуреты и подушки и переложил коврики, куда пожелала хозяйка, нетерпеливо двигая их то туда, то сюда.

– Ты чем-то обеспокоен, Нико, – сказала она.

– Прошу прощения, госпожа. Просто много дел навалилось, – тут же отозвался он.

Закончив перестановку, Нико постоял немного во дворе, стараясь отвести от себя подозрения.

Один из слуг подметал мраморные полы. Повар, как назло, решил отдохнуть и уселся курить трубку неподалеку от кухни. Наконец Нико показалось, что все чисто, и он прокрался в комнату Мехмеда. Ладони сильно вспотели, во рту пересохло. Комната было очень простая, довольно темная из-за отсутствия окон. Из мебели здесь был низкий столик, деревянный сундук, циновка и легкое шерстяное одеяло. Нико пошарил рукой под циновкой, пытаясь успокоиться – его сердце бешено колотилось при малейшем шорохе снаружи, – потом открыл сундук,

в котором оказались аккуратно сложенные стопки одежды. Порывшись, он ничего не нашел, вынул всю одежду, прощупал стенки сундука в поиске тайника – пусто.

Больше в комнате не было ровным счетом ничего, только в небольшой нише в стене стояла масляная лампа. Приподняв лампу, Нико обнаружил, что она стоит на оловянной подставке, а под ней оказалось то, что он искал: лист бумаги, исписанный аккуратным почерком. Засунув его за пазуху, Нико поставил лампу на место.

На цыпочках он подкрался к двери, остановился у занавески и выглянул, чтобы проверить, свободен ли путь. Повар ушел в кухню. Мимо пробежал слуга с ночной вазой в руках. В дальнем углу сада рядом с фонтаном Иби вскапывал землю. Только Нико собрался выскочить во двор, как всего в паре шагов от него прошел Мехмед.

Спрятаться было негде. Нико понял, что сейчас его поймают, и вжался в стену. Класть письмо на место было уже поздно. Он сделал глубокий вдох и закрыл глаза, как будто пытаясь спрятаться и скрыть преступление.

Со двора донесся громкий шум. Мехмед заорал:

– Ах ты, неуклюжий придурок! Ты за это заплатишься!

Выглянув из-за занавески, Нико увидел, что Мехмед идет к Иби. На мраморном полу рассыпалась земля, цветы и осколки декоративной садовой вазы.

– Тысяча извинений, хозяин! – бормотал Иби, пытаясь защититься от разъяренного Мехмеда, но тот ударил его в висок, а потом наградил еще серией оплеух. Из кухни на шум выскочил повар, но он стоял к Нико спиной, и мальчик быстро выскользнул из комнаты, прополз по галерее и спрятался за колоннаду во дворе, а потом помчался помогать Иби прибираться.

– Так и знал, что ты где-то тут крутишься! Ты за это тоже ответишь! – злобно посмотрел на него Мехмед и ушел к себе.

Нико опустился на колени рядом с Иби и принялся собирать осколки вазы. По щеке Иби текла кровь.

– Спасибо тебе! – прошептал он.

– Нашел?

– Да! Вечером пойду к писцу!

Весь день письмо жгло Нико кожу. Он не сомневался, что Мехмед заметит пропажу прежде, чем Нико вернет письмо на место, и догадается, что Иби поднял неразбериху во дворе, чтобы прикрыть друга. День тянулся невыносимо долго. Обжигающий сирокко дул из бескрайней пустыни за горами, принося с собой пыль и делая солнце кроваво-красным. Близился закат, пора было выходить из дому, но сначала Нико зашел к Леонардусу, чтобы пожелать ему спокойной ночи, пока того не приковали на ночь.

Мастер сидел в кресле, наблюдая за потрясающим закатом на море. Отхлебнув вина из фляжки, он посмотрел на Нико и сказал:

– Уходим в пятницу ночью, парень. Наступает *джума*, пятничная молитва в мечети. Верфь будет закрыта. Когда они хватятся нас, мы будем уже далеко. С милостью святых и попутным ветром через неделю будем на Майорке.

Писцы работали в небольших отсеках в крытой части рынка. Сидя на скрипучих стульях и склонившись над хлипкими деревянными столиками, они быстро царапали перьями по плотному пергаменту. За несколько асперов они писали письма, готовили бумаги для договоров и закладных. Если клиент знал, что хочет сказать, писцы писали под диктовку, в противном случае сами придумывали нечто сообразное обстоятельствам. Одни славились цветистым слогом, другие – изысканным почерком. Иби сказал Нико, у какого писца он видел Мехмеда, поэтому Нико пошел к другому, сидевшему подальше.

– Прочитай мне это, – попросил Нико.

Писец нахмурился и склонился над пергаментом.

– Это письмо от твоей любимой, – с улыбкой взглянул он на мальчика. – Или от твоего отца?

– Моего брата.

– Ему несказанно повезло!

– Просто скажи, о чем там говорится!

Письмо было адресовано некоему торговцу в Тунисе: «Мне так не хватает тебя, считаю дни до нашей следующей встречи. О любимый, поспеши же, ибо в твое отсутствие время тянется невыносимо долго». Далее шли цветистые заверения в любви и страсти, а затем игривый фрагмент, заставивший Нико покраснеть: «Иначе мне придется искать улады в объятиях раба-мальчишки, о памяти которого писала тебе, ведь скоро его мужественность расцветет. Мальчишка и сейчас доставляет мне великое удовольствие, но мне нужен не он, а ты. А.».

Дрожащими руками Нико забрал письмо у писца и вручил ему монету. Теперь он понял, почему госпожа не разрешала Мехмеду пользоваться услугами домашнего писца. Иби рассказывал Нико о ее любовных похождениях, и если такое письмо найдут, то ее запихнут в мешок и выкинут в море. Не стоило вообще трогать это письмо, эти дела его совершенно не касались, зря Иби вообще рассказал ему о нем. Вернуть его на место теперь будет дьявольски сложно.

Уже почти дойдя до дому, Нико вдруг замер, осознав, что все может быть совсем не так, как ему сначала показалось. С чего бы вдруг Амира доверила Мехмеду такое письмо? Дело было крайне опасное, почему она не послала к писцу кого-нибудь из своих служанок? Нико понял, что не очень много знает о ее любовниках, но симпатии к Мехмеду она точно не питала. И тут до мальчика дошло: она не писала этого письма! Это все придумал Мехмед или писец по его просьбе. Он завидует тебе, сказал ему Иби. Его красота начинает увядать, и уже ходят разговоры, что ты займешь его место. Да и сама Амира предупреждала Нико, что нужно быть осторожным.

Да, Мехмед собирался использовать это письмо против Нико, чтобы настроить хозяина против него.

Сначала Нико хотел просто уничтожить письмо, ведь совсем скоро они с Леонардусом окажутся очень далеко отсюда. Но дело было не только в нем. Если он прав в своих подозрениях, Мехмед решил навредить не только ему, но и Амуре. Госпожа была добра к Нико. Дать возможность Мехмеду и дальше строить против нее козни, бросить ее на произвол судьбы было бы неппростительным поступком.

Но вдруг его догадки неверны? Вдруг письмо действительно написала госпожа? Иби предупреждал его, что Амира тоже может быть жестокой и мстительной. Если Нико ошибается, то поставит на кон свою жизнь. Амира говорила ему, что он должен проявлять хитрость, но она была несвойственна Нико от природы.

Как бы то ни было, он решил рискнуть и поговорить с госпожой. Амира мрачно улыбнулась, когда Нико пересказал ей содержание письма, и произнесла:

– Ты правильно поступил, Нико.

Чувствуя, что его власти скоро придет конец, Мехмед собирался вручить письмо Фаруку, заявить, что госпожа изменяет ему, и таким образом избавиться разом и от Амиры, и от Нико. Его дни в спальне Фарука в любом случае были сочтены, но хозяин щедро вознаграждал бы его за такую информацию.

– Что же нам делать, госпожа? – спросил Нико. – А вы можете приказать Аббасу... – начал он, но тут же осекся, придя в ужас от собственных мыслей.

– Шелковый шнурок пришелся бы как нельзя кстати, – кивнула Амира. – Но куда приятнее будет обернуть оружие Мехмеда против него самого, а потом мой супруг сам решит, как закончат дни этот аспид. Муж подходит к таким делам исключительно серьезно. Вот что мы сделаем, – после недолгого размышления сказала она, – ты пойдешь к писцу и попросишь его написать другое письмо.

Немного подумав, Амира надиктовала Нико письмо, из которого следовало, что Мехмед собирался обокрасть хозяина. Они вместе посчитали количество слов в первом письме и сделали так, чтобы оно совпадало со вторым.

– Скажи писцу, что письма должны выглядеть совершенно одинаково!

– Неужели Мехмед не заметит подмены?

– Он глупец и невежда, читать он не умеет. К тому же он не станет рассматривать письмо, прежде чем вручить моему мужу. Хотела бы я увидеть выражение его лица, когда он поймет, что собственноручно вручил моему супругу свой смертный приговор. А теперь поспеши! Сообщи, когда вернешься, я отвлеку Мехмеда, и ты спокойно пройдешь в его комнату и вернешь письмо на место.

Новое письмо действительно с виду было неотличимо от старого, даже красивая вязь в конце выглядела точно так же. Нико вышел из комнаты Мехмеда, крайне довольный своей хитростью, спокойный за судьбу госпожи, и тут три пушечных залпа нарушили вечернюю тишину и радость Нико. Тройной залп означал, что в гавань вошло какое-то важное судно. Мальчика охватил ужас, ноги подкосились от страха. Почему-то он думал, что такой залп прозвучит лишь после того, как он сбежит отсюда.

Молясь про себя, чтобы это оказались корсары, Нико залез по лестнице на черепичную крышу и выбрался на террасу, откуда открывался вид на гавань. Да, вот она. Огромная торговая галера с каждым взмахом весел неумолимо приближалась к берегу. Нико не мог разглядеть название судна, но это было и не нужно.

Тройной залп. Хозяин вернулся.

Фарук направится домой не сразу, сначала ему нужно было нанести обязательный визит вежливости бею и вручить тому щедрые дары из удачного путешествия, поэтому у слуг было несколько часов на подготовку. В доме забурилась жизнь: тут же забили барана и развели огонь в печи, повсюду расставили свежие цветы и благовония в серебряных подставках. Сменили постельное белье, трижды выбили пыль из всех ковров. Иби занялся садом, повар – котлами с кушаньями, Мехмед – Нико, а Юсуф – всеми приготовлениями.

Зная предпочтения своего отца, Юсуф отправил Нико в бани, где его пропарили, промассировали, вытерли и одели в чистую одежду. Мехмед дал ему духи, но Нико отнесся к подарку с подозрением. Последнее время он стал замечать, что Мехмед был противоестественно расположен к нему, практически благоволил. Нико решил, что это естественное сочувствие пастуха, ведущего ягненка на заклание, потому что Мехмед рассчитывал, что письмо сделает все за него.

Наконец наступил вечер, и Эль-Хаджи Фарук прибыл домой. Сначала он встретился наедине с Юсуфом, и они отужинали вдвоем. Весь дом слышал гневные крики хозяина. Видимо, в путешествии не все прошло гладко, и Фарук пребывал в мрачном настроении. Нико понимал, что это плохой знак, и разволновался еще больше. Они с Мехмедом вместе прислуживали господам за ужином. Фарук не обращал на них внимания, читал нотации Юсуфу и много пил из серебряного графина с вином. Когда рабы унесли со стола посуду, Фарук взглянул на Нико и сказал:

– Придешь, когда я закончу с Юсуфом.

– Да, господин, – ответил Нико, понимая, что Мехмед слышит их разговор.

Нико и Мехмед унесли блюда с остатками еды из комнаты. Нико уже достаточно хорошо выучил арабский, чтобы понимать даже быструю речь, и спросил у Мехмеда:

– Господин уезжает завтра утром?

– Да, – задумчиво кивнул Мехмед. – Юсуф навлек на себя гнев хозяина, пустив на самоотек важное дело, и теперь хозяину придется ехать в Бон. Похоже, у тебя будет всего одна ночь, чтобы произвести на него благоприятное впечатление, и тогда он наверняка возьмет тебя с собой.

Эта новость потрясла Нико, потому что он оказался в совершенно безвыходном положении. Если господину все понравится, то он заберет его с собой в Бон и Леонардус уплывет без него. Если же не понравится, у Иби появится новый компост для удобрения сада.

Мехмед осмотрел Нико со всех сторон, готовя его к дебюту.

– У господина очень переменчивые вкусы, как и настроение. Делай, что он скажет. Угадывай его желания. Следи, чтобы ему не хотелось отдохнуть, – инструктировал его Мехмед, заходя ему за спину, поправляя воротник и приглаживая волосы. – Повернись ко мне и подними руки: тебе надо поправить рубашку.

Нико не заподозрил неладного и сделал, как ему приказали. Он послушно повернулся и поднял руки, и тут Мехмет размахнулся и со всей силы ударил Нико дубинкой ровно между ног. Мальчик застонал и упал на пол, держась руками за пах.

– Думаешь, ты умнее меня? – прошипел, наклонившись к нему, Мехмед, и через пелену слез и боли Нико увидел у него в руках письмо. – Думаешь, у меня нет друзей-писцов? Ты пропал, дурень! – Мехмед схватил Нико за воротник и привлек к себе. – Ты уже заставляешь хозяина ждать. Где твое чувство долга? Ты разочаровываешь его в первую же ночь! Аллах мне свидетель, ты жалкое существо! – процедил он, спрятал дубинку под одеждой и вышел из комнаты.

Нико с трудом справлялся с волнами тошноты. Он встал на четвереньки, его несколько раз вырвало, и каждый спазм выворачивал его наизнанку. Вытерев рот рукавом рубашки, он заметил пятна крови и понял, что прикусил язык.

Нико осторожно залез рукой в штаны, пытаясь понять, что произошло, но даже от самого легкого прикосновения там все горело огнем. Мальчик застонал, со лба градом лил пот. Он с трудом сел и стащил штаны. Одно яичко распухло и стало размером со сливу. Кожа на крайней плоти натянулась и блестела, переливаясь синевато-красным. Зрелище было жуткое, удар пришелся и по мошонке, и по пенису, все опухло, казалось, что вены вот-вот лопнут. Нико заскулил, мечтая умереть на месте.

– Нико! – раздался голос Эль-Хаджи Фарука.

Мальчик медленно поднялся на ноги – каждое движение причиняло нестерпимую боль. Задыхаясь, он оперся рукой о стену.

– Нико!

У Нико дрожали руки, в ушах звенело от боли, но он вытер слезы и, преодолевая себя, отодвинул ковер, закрывавший вход в покои хозяина.

– Где ты был? – рявкнул тот из угла столовой. – Я уже давно зову тебя!

Нико понял, что господин изрядно пьян. Возможно, в этом ключ к его спасению.

– Прошу прощения, господин.

– Налей мне! – протянул ему бокал Фарук.

На дрожащих ногах Нико подошел к графину. Желудок сводило, кожу покрывал липкий пот. Мальчик налил вино, пытаясь не застонать, и заставил себя улыбнуться.

– От тебя несет рвотой! – с отвращением поморщился Фарук.

– Произошел... несчастный случай, хозяин. Я не успел переодеться. Если пожелаете, я сделаю это прямо сейчас!

– Юсуф говорит, что у тебя сплошные несчастные случаи – и сплошные оправдания!

– Я исправлюсь, господин! Мое единственное желание – доставить вам удовольствие!

– У тебя будет шанс попробовать, когда расскажешь, что видел на верфях. Завтра поедешь туда со мной и моим писцом, и тот все запишет.

– Запишет, господин? А что бы вы хотели записать?

– Подробное описание построения корпуса корабля! Как этот чертов мастер делает корпуса!

Нико вспомнил слова Леонардуса: «Когда они наконец спросят тебя, скажи, что ничего не знаешь, а если выдашь им информацию слишком быстро, они сразу заподозрят неладное». Нико напряженно думал. Именно сегодня ему очень не хотелось навлечь на себя гнев Фарука и попасть под розги. Или как раз сегодня?

– Я жду, мальчишка!

– Я ничего не знаю о таких вещах, господин, но я научился работать рубанком и стругом! Я могу сделать...

– Держишь меня за идиота?! Тебе сказали наблюдать за всем! Юсуф говорит, что ты был в мастерской, когда мальтийский дьявол строил корпус! Держал линейку и записывал числа вместе с мастером! Ты же мальчик, который ничего не забывает!

– Да... да, я помогал ему, это так, господин, но я не обращал внимания на числа... Я не знал, что это важно. Я ведь не учился в школе и не могу...

– Довольно! – побагровев от ярости, прорычал Фарук. – Завтра увидим, что ты помнишь, а что – нет. Рубанок, говоришь? Прекрасно, посмотрим, как рубанок сделает тебя более разговорчивым.

К облегчению Нико, господин сменил тему, но дальше все стало еще хуже.

Мехмед всегда выставлял Нико как неловкого и неуклюжего, но сейчас Нико было так больно, к тому же он так волновался, что действительно вел себя ужасно. Все валилось у него из рук. Сначала он пролил вино, потом поспешил вытереть пятно, но случайно уронил свечку, которая подпалила подушку, и та чуть не загорелась. Уронил абрикос в меду на пол. Каждое поручение господина давалось ему с невыносимым трудом, а каждая очередная ошибка приводила Фарука во все более дурное расположение духа.

Эль-Хаджи постоянно прикладывался к бокалу. Нико подливал ему вина, надеясь, что господин напьется и уснет, но Фарук умел пить не хуже Леонардуса. Он был то добр, то груб, бесконечно рассказывал о султани и Блистательной Порте, о торговле и коврах, о торговце-пройдохе из Орана. Смеялся над шутками, которые даже не мог толком вспомнить, чтобы пересказать. В основном говорил сам с собой, а иногда задавал Нико вопросы, на которые тот ну никак не мог ответить. Нико попробовал рассказать ему историю, но Фарук только замахал на него руками, давая понять, что истории ему неинтересны. Дважды Нико просил позволения уйти, и дважды Фарук ему отказывал.

Свечи уже догорали, когда настроение Фарука резко переменялось, и он смерил Нико долгим пристальным взглядом.

– Ты, может, и ловок, как калека, – пробормотал Фарук, – но, пророк мне свидетель, твое лицо прекрасно! – Он схватил Нико и притянул его к себе, мальчик застонал от боли, но Фарук даже не заметил. – Раздень-ка меня!

Фарук будто оцепенел. Задыхаясь, Нико с трудом раздел его, и тот застонал. Перевернувшись на живот, он приказал Нико потереть ему спину. Нико послушно принялся растирать спину господина, надеясь, что Фарук расслабится и уснет, но тот вдруг перевернулся, схватил Нико за плечи, стащил с него рубашку и принялся гладить Нико по спине. Если бы не побои Мехмеда, Нико было бы просто щекотно, но сейчас любое прикосновение вызывало боль. Прикусив губу, Нико принялся молиться про себя.

Фарук схватил Нико за бедра, потом за ягодицы. Его прикосновение было совсем не ласковым. Сжав зубы, Нико пытался придумать, что сказать, что сделать, как сбежать, но рука Фарука уже добралась до его промежности и нащупала набухший под тканью член. Приняв это за знак возбуждения, Фарук застонал от удовольствия и сжал его.

Нико не смог вынести этого и закричал. Он откатился от хозяина, стена от боли и отчаяния. Фарук посмотрел на него сначала с удивлением, потом со злостью:

– Что?! – Сев на подушках, он ударил Нико по спине, содрал с него одежду и снова привлек к себе.

Каждое прикосновение причиняло Нико невыносимую боль, но его протесты только злили Фарука еще больше, приводя его в ярость. С трудом он встал на колени, намереваясь взять непослушного мальчишку силой. Но что-то во взгляде Нико, в тоне его криков мешало ему. С каждой новой попыткой Нико лишь еще сильнее скулил и пытался отползти, с ужасом глядя на хозяина.

– Ублюдок! – выругался Фарук. – Мальтийская свинья!

– Прошу вас, – прошептал Нико, прикрываясь от ударов. – Вы не понимаете, я болен!

Но тут на него обрушился град ударов по голове и плечам.

– Юсуф! – взревел Фарук. – Юсуф! Мехмед! Кто-нибудь!

– Отец? – спросонок моргая, тут же ворвался в комнату Юсуф.

– Что за дьявол вселился в этого мальчишку! От него никакого толку! Пусть ему всыплют как следует! – Покачиваясь, Фарук поднялся на ноги, схватился за стену и плюнул на корчившегося на полу Нико. – Не просто всыплют! Палками по пяткам! Да! Двести ударов, слышишь меня?

– Конечно, отец... двести ударов? Это убьет его... Как минимум он уже не будет ходить...

– Делай, как я говорю! Двести ударов в течение двух дней! Медленно, растягивая удовольствие! Я хочу знать все его тайны. Потом продай его. Хоть задаром отдай, если придется, мне плевать! Отправь его в карьеры! Или на галеры! Просто избавься от него, слышишь меня? Избавься от него! – крикнул Фарук, попытался пнуть Нико ногой, но споткнулся и упал на подушки. – И пришли мне Мехмеда! Мне нужно... Мехмед, Мехмед! – простонал он, закрыв глаза и откинувшись на подушки.

– Сию секунду, отец! – поклонился Юсуф, схватил Нико и вытащил его из комнаты.

Во дворе Юсуф крикнул Аббаса, который появился из темноты и увел Нико за собой по коридору. В темноте Нико смутно различил Мехмеда и взглянул на него. Мехмед усмехнулся и ушел в покои Фарука.

Аббас отвел Нико в одну из бань в дальнем конце двора – заброшенную купальню. Мавр запер дверь на ржавый засов и ушел.

Нико скорчился на кафельном полу. Через некоторое время он пошевелился, пытаясь найти более удобное положение. Он заполз в угол, перевернулся на спину, поднял ноги, уперся ими в стены и ощутил облегчение, когда кровь наконец отхлынула от промежности. В тишине послышалось шуршание крыс. В ужасе Нико повернулся на звук, но крысы уже скрылись во мраке. Они наверняка чувствуют слабость, и боялся, что они сгрызут его яички, привлеченные запахом крови. Однажды Нико видел, что они сделали с козленком, который попал в капкан и истекал кровью. Крысы пришли ночью, и он все еще помнил окровавленные останки, которые обнаружил наутро. Прикрыв руками промежность, Нико начал молиться, добавив к длинному списку врагов, которых он просил покарать, еще и крыс. О том, что ждет его утром, Нико пытался не думать. Ему было хорошо известно, что такое палочные удары. Но сильнее, чем боль и страх, его мучила мысль о том, что Леонардус уплывет через два дня, а Нико останется здесь. Он знал, что не сможет прожить всю жизнь рабом, сражаясь с Мехмедом и крысами. Если сбежать не получается, лучше умереть.

Посреди ночи он проснулся от шума и замахал руками от ужаса, боясь, что это крысы.

– Нико! – донесся шепот. – Нико! Ты жив?

– Иби! – с облегчением воскликнул Нико. – Да, жив.

Он опустил занемевшие ноги на пол, перевернулся и встал на колени, пытаясь подняться. Между ног все еще пульсировала боль, но уже стало полегче, и теперь он мог двигаться. С трудом поднявшись на ноги, он подошел к окну. Нико едва доставал до низа окна, поэтому встал на цыпочки и увидел шевелюру Иби в лунном свете. Иби подошел ближе и взял Нико за руку:

– Ты в порядке?

– Кажется, да. Они... Мехмед... побил меня. – Он быстро объяснил другу, что с ним сделал Мехмед.

– Ох, как жаль, дружок! – присвистнул Иби. – Это я во всем виноват, дал ему перехитрить себя. Да будь я проклят... Кстати, я тебе кое-что принес, – добавил он, протягивая в окно сверток. – Это от повара, говорит, что тебе понравится больше, чем сладости.

– Еда? Я не могу есть, у меня живот...

– Это лекарство называется опиум. Съешь то, что я тебе дал, утром, на рассвете, до того, как за тобой придут. Съесть надо целиком. И тогда будешь витать в облаках... пока тебя не заберут.

На самом деле повар сказал, чтобы Нико ел по кусочку в течение десяти дней – принятая за один раз, такая доза убила бы его. Но Иби своими глазами видел, что делается со взрослым мужчиной после двухсот ударов по пяткам, поэтому решил, что опиум – куда более гуманный способ, которым его юный друг сможет уйти из жизни.

– Понял меня? Доверься мне. Съешь все до конца.

– Хорошо, – положив пакет на пол, пообещал Нико. – Иби?

– Да.

– Как ты думаешь, рыцари когда-нибудь освободят меня?

– Обязательно!

– Вот и я так думаю. А Леонардус говорит, что не будет этого никогда.

– Мастеру Леонардусу очень не повезло в жизни. Не слушай его.

– Надеюсь, они придут за мной сегодня.

– Если бы я был верующим, то возносил бы молитвы, чтобы так оно и было!

– Я боюсь того, что будет завтра, – сжал его руку Нико.

– Все не так плохо, как рассказывают, – соврал Иби, пожимая мальчику руку в ответ. – Главное, съешь все до конца, слышишь меня? Так тебе будет легче. Ты ничего не почувствуешь. А теперь мне пора идти. До встречи, друг мой, да пребудет с тобой твой Бог в этот день! – с жаром сказал он и ушел.

Нико провел долгую ночь в наполненной кошмарными видениями горячке. Ему повсюду мерещились злые глаза дьявола: корсары на скалах, блеск их глаз в катакомбах, когда они схватили его, глаза ведьмы в трюме галеры, которая навела на него порчу. Невидящие глаза черепов на пиках на городских стенах. Глаза Фарука – жуткие янтарные глаза, блестящие от алкоголя и ярости. А еще, намного ближе, красные глаза крыс, терпеливо ожидающих, когда он заснет. Он метался, стонал и мучился вопросом, в какой именно момент Господь Бог забрал его из мира живых и оставил в мире мертвых.

Глава 11

Ля Иляха илля Ллах! Нет Бога, кроме Аллаха!

В темноте раздался мелодичный голос муэдзина, призывавший верующих к молитве. Нико потерялся в его ласковом ритме, постепенно просыпаясь, но, как только открыл глаза, понял, что это за слова, и, ощутив чувство вины, занялся собственным утренним ритуалом.

Святая Мария, Матерь Божия... Стоило ему пошевелиться, как между ног ужасно заболело, и привычные слова молитвы тут же затихли в его голове.

Сейчас ему не хотелось молиться, ему надо было пописать.

Медленно встав, он облегчился. Внутри пениса появилось какое-то уплотнение, как будто туда засунули абрикосовую косточку, и ему долго не удавалось пописать. Как он ни тужился, ничего не получалось, а когда наконец удалось, он ощутил адское жжение и вскрикнул от боли, глядя на тоненькую струйку мочи, смешанной с кровью. Нико застонал. Неужели его страданиям не будет конца? И тут он вспомнил, что ему предстоит сегодня утром. Потом вспомнил о гостинце, который передал ему от повара Иби. Пришло время съесть лекарство. Он вернулся в угол, где пролежал всю ночь, и стал искать сверток.

Сверток пропал!

Сбитый с толку, Нико ощупал свои карманы. В них не было ничего, кроме подаренной Марией монетки. Купальня была небольшая, и он обшарил ее всю, но ничего не нашел. Сомнений не было. Гостинец пропал. Или ему просто приснилось, что к нему приходил Иби?

И тут Нико вспомнил о крысах. Ну конечно! Наверное, они утащили его лекарство! В ужасе от этой мысли Нико потрогал себя, чтобы проверить, не покусали ли они его, но все раны были нанесены людьми. Он снова лег, прислушиваясь к приглушенным звукам просыпающегося дома. Каждый раз, когда раздавались шаги, он думал, что это идут за ним. Однако прошел час, еще один, но никто не приходил. Отсрочка не приносила ему ни радости, ни облегчения. Ожидание лишь погружало его все глубже в пучины ужаса. С закрытыми глазами Нико представлял себе доску, на которой его подвешат вниз головой, так что шея и плечи окажутся на земле. Видел дубинки, которыми они станут избивать его, и слышал хруст ломающихся костей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.